

ISSN 1992-2892  
ISSN 2500-221X (online)

2022 '1

**ЖЕНЩИНА**  
В РОССИЙСКОМ  
ОБЩЕСТВЕ

# ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 1 — 2022

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,  
информационных технологий и массовых коммуникаций.  
Реестровая запись ПИ № ФС 77-78824 от 30.07.2020 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,  
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций  
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)*

## **Редакционный совет:**

**С. Г. Айвазова** (Институт социологии РАН, г. Москва;  
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

**Н. Л. Пушкарёва** (*заместитель главного редактора*,  
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),

**О. В. Рябов** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,  
г. Санкт-Петербург; доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник),

**З. Х. Саралиева** (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет  
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),

**Е. А. Смирнов** (Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства  
и государственной службы при Президенте РФ, г. Иваново;  
доктор социологических наук, профессор),

**Р. Н. Сулейманова** (Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального  
исследовательского центра РАН, г. Уфа; доктор исторических наук, главный научный сотрудник),

**Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН, г. Москва;  
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

**Е. Р. Ярская-Смирнова** (Национальный исследовательский университет  
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

## **Редакционная коллегия:**

**О. А. Хасбулатова** (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;  
доктор исторических наук, профессор),

**И. С. Клёцина** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,  
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),

**Т. Б. Рябова** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,  
г. Санкт-Петербург; доктор социологических наук, профессор),

**И. Н. Смирнова** (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,  
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),

**Н. С. Рычихина** (Ивановский государственный университет, г. Иваново;  
кандидат экономических наук, доцент)

*Адрес редакции:* 153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5  
Тел./факс в Иваново: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах  
[www.womaninrussiansociety.ru](http://www.womaninrussiansociety.ru), [www.elibrary.ru](http://www.elibrary.ru), [www.ivanovo.ac.ru](http://www.ivanovo.ac.ru)

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2022  
© ФГБОУ ВО «Ивановский  
государственный университет», 2022

# WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 1 — 2022

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

---

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,  
Information Technology, and Mass Media  
Registry entry PI № FS 77-78824 on 30.07.2020*

*The journal is peer-reviewed and recommended  
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation  
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)*

---

### **Editorial Council:**

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher  
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),  
**Prof. N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology  
of Russian Academy of Sciences, Moscow),  
**Prof. O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy, Leading Researcher  
(Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),  
**Prof. Z. H. Saraliev**, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University  
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),  
**R. N. Suleimanova**, Dr. Sc. History, Chief Researcher (Institute of History, Language and Literature  
of Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, Ufa),  
**N. A. Shvedova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies  
of Russian Academy of Sciences, Moscow),  
**Prof. E. R. Iarskaia-Smirnova**, Dr. Sc. Sociology (National Research University  
"Higher School of Economics", Moscow),  
**Prof. E. A. Smirnov**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy  
of National Economy and Public Administration, Ivanovo)

### **Editorial Board:**

- Prof. O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),  
**Prof. I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),  
**Prof. T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),  
**Assoc. Prof. I. N. Smirnova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),  
**Assoc. Prof. N. S. Rychikhina** (Ivanovo State University, Ivanovo)

### Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Timiriazev str., 5  
Tel./Fax: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at  
[www.womaninrussiansociety.ru](http://www.womaninrussiansociety.ru), [www.elibrary.ru](http://www.elibrary.ru), [www.ivanovo.ac.ru](http://www.ivanovo.ac.ru)

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2022  
© Ivanovo State University, 2022

---

---

*Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 3—21.*

*Woman in Russian Society. 2022. No. 1. P. 3—21.*

Научная статья

УДК 316.32(091)(470+571)

DOI: 10.21064/WinRS.2022.1.1

## ЭВОЛЮЦИЯ ЖЕНСКОГО ВОПРОСА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ (1900—2020)

*Ольга Анатольевна Хасбулатова,*

*Инна Николаевна Смирнова*

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovain@ivanovo.ac.ru

**Аннотация.** Женский вопрос как комплекс проблем, включающий правовой статус, социальное положение женщин в обществе и семье, существует в политике государства и жизненной практике российского общества в течение полутора веков. На различных исторических этапах его носителями выступали органы политического и государственного управления, представители прогрессивной части интеллигенции, ученые, активистки женских организаций и определенные слои общества. В данной статье на основе анализа широкого круга исторических, социологических источников, многопланового фактологического материала авторы приходят к заключению, что внедрение идей о равноправии мужчин и женщин в массовое сознание прошло непростой путь, охватив несколько поколений. Российское общество в ходе вековых социальных практик усвоило стереотип, согласно которому государственная политика, сфера управления — это прерогатива мужчин. Женское же дело — работа, семья, дети, домашнее хозяйство. Несмотря на юридическое обеспечение равноправия полов, женский вопрос в современном российском обществе остается нерешенным. Миф о равноправии полов оказался жизнеспособным благодаря глубокой идеологической проработке, способности к обновлению, а также опоре на сложившиеся стереотипы о предназначении женщин и мужчин. В результате есть основания говорить о *российской модификации женского вопроса*, когда государство юридически обеспечивает равноправие полов, но продолжает поддерживать в обществе социальные установки, основанные на традиционном распределении ролей в сферах управления и семейных отношений. В XXI в. на историческую арену приходит новое поколение юношей и девушек, свободное от многих социальных практик прошлого. Авторы делают вывод, что для достижения в России равноправия мужчин и женщин государству, обществу и ученым следует помочь молодежи освободиться от стереотипов, дать ей необходимое для этого образование, создать условия для самореализации во всех сферах жизни общества.

**Ключевые слова:** женский вопрос, государственная политика в отношении равноправия полов, социальные практики распределения ролей между мужчинами и женщинами, социальные стереотипы, российская модификация женского вопроса

*Для цитирования:* Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Эволюция женского вопроса в российском обществе (1900—2020) // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 3—21.

Original article

## THE EVOLUTION OF WOMEN'S ISSUES IN RUSSIAN SOCIETY (1900—2020)

*Ol'ga A. Khasbulatova, Inna N. Smirnova*

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, smirnovain@ivanovo.ac.ru

**Abstract.** Women's issues have existed in the politics and social practice of Russian society for more than 150 years. The women's issues combine the legal status, social position of women in society and the family. The authorities, political parties, progressive intellectuals, women's groups and other sectors of society have contributed to tackling women's issues throughout history. The authors made use of a wide range of historical and sociological documents as well as analyzed a large amount of sources both of historical and sociological character. The academic analysis revealed that the development of social awareness about equality between women and men spans several generations. There are stereotypes about social roles that still exist in Russian society: men are involved in politics and governance; women work, raise children and maintain the household. In modern society, equality between women and men has been achieved at the legal level but the women's issues have not been resolved. The myth of equality between women and men still exists. The creation of the myth is based on the ingrained ideology, ability to change and stereotypes. Therefore, the researchers concluded that the women's issues in Russia have not been completely resolved. Russia's approach to tackling the women's issues means that equality between women and men is legally enforceable but women face discrimination in the areas of governance and family relations. The authors believe that the state, society and researchers should help the new generation of boys and girls to get rid of stereotypes. It is important to educate young people and create equal conditions for self-realization in all spheres of society.

**Key words:** women's issues, public policy for equality between women and men, social practices of the division between men and women, social stereotypes, Russia's approach to tackling women's issues

**For citation:** Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2022) Évoliutsiia zhenskogo voprosa v rossiiskom obshchestve (1900—2020) [The evolution of women's issues in Russian society (1900—2020)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 3—21.

### Постановка вопроса

Разработке концепции женского вопроса и его реализации в российском обществе посвящены многочисленные труды российских и зарубежных ученых, которые на различных исторических этапах связывали его решение с государственной политикой по предоставлению женщинам и мужчинам равных прав и равных возможностей во всех сферах жизни общества [Хвостов, 1905; Шабанова, 1912; Бильшай, 1959; Аракелова, 1997; Пушкарева, 2002; Buckley, 1989; Посадская и др., 1989; Воронина, 1990; Шинелева, 1990; Айвазова, 1998; Хасбулатова,

2005; Юкина, 2007]. Специфика данного исследования заключается в том, что проблема решения женского вопроса рассматривается с позиции его отражения в жизни общества: профессиональной деятельности мужчин и женщин, степени их участия в управлении, распределении обязанностей в семье. Изучение эволюции женского вопроса в государственной политике и общественном мнении осуществляется на этапах 1900—1917, 1918—1991, 1992—2020 гг. Научный интерес представляет проблема, в какой степени на эволюцию женского вопроса влияют традиции, обычаи, семейные устои, сложившиеся социальные практики взаимоотношения полов на обозначенном отрезке исторического периода.

Исследование основано на методологии историко-социологического анализа социальных процессов. Авторы исходят из того, что изменение общественного сознания, ценностных установок и стереотипов во взаимоотношениях полов носит долговременный характер. Под социополовыми стереотипами понимаются схематизированные, обобщенные, социально-разделяемые и имеющие эмоционально-оценочный характер образы маскулинности и фемининности [Renzetti, Curran, 1999: 292; Рябова, 2001: 3]. Это социальные представления о том, какие качества, роли атрибутируются мужчине и женщине в обществе и семье.

Метод сравнительного анализа позволил определить уровень влияния государственной политики на представление общества о равноправии полов и социальные практики достижения равноправия в российском обществе в XX—XXI вв. В ходе исследования авторы обращались к научной литературе, историческим источникам, трудам общественных деятелей, результатам социологических исследований в той части, которая отражает трансформацию господствовавших в обществе воззрений на статус женщин и равноправие полов в обозначенные периоды.

### **Женский вопрос в системе ценностей российского общества (1900—1917 гг.)**

Женский вопрос объединяет правовое, экономическое, профессиональное, семейное положение женщин в обществе на определенном историческом этапе развития государства. В Российской империи начала XX в. в соответствии с законодательством женщины были значительно ограничены в своих правах [Законы о женщинах, 1899]. В наследственном праве всеми преимуществами обладали мужчины. Законы, регулировавшие положение супругов в семье, запрещали расторжение брака, наниматься без разрешения супруга на работу, предписывали жене следовать за мужем по месту его жительства. Муж единолично решал все важные вопросы, касавшие жены и детей. Женщины были лишены избирательных прав, возможности участвовать в государственном управлении и самоуправлении [Мижухев, 1906]. В 1900 г. в начальных учебных заведениях Российской империи девочки составляли 21,9 % учащихся [Россия в конце XIX века, 1900: 479]. Женское образование носило сословный характер, высшее образование было практически недоступно.

Экономическая элита была заинтересована в неграмотной женской рабочей силе. В начале XX в. на текстильных фабриках женщины составляли

большинство от общего числа работающих. Рабочая смена длилась 12 часов. Нормативы об охране труда отсутствовали. Уровень оплаты женского труда был на 30 % ниже мужского [Труды Первого Всероссийского женского съезда... , 1908: 298]. Исключительно тяжелыми условиями труда, бесправием, закабаленностью в сфере быта характеризовалось положение крестьянок, которые составляли большинство женского населения России [Гуревич, 1907]. В сферах государственной службы и профессий, требующих специального образования, ситуация была противоположной. Возможности служить на государственной службе у женщин, в отличие от мужчин, были крайне ограничены. Женщины, сумевшие получить высшее образование за границей, практически не могли работать по специальности. Консервативно-патриархальная система взглядов на женский вопрос признавала правомерной второстепенную роль женщины в обществе. По мнению сторонников этой концепции, экономическая независимость женщин отвлекала бы их от домашнего труда и воспитания детей, а допущение к профессиональной деятельности усилило конкуренцию на рынке труда.

С 1906 г. в качестве субъекта политической жизни стал выступать парламент в лице Государственных дум четырех созывов. Несмотря на прогрессивную позицию отдельных фракций и депутатов, все четыре Государственные думы занимали пассивную позицию в отношении проблем дискриминации по признаку пола. Политические партии, общественные организации, сформировавшиеся как субъекты политической жизни на волне демократических преобразований 1905—1907 гг., стали выразителями интересов различных классов и слоев населения, в том числе женщин.

Следует отметить, что общественное обсуждение социальных прав женщин началось с отменой крепостного права в Российской империи во второй половине XIX в., пробудив инициативу и свободомыслие у разных слоев населения. Большой отклик вызвала напечатанная в журнале «Современник» статья писателя М. Л. Михайлова «Женщины, их воспитание и значение для семьи и общества». По оценкам современников, «она произвела в русских умах землетрясение» [Шабанова, 1912: 7]. В защиту равноправия полов выступили известные ученые, писатели, общественные деятели. О необходимости пересмотра действующего свода гражданских законов говорили и писали прогрессивно настроенные юристы. За уравнение женщин и мужчин в правах на наследование выступали профессор Петербургского университета К. Д. Каверин, известные юристы И. Д. Беляев, Г. Н. Мотовилов, М. К. Любавский. Семейное законодательство активно критиковала первая женщина — доктор права А. М. Евреинова. К коренной реформе образования женщин призывали Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский, Н. А. Вышнеградский. В кругах интеллигенции были популярны статьи Е. И. Конради, которая в 1867 г. подала Первому съезду русских естествоиспытателей петицию о допущении женщин к слушанию лекций в университете.

В начале XX в., по свидетельству очевидцев, «русские девушки вместо романов зачитывались Д. С. Миллем...» [там же]. Концепцию женского вопроса разрабатывали сторонники либерально-демократического и марксистского идейных течений. Многочисленные статьи в защиту равноправия женщин стали печататься в журналах «Женское дело», «Союз женщин», «Женский вестник». С 1905 г. женский вопрос наполнился политическим содержанием, поскольку

с образованием и началом деятельности Государственной думы женские организации включились в борьбу за избирательное право для женщин.

В формировании либерально-демократической концепции женского вопроса ведущая роль принадлежала профессору Московского университета В. М. Хвостову. Одной из центральных идей его трудов явилось обоснование права женщин на самоопределение, самореализацию, на равные права с мужчинами во всех сферах жизни общества. Среди мер, которые могли бы повысить социальный статус женщин, ученый называл предоставление им права участвовать в политической жизни, получать профессиональное образование, признание материнства общественно значимой функцией, устранение системы полоролевого воспитания детей в семье и школе [Хвостов, 1914: 390, 472]. Научный интерес представляют методологические подходы В. М. Хвостова к разработке стратегических целей для женского активизма. «Речь идет вовсе не о том, — отмечал ученый, — что между мужчиной и женщиной нет существенных различий и что роли обоих полов в социальной жизни должны быть тождественны. Речь идет о том, справедливы ли существующие ограничения женских прав, ставящие женщину в стесненное и подчиненное положение. Справедливы ли те нормы права, которые не дают женщине возможности свободно развивать все свои индивидуальные задатки и занимать в обществе то положение, которое она могла бы завоевать себе своими личными силами?» [Хвостов, 1905: 16—17]. Для обеспечения женщинам равных с мужчинами условий в социальной деятельности «должны быть уничтожены специфические ограничения в гражданских и политических правах женщин, должен быть открыт путь женщине к полному образованию и ко всем профессиям» [там же: 17]. Труды В. М. Хвостова, явившиеся значительным вкладом в разработку концепции женского вопроса в России, не теряют актуальности до настоящего времени.

В 1905—1916 гг. взгляды ученых и общественных деятелей, призывавших к равноправию полов, активно поддерживали либерально-демократические женские организации. В их видении женский вопрос включал обеспечение прав женщин на образование, профессиональную деятельность, участие в общественно-политической жизни. Сторонники этой концепции подвергали резкой критике законодательство в отношении женщин и ставили целью достичь равноправия полов с помощью реформ.

В этот же период концепцию женского вопроса разрабатывали сторонники марксистско-ленинской теории, которые включали в женский вопрос создание справедливого для всех общества. По мнению А. М. Коллонтай, И. Ф. Арманд, решить женский вопрос можно было путем радикальной смены общественно-политического строя, ликвидации частной собственности на средства производства и вовлечения женщин в общественное производство [Коллонтай, 1910; Арманд, 1975].

Научный интерес представляет уровень массового сознания населения России начала XX в. как субъекта государственной политики. Историко-социологический анализ показывает, что идеи равноправия мужчин и женщин были чужды большей части представителей имущих слоев общества. Женская группа Союза русского народа даже собирала подписи под прошением не предоставлять женщинам равных прав с мужчинами<sup>1</sup>. Подобные настроения

<sup>1</sup> Союз женщин. 1908. № 3. С. 27.

в отношении самостоятельного поведения женщин были распространены и в среде мужской интеллигенции. Одна из активисток женских организаций, вспоминая о своей встрече с первой женщиной — доктором медицины Н. П. Суловой, отмечала, что ее намерение держать в Петербурге экзамен в медико-хирургической академии произвело сенсацию в обществе, особенно «в корпорации докторов»: они были возмущены дерзостью женщины, претендующей сделаться их коллегой [Панаева (Головачева), 1986: 320].

В качестве подтверждения сложившегося в обществе противоречия по поводу равноправия полов уместно привести суждение профессора Л. И. Петражицкого, лидера фракции кадетов в Первой Государственной думе. Выступая на заседании Думы, он отмечал, что если положения о равных правах женщин сделаются законом, то «наивно было бы думать, будто на основании этих законов получится фактическое равенство женщин в области народного представительства и т. д. Препятствием выступают старые предрассудки, эгоистические интересы мужчин, которые будут долго мешать приближению к равенству и справедливости...» [Женский вопрос... , 1906: 35]. Немного позднее созвучные идеи выразил профессор В. М. Хвостов, который писал, что «мужчина должен научиться видеть в женщине самостоятельную личность и оказывать ей полное уважение в этом отношении», в чем состоит «чуть ли не самое трудное в женском вопросе обстоятельство» [Хвостов, 1914: 466; 1905: 18].

Если оценивать мнение большинства населения, то оно разделяло укоренившиеся веками общественные нормы, предписания религии и обычаи предков. Их взгляды на равноправие полов ясно выразил на заседании I Государственной думы депутат от Воронежской губернии крестьянин Кругликов. Он заявил, что крестьяне вообще не знают, что такое общее избирательное право без различия пола. «Женщинам у нас, — отметил Кругликов, — не до общего избирательного права, женщины у нас для того, чтобы смотреть за хозяйством, чтобы смотреть за детьми и за печкой» [Женский вопрос... , 1906: 17]. Данная позиция не была исключением, поскольку в начале XX в. абсолютное большинство мужчин и женщин, проживавших в Российской империи, были неграмотны, не имели навыков общественной жизни, обладали слабым представлением о гражданских правах и свободах.

Значительная часть образованных женщин осознавали наличие социального неравенства, но притерпелись к своему положению и были индифферентны к политике. Исключение составляли лишь несколько социальных общностей, среди них часть интеллигенции, объединяющей представителей научного сообщества, образованных женщин из высших и средних слоев общества, членов либерально-демократических женских организаций, которые оказывали давление на власть с целью смягчения законодательства, затрагивающего интересы женщин.

Сформировавшееся в начале XX в. рабочее движение также выставляло требования к фабрикантам: принять закон о женском труде, предоставить работницам элементарные права по уходу за ребенком, ввести для всех детей обоего пола до 16 лет общее и профессиональное образование и др.

Однако в целом к началу 1917 г. в массовом сознании российского общества были представлены гендерно-нечувствительные социальные стереотипы.

После падения самодержавия в феврале 1917 г. просвещенные слои женщин были уверены, что для осуществления равноправия наступили благоприятные времена, но мнение Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов по этому вопросу было отрицательным и мотивировалось «опасением консерватизма русской крестьянки». Тем не менее в марте 1917 г. под давлением 40-тысячной демонстрации женщин новое правительство России объявило их равноправными гражданками. Женщины получили право участвовать в выборах в органы управления. Но уже первые выборы в городские и районные думы (в мае — августе 1917 г.) показали неготовность политических партий и населения признать женщин полноправными субъектами политической жизни. Число женщин, выдвинутых в списках кандидатов от различных партий, составляло от 5,5 до 12,0 %<sup>2</sup>. В результате по итогам выборов в Центральную городскую думу Петрограда женщины составили 5,0 % депутатов<sup>3</sup>.

Таким образом, первые выборы в органы управления с участием женщин показали, что укоренившиеся веками общественные нормы, предписания религии, обычаи невозможно изменить административным способом. От политического решения о равноправии полов до закрепления равных прав мужчин и женщин в мировоззрении и повседневной практике граждан предстояло пройти путь, связанный не только со сменой политического курса, но и с формированием нового мировоззрения и жизненных практик населения.

#### **Женский вопрос в системе ценностей общества в советский период (1918—1991)**

После победы пролетарской революции в октябре 1917 г. большевистская партия специально не занималась разработкой концепции решения женского вопроса. В трудах и речах лидеров партии В. И. Ленина, А. М. Коллонтай, Н. К. Крупской, И. Ф. Арманд гарантом достижения равноправия полов признавались социалистическая революция, юридическое равенство женщин и мужчин, широкое привлечение женщин к общественному труду, коммунистическое воспитание, раскрепощение женщин в семье, обобществление домашнего хозяйства. В качестве правильной модели жизненной стратегии женщин выступает сочетание профессионального труда и материнства.

*Первые десятилетия советской власти* были периодом, когда идеи о равноправии полов начали воплощаться в социальной практике. Женщины получили равные с мужчинами гражданские и политические права. Законодательно были устранены все формы неравенства в семейно-бытовых отношениях. Важным компонентом решения женского вопроса являлось повышение уровня грамотности женщин. По данным Всероссийской переписи населения 1918 г., на 100 рабочих-мужчин приходилось 78,4 грамотных, на 100 работниц — 38,3 грамотных [Брилинг, 1919]. На селе уровень грамотности женщин был еще ниже. Н. К. Крупская писала об уровне политической грамотности крестьянок в 1920—1930-х гг.: «...их интересы замкнуты в узкой сфере собственного хозяйства» [Крупская, 1975: 94]. В результате введения в стране всеобщего начального (1930 г.) и семилетнего обучения (1931 г.) неграмотность женщин и мужчин

<sup>2</sup> Женский вестник. 1917. № 5—6. С. 75.

<sup>3</sup> Там же. № 9—10. С. 108.

в городах была в основном ликвидирована. Однако, как отмечали сами работницы, им «мешали учиться дети, плохие жилищные условия, инертность, отсутствие желаний» [Аракелова, 1997: 127]. Неслучайно в 1925 г. в школах ФЗУ для девушек была введена 50 %-я квота; в 1929 г. Постановлением ЦК ВКП(б) для женщин была введена 25 %-я квота на рабфаках технических вузов, 35 %-я квота на рабфаках текстильных институтов и техникумов<sup>4</sup>.

Новая семейная политика была также основана на идеях освобождения женщины. Семейные кодексы 1918 и 1926 гг. признали за мужчинами и женщинами равные права при заключении, расторжении брака, по отношению к общим детям, при разделе имущества и реализации других прав. Параллельно со становлением законодательства о семье в советской республике начала формироваться государственная система охраны материнства и детства. Стала развиваться система детских дошкольных учреждений, общественных столовых при предприятиях и на первых этажах домов для рабочих. Таким способом партийные комитеты утверждали идею освобождения женщин от многочисленных домашних обязанностей.

Для решения проблем, связанных с изменением мировоззрения, коммунистическим воспитанием женщин, с 1918 по 1930 г. при партийных комитетах были созданы специальные отделы по работе среди женщин (женотделы), а также делегатские собрания, которые вовлекали женщин в общественное производство и предпринимали попытки повысить уровень их политического сознания. Однако этот процесс тормозился патриархальностью российского общества, пустившей глубокие корни в рабочей и особенно крестьянской среде. «Или я тебе голову оторву, или ты у меня в делегатках ходить не будешь», — цитировали крестьянки заявления своих мужей. «Бьют и будут бить еще долго», — говорили многие женщины. — Но и мы свое не перестанем»<sup>5</sup>. Патриархальность сознания женщин и их мужей препятствовала вовлечению первых в общественную работу. К середине 1930-х гг., вместо того чтобы расширить сферу влияния женских организаций, руководители партии и правительства скорректировали политику в отношении равноправия полов. Женские отделы были ликвидированы. Ученые высказывали в связи с этим событие разные точки зрения. Авторы разделяют мнение тех, кто полагает, что складывавшаяся в этот период командно-административная система более не нуждалась в активных и инициативных женских массах [Аракелова, 1997: 70].

Обращает на себя внимание тот факт, что руководство партии с первых лет советской власти ориентировало население на декларативное, а не фактическое равноправие полов. Приведем несколько примеров. Выступая на конференции работниц 23 сентября 1919 г., В. И. Ленин предлагал женщинам заняться устройством детских учреждений, трудиться в области улучшения массового питания, создания столовых, а также утверждал, что в советской республике для женщин-работниц открывается политическая деятельность, которая будет состоять в том, «чтобы своим организационным умением женщина помогала мужчине...» [Ленин, 1970: 204]. Следует отметить, что в 1930-е гг. Коммунистическая партия закладывала основы социальных ролей мужчин и женщин

<sup>4</sup> Работница. 1929. № 37.

<sup>5</sup> Коммунистка. 1924. № 4. С. 13.

в обществе, которые переключались со стереотипами начала XX в. Так, коммунисту партия рекомендовала относиться к женщине как к равной, не бить, не запрещать вступать в партию, разрешать работать и учиться<sup>6</sup>. А женщинам советовала стараться создать дома мужьям все условия для плодотворной работы и отдыха, вовремя готовить завтрак и обед, быть примером хорошей жены и матери<sup>7</sup>. Здесь уместно привести высказывание И. В. Сталина на VII съезде ВКП(б) в 1930 г.: «...женщины составляют половину населения нашей страны, они составляют громадную армию труда, и они призваны воспитывать наших детей, наше будущее поколение, т. е. нашу будущность. Вот почему мы не можем допустить, чтобы эта громадная армия трудящихся прозябала в темноте и невежестве» [Сталин, 1934: 339]. Таким образом, руководители нового государства, провозглашая равноправие полов, наделяли женщин большим количеством социальных ролей, чем мужчин.

В середине 1930-х гг. идея обобществления быта была отодвинута на второй план. В печати, журналах для женщин содержались советы, как совмещать работу с воспитанием детей и ведением домашнего хозяйства. Была развернута идеологическая кампания по пропаганде материнства как патриотического долга советской женщины. Партийные деятели активно высказывались по проблемам материнства. Обращаясь к активисткам женского движения, Л. М. Каганович учил их создавать мужьям «такую обстановку, чтобы жизнь их была бодрой, радостной, веселой»<sup>8</sup>. С. Орджоникидзе, обращаясь к стахановкам, отмечал: «Женщина поднимается в Советском Союзе на высшую социалистическую ступень и заявляет партии: я — жена моего мужа, верная жена, я — мать своих детей... но одновременно я полноправная гражданка, которая вместе со своим мужем работает на пользу своей родины»<sup>9</sup>. В Постановлении ЦК ВКП(б) «О Международном коммунистическом женском дне 8 Марта» (1939 г.) говорилось: «ЦК ВКП(б) указывает на необходимость усилить заботу о женщине-матери, помня, что воспитание детей, нашего будущего поколения, является одной из важнейших задач женщины» [О Международном коммунистическом женском дне... , 1939]. Эти наставления были созвучны сложившимся жизненным установкам российских женщин, поэтому в публичной сфере воспринимались ими с воодушевлением, о чем свидетельствовали многочисленные публикации в печати.

Одновременно партия принимала активные меры по вовлечению женщин в общественное производство, сокращению женской безработицы — от общественных работ до создания рабочих мест в текстильном, трикотажном, швейном производствах. Женщины активно участвовали в стахановском движении. Уже в этот период наблюдался дискриминационный характер оплаты труда в «мужских» и «женских» отраслях. В целом по стране к началу 1930-х гг. женщины составляли 35,8 % занятых в промышленности [Женщина в СССР, 1936: 158]. Лишь одна профессия оставалась для женщин недоступной — это государственное управление. Исследование показывает, что изначально руководство страны оставляло государственное управление за мужчинами. Так, в Постановлении Оргбюро

<sup>6</sup> Работница. 1936. № 9. С. 3—4.

<sup>7</sup> Общественница. 1939. № 1. С. 25; Там же. 1941. № 5. С. 5.

<sup>8</sup> Там же. 1937. № 7—8. С. 10.

<sup>9</sup> Там же. № 2. С. 17.

ЦК РКП (1924 г.) партийным комитетам предлагалось довести количество работниц и крестьянок в органах управления с 10 до 15 %<sup>10</sup>. В конце 1930-х гг. ситуация мало изменилась. Среди депутатов Верховного Совета СССР женщины составляли 16,5 %, среди депутатов местных Советов — 33,1 % [Великая Отечественная война... , 1985: 269]. О каком-либо равноправном участии женщин в государственном управлении речь не шла. Представительство носило формальный характер, к осознанному участию в управлении женщины не были готовы, не хватало образования и опыта, но какой-либо инициативы от них и не требовалось.

В целом нельзя не отметить, что в 1917-м — 1930-х гг. в обществе сформировался устойчивый миф о равноправии полов. Законы домостроя ушли в прошлое. Место руководителя жизненной стратегии женщины заняло государство. Патриархальное сознание общества с энтузиазмом восприняло доступ женщин к образованию, профессиям и социальным льготам. В царской России ничего этого не было. Здравницами женщин в адрес руководства страны были заполнены все печатные издания. Ученые справедливо отмечали, что в условиях, когда проблема повседневного выживания была самой актуальной, размышления о женском вопросе воспринимались как роскошь [Buckley, 1989: 137]. Всеми возможными идеологическими способами женщинам внушали мысль, что они полностью равноправны и счастливы. К началу 1940-х гг. этот миф пустил глубокие корни в сознании населения.

**В годы Великой Отечественной войны** женщины трудились во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства, успешно овладели «мужскими» профессиями, воевали на фронтах, лечили раненых, а также заняли руководящие посты, которые освободили мужчины, ушедшие на фронт. Например, в Москве в составе ответственных работников райкомов партии женщины составляли 68,0 %, на руководящих должностях в Красноярском крае — 69,0 % и др. [Мурманцева, 1979: 113—114]. Много женщин работали в Советах депутатов трудящихся, руководителями предприятий. Однако отгремел салют Победы, женщин стали возвращать к их привычным социальным ролям: из «мужских» профессий — в феминизированные низкооплачиваемые отрасли, с руководящих должностей — к решению бытовых проблем. Как будто и не было пяти героических лет, доказавших, что женщины способны решать самые ответственные задачи.

**В 1950—1990-х гг.** в новой Программе КПСС, материалах партийных съездов, документах женских организаций отмечалось, что женский вопрос в СССР решен окончательно во всех областях жизни и деятельности (см., напр.: [Программа КПСС, 1976: 123]). Для «сочетания счастливого материнства с активным участием женщин в общественном труде и общественной деятельности» женщинам предлагалось «предоставлять более легкие работы и обеспечить условия для облегчения труда в домашнем хозяйстве» [там же: 97]. Вместе с тем социальные роли, которые государством закреплялись за мужчинами и женщинами, имели существенные различия. Роль отца, как и в предыдущие годы, была максимально занижена. Так, секретарь ВЦСПС Н. В. Попова заявляла, что, «хотя отец и несет по закону ответственность за воспитание детей, мать никто заменить не может, поэтому нет нужды предъявлять к отцу излишние требования» [Равноправие женщин в СССР, 1957: 123].

<sup>10</sup> Коммунистка. 1924. № 12. С. 10.

В 1960-х гг. в стране началось обсуждение программы построения коммунизма. Авторы этого документа выдвигали утопические идеи облегчения социального положения женщин: от режима неполного рабочего дня с высокой оплатой труда до обобществления быта и строительства школ-интернатов с целью освобождения родителей от воспитания детей. Набирала популярность идея создания института бабушек для бытовой помощи взрослым детям и внукам. Обсуждалась возможность привлечения мужчин к ведению домашнего хозяйства. Однако советская семья продолжала жить своей обычной жизнью. В 1960-х гг. впервые появились данные статистики и социологических исследований о высокой бытовой загруженности женщин. Проводимые исследования показали, что женщины загружены домашним хозяйством в 2—3 раза больше по сравнению с мужчинами [Харчев, 1964: 258—260]. В 1970—80-х гг. социологи отмечали, что домашний труд занимает у работающих мужчин около 1 часа в сутки, тогда как у женщин, имеющих детей, до 4—5 часов в день [Гордон и др., 1974: 53]. Обещания руководства относительно механизации домашнего труда, вплоть до полного обобществления быта, все больше походили на лозунги. В реальной жизни, по материалам статистики, сферу общепита использовали только 15 % московских семей, идея о внедрении услуг общественного питания не осуществилась [Харчев, Богословская, 1982: 62]. Шли годы, но ничего не менялось. Это подтверждают слова председателя Комитета советских женщин В. Н. Терешковой с трибуны Всесоюзной женской конференции в 1987 г.: «Практически для всех нас слово “быт” по-прежнему ассоциируется с очередями в магазинах, дефицитом бытовой техники, недоступностью и низким качеством многих видов услуг» (цит. по: [Жизнедеятельность семьи, 1990: 90]).

Политическая активность женщин в обозначенный период по внешним признакам находилась на высоком уровне, для этого действовали негласные партийные разрядки: в местных Советах женщины составляли 50,0 %, в составе Верховного Совета СССР — не более 33,0 %, однако среди секретарей обкомов КПСС — всего 7,0 % [Хасбулатова, 2005: 293—294]. За весь период только дважды женщины избирались в состав Политбюро ЦК КПСС: член Политбюро Е. А. Фурцева (1957—1961 гг.) и кандидат в члены Политбюро А. П. Бирюкова (1988—1990 гг.). Фактически в СССР женщин, принимающих реальное участие в управлении государством, были единицы. Работой женских советов, действовавших при фабричных комитетах, в профсоюзных организациях, также руководили партийные комитеты. Следует отметить, что эти объединения не несли в себе элементов оппозиционности, женщины добросовестно трудились в отведенной для них социальной нише. Лишь однажды, в конце 1970-х гг., несколько представительниц интеллигенции попытались выпустить самиздатовский альманах «Женщины и Россия», чтобы рассказать о повседневных женских проблемах. После трех выпусков журнала активисток выслали из СССР.

**Перестройка 1985—1991 гг.** в полной мере продемонстрировала патриархальность массового сознания во всех группах общества: среди политиков, в мужском и женском социумах. Отмена административных разрядок на представительство женщин повлекла за собой резкое снижение числа женщин — депутатов всех уровней. По итогам выборов 1989 г. в Верховном Совете СССР трудились 81,5 % мужчин и 18,5 % женщин [Женщины в СССР, 1990: 21]. Среди первых

руководителей предприятий женщины составляли 5,6 % [там же: 27]. Аналогичная ситуация складывалась во всех научных и общественных объединениях. Статистика отмечала значительные различия в затратах времени на ведение домашнего хозяйства между мужчинами и женщинами. Так, женщины тратили в рабочий день на ведение домашнего хозяйства в 3 раза больше времени, чем мужчины, в выходной — в 2 раза [Женщины в СССР, 1991: 57]. Между тем перестройка и новое мышление, которые М. С. Горбачёв предложил для России и всего мира, означали дальнейшее возвращение женщинам их «истинного предназначения», увеличение им времени на «самые житейские дела — домашнее хозяйство, воспитание детей и просто уют в кругу семьи» [Горбачёв, 1988: 47].

Однако было бы неправильно утверждать, что женщины с воодушевлением восприняли это «новое мышление». Перестройка вызвала противоречивые процессы, страну сотрясали инфляция, снижение уровня жизни населения, безработица, вытеснение женщин на непрестижные и малооплачиваемые рабочие места и др. В этих условиях Комитет советских женщин впервые в истории выступил с критикой в адрес правительственных структур. 31 мая 1989 г. с трибуны Первого съезда народных депутатов СССР председатель Комитета советских женщин З. П. Пухова обратилась с призывом к М. С. Горбачёву обратить внимание на трудное положение женщин в стране [Первый съезд... , 1989: 42]. Обращение осталось без ответа. Равнодушие руководства страны вызвало значительный рост активности женщин. Параллельно советам женщин стали создаваться новые организации: Союз женщин РСФСР, Комитет солдатских матерей, объединения женщин по профессиям и др. Ослабление цензуры и обстановка гласности сняли запрет на обсуждение многих проблем, в том числе проблемы равноправия полов. Активную позицию заняли женщины-ученые, предложившие разработать новую концепцию решения женского вопроса в российском обществе, обозначив три направления, которые тормозят достижение реального равноправия мужчин и женщин: «патриархатное», «экономическое», «демографическое», и предложили новое направление — «эгалитарное» [Посадская и др., 1989]. Они выступили за создание нового типа общества, которое будет основано не на отношениях господства и подчинения, заданных традицией, ставших стереотипами, а на эгалитарных отношениях взаимодополнения личности мужчины и личности женщины в обществе и в семье. Данная концепция была основана на идее эмансипации, согласно которой мужчины и женщины совместно участвуют во всех сферах жизни общества [там же]. Идеи равноправия полов стали активно распространяться среди женской интеллигенции. Общество становилось другим.

### **Женский вопрос в современном российском обществе (1992—2020)**

Современный этап развития российского общества, основанный на капиталистическом способе производства, отличается определенными изменениями в социальной палитре равноправия полов. Обозначим три направления этого процесса.

Первое направление связано с деятельностью органов государственного управления, которые в 1990-х гг. уделяли активное внимание *созданию правовых основ повышения роли женщин в обществе*. В стране создавались государственные структуры, ответственные за реализацию политики равноправия

полов, был сформирован механизм повышения роли женщин в обществе, государственную институционализацию получили соответствующие исследования. С 1996 г. по настоящее время Правительство Российской Федерации разрабатывает и утверждает Национальные планы действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе. Действие последней Национальной стратегии заканчивается в 2022 г. Речь идет об улучшении положения женщин на рынке труда, росте их благосостояния, расширении участия в общественно-политической жизни. Однако степень эффективности этого государственного ресурса влияния на социальный статус женщин в обществе определить сложно [Силласте, 2017], поскольку целевых показателей программы не содержат. Следует также отметить, что Российская Федерация с 2015 г. является организатором Евразийских женских форумов с целью консолидации международной женской общественности во имя мира и социального благополучия женщин.

*Профессиональная сфера занятости женщин* заметно расширилась благодаря четырехкратному сокращению профессий, запрещенных для женщин; вовлечению женщин в сферу предпринимательства; росту их числа среди руководителей в традиционно «мужских» отраслях [Калабихина, 2021].

Вместе с тем качество рабочей силы женщин имеет более низкие характеристики, чем у мужчин. Высокий уровень образования не оказывает заметного влияния на уровень их благосостояния и карьеру.

Остается нерешенной проблема *бытовой загруженности женщин*, «двойная занятость» продолжает ставить их в неравные условия с мужчиной по многим жизненным позициям. Ученые отмечают, что домашняя работа по-прежнему лежит на плечах женщин. По данным статистики, в будние дни женщина тратит на ведение домашнего хозяйства 2,4 часа ежедневно, мужчина — 53 минуты, в выходные дни 4,3 и 2,3 часа соответственно [Женщины и мужчины России, 2016: 167—168]. Высокий уровень профессиональной и бытовой загруженности женщин приводит к отрицательным демографическим последствиям. Вовлечение отца в дела семьи, общая ответственность родителей за решение семейных проблем могли бы снизить уровень существующего неравенства в семье. Однако этого не происходит, поскольку коренное изменение сложившихся веками социальных практик распределения ролей в семье — процесс длительный, требующий смены концепции в воспитании детей и молодежи, стереотипа о семейных ролях, переустройства быта семьи. Решить эту задачу без участия государства невозможно, органы же управления ограничиваются предложениями расширить сферу применения женщинами гибких форм занятости и развитием системы предоставления услуг по присмотру за детьми [Национальная стратегия действий... , 2017: 15—16].

Следует отметить, что в современных условиях решение обозначенных проблем осложняется и составом органов государственного управления, где мужчины на всех уровнях составляют большинство. И хотя законодательные ограничения на участие женщин в сфере государственного управления исчезли, социальные стереотипы препятствуют женщинам продвигаться в высшие эшелоны власти. Оценивая готовность общества доверить женщине управление страной, ученые приходят к неутешительным выводам. Так, в начале 2000-х гг., по итогам опросов общественного мнения, респонденты поделили сферы деятельности на «мужские» и «женские», отнеся к первым политическую, управленческую, дипломатическую, ко вторым — социальную сферу услуг [Хасбулатова, 2001: 23].

В исследовании Т. Б. Рябовой мужчины наделялись большей компетентностью в сфере политики как таковой (73,0 % респондентов назвали ее мужским делом, 35,7 % из них — безусловно мужским) [Рябова, 2008: 117]. Итоги выборов в Государственные думы восьми созывов постсоветского периода, когда число женщин-депутатов не превышало 15,9 %, убедительно показывают, что смена политической системы государства автоматически не меняет стереотипные представления о роли мужчин и женщин в обществе.

### Выводы

В результате кардинальных политических и социально-экономических преобразований, произошедших в Российском государстве в течение 120 лет, содержание женского вопроса и технологии его решения в российском обществе существенно изменились. С одной стороны, современное государство и общество признают за женщинами право на самореализацию во всех сферах жизни. Однако исследование показало, что российское общество впитало исторический опыт, обычаи и традиции предыдущих поколений во взаимоотношениях мужчин и женщин, где женщинам была отведена второстепенная роль. Поэтому есть основание говорить о *российской модификации женского вопроса*, который остается нерешенным. Так, в современном Российском государстве успешно сочетаются международные стандарты достижения равноправия полов с традиционным разделением социальных ролей на «мужские» и «женские» в управлении, экономике и распределении неоплачиваемого домашнего труда. Большинство современных женщин профессионально образованны, энергичны и трудолюбивы. Их стремление к самореализации воплощается в деятельности многочисленных женских организаций, которые охватывают все сферы жизни общества, кроме управления. И это неслучайно. Российское общество от поколения к поколению в ходе сложившихся социальных практик усваивало стереотип, согласно которому формирование государственной политики, сфера управления — это прерогатива мужчин. Женское же дело — работа, семья, дети, домашнее хозяйство.

Внедрение идей о равноправии мужчин и женщин в массовое сознание и жизненные практики российского общества прошло непростой путь, охватив несколько поколений. Большинство населения поверило в то, что государственная регламентация жизнедеятельности женщин и есть равноправие полов, что женщина должна работать, выполнять священный долг по рождению и воспитанию детей, но не претендовать на сферу управления. Миф о равноправии полов оказался жизнеспособным благодаря глубокой идеологической проработке, способности к обновлению, а также опоре на сложившиеся веками стереотипы о предназначении женщин и мужчин.

В XXI в. на историческую арену приходит новое поколение юношей и девушек, свободное от многих социальных практик прошлого. Технологический потенциал, стремление к успеху, непризнание авторитетов, мировоззренческий разрыв со старшим поколением — все это обуславливает способность современной молодежи воспринять идеи о равноправии полов. Но самостоятельно справиться с этой задачей она вряд ли сможет. Настало время обратить внимание на молодое поколение, помочь и девушкам, и юношам освободиться от сложившихся стереотипов, дать им необходимое для этого образование, создать условия для самореализации во всех сферах жизни общества.

## Список источников

- Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: Ред.-изд. комплекс Русанова, 1998. 408 с.
- Аракелова М. П. Государственная политика в отношении женщин Российской Федерации в 20-е годы: опыт организации и уроки. М.: ЗелО, 1997. 267 с.
- Арманд И. Ф. Статьи, речи, письма. М.: Политиздат, 1975. 267 с.
- Бильшай В. Л. Решение женского вопроса в СССР. М.: Госполитиздат, 1959. 264 с.
- Брилинг А. Возраст и грамотность рабочих по предварительным данным Всероссийской профессиональной переписи 1918 г. // Вестник статистики. 1919. № 8—12. С. 54—72.
- Великая Отечественная война, 1941—1945: энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов. М.: Сов. энцикл., 1985. 832 с.
- Воронина О. Женский вопрос // СССР: демографический диагноз. М.: Прогресс, 1990. С. 351—374.
- Горбачёв М. С. Перестройка и новое мышление (для нашей страны и для всего мира). М.: Политиздат, 1988. 109 с.
- Гордон Л., Клопов Э., Оников Л. Социальные проблемы быта // Коммунист. 1974. № 17. С. 53.
- Гуревич Л. Вопрос о равноправии женщин в крестьянской среде // Союз женщин. 1907. № 1. С. 9—11.
- Женщина в СССР: статистический сборник. М., 1936. 171 с.
- Женский вопрос в Государственной думе: из стенографических отчетов о заседаниях Государственной думы. СПб.: Тип. Н. Н. Фридберга, 1906. 59 с.
- Женщины в СССР, 1990: статистические материалы. М.: Финансы и статистика, 1990. 63 с.
- Женщины в СССР, 1991: статистические материалы. М.: Финансы и статистика, 1991. 63 с.
- Женщины и мужчины России, 2016: статистический сборник / Росстат. М., 2016. 208 с.
- Жизнедеятельность семьи: тенденции и проблемы / отв. ред. А. И. Антонов. М.: Наука, 1990. 127 с.
- Законы о женщинах: (сборник всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола) / изд. Я. А. Кантонович. СПб., 1899. 272 с.
- Калабихина И. Г. Как мы узнаем, что наступило гендерное равенство? // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 3—16.
- Коллонтай А. М. Социальные основы женского вопроса: доклад, читанный публично 18 декабря 1909 г. в Петербурге. СПб.: Тип. Ц. Крайза, 1910. 36 с.
- Крупская Н. К. Дети — наше будущее. М.: Просвещение, 1975. 302 с.
- Ленин В. И. Речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г. // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Т. 39. С. 198—204.
- Мижуев П. Г. Женский вопрос и женское движение. СПб.: Тип. Альтшулера, 1906. 72 с.
- Мурманцева В. С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1979. 292 с.
- Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 годы. М., 2017. 22 с.
- О Международном коммунистическом женском дне 8 Марта: Постановление ЦК ВКП(б) // Общественница. 1939. № 3. С. 27.
- Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. М.: Правда, 1986. 512 с.
- Первый съезд народных депутатов СССР, 25 мая — 9 июня 1989 г.: стенографический отчет. М., 1989. Т. 2.
- Посадская А. И., Римашевская Н. М., Захарова Н. К. Как мы решаем женский вопрос // Коммунист. 1989. № 4. С. 56—65.

- Программа КПСС. М.: Политиздат, 1976. 144 с.
- Пушкарёва Н. Л. «Женский вопрос» в теории марксизма: (почему брак марксизма с феминизмом оказался несчастлив?) // Женщина в российском обществе. 2002. № 1. С. 2—14.
- Равноправие женщин в СССР: материалы Международного женского семинара. М.: Госполитиздат, 1957. 339 с.
- Россия в конце XIX века / под общ. ред. В. И. Ковалевского. СПб., 1900. 968 с.
- Рябова Т. Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. 2001. № 3—4. С. 3—12.
- Рябова Т. Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.
- Силласте Г. Г. От решения женского вопроса к новому гендерному порядку: движение в модусах социального времени // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6, № 5. С. 48—62.
- Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду ВКП(б) // Сочинения. М.: Политиздат, 1934. Т. 13. С. 282—379.
- Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге, 10—16 декабря 1908 г. СПб., 1909. 927 с.
- Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1964. 367 с.
- Харчев А. Г., Богословская Н. Ф. Семья и общество. М.: Наука, 1982. 128 с.
- Хасбулатова О. А. Гендерные стереотипы в политической культуре: специфика российского опыта // Женщина в российском обществе. 2001. № 3—4. С. 17—24.
- Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.
- Хвостов В. М. Женщина накануне новой эпохи: два этюда по женскому вопросу. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1905. 101 с.
- Хвостов В. М. Женщина и человеческое достоинство: исторические судьбы женщины. Природа женщины. Женский вопрос / изд. Г. А. Леман, Б. Д. Плетнев. М., 1914. 510 с.
- Шабанова А. Н. Очерк женского движения в России. СПб.: Тип. акционер. о-ва «Образование», 1912. 39 с.
- Шинелева Л. Т. Женщина и общество: (декларация и реальность). М.: Политиздат, 1990. 176 с.
- Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 544 с.
- Buckley M. Women and Ideology in the Soviet Union. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1989. 266 p.
- Rentzetti C. M., Curran D. J. Women, Men and Society: the Sociology of Gender. Boston: Allyn and Bacon, 1999. 450 p.

### References

- Aïvazova, S. G. (1998) *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviia* [Russian women in the labyrinth of equality], Moscow: Redaktsionno-izdatel'skii kompleks Rusanova.
- Antonov, A. I. (ed.) (1990) *Zhiznedeiatel'nost' sem'i: tendentsii i problemy* [Vital activity of the family: trends and problems], Moscow: Nauka.
- Arakelova, M. P. (1997) *Gosudarstvennaia politika v otnoshenii zhenshchin Rossiiskoi Federatsii v 20-e gody: Opyt organizatsii i uroki* [State policy towards women of the Russian Federation in the 20s: Experience of organization and lessons], Moscow: ZelO.
- Armand, I. F. (1975) *Stat'i, rechi, pis'ma* [Articles, speeches, letters], Moscow: Politizdat.

- Bil'shaĭ, V. L. (1959) *Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR* [The solution of the women's issue in the USSR], Moscow: Gospolitizdat.
- Briling, A. (1919) *Vozrast i gramotnost' rabochikh po predvaritel'nym dannym Vserossiĭskoi professional'noi perepisi 1918 g.* [Age and literacy of workers according to preliminary data of the All-Russian Professional Census of 1918], *Vestnik statistiki*, no. 8—12, pp. 54—72.
- Buckley, M. (1989) *Women and Ideology in the Soviet Union*, Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Gorbachëv, M. S. (1988) *Perestroika i novoe myshlenie (dlia nashei strany i dlia vsego mira)* [Perestroika and new thinking (for our country and for the whole world)], Moscow: Politizdat.
- Gordon, L., Klopov, È., Onikov, L. (1974) *Sotsial'nye problemy byta* [Social problems of everyday life], *Kommunist*, no. 17, p. 53.
- Gurevich, L. (1907) *Vopros o ravnopravii zhenshchin v krest'ianskoĭ srede* [The question of women's equality in the peasant environment], *Soiuz zhenshchin*, no. 1, pp. 9—11.
- Iukina, I. I. (2007) *Russkiiĭ feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge to modernity], St. Petersburg: Aleteĭa.
- Kalabikhina, I. G. (2021) *Kak my uznaem, chto nastupilo gendernoe ravenstvo?* [How do we know that gender equality has come?], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—16.
- Kharchev, A. G. (1964) *Brak i sem'ia v SSSR* [Marriage and family in the USSR], Moscow: Mysl'.
- Kharchev, A. G., Bogoslovskaja, N. F. (1982) *Sem'ia i obshchestvo* [Family and society], Moscow: Nauka.
- Khasbulatova, O. A. (2001) *Gendernye stereotipy v politicheskoĭ kul'ture: spetsifika rossiĭskogo opyta* [Gender stereotypes in political culture: specifics of Russian experience], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 17—24.
- Khasbulatova, O. A. (2005) *Rossiĭskaja gendernaia politika v XX stoletii: mify i realii* [Russian gender policy in the twentieth century: myths and realities], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyiĭ universitet.
- Khvostov, V. M. (1905) *Zhenshchina nakanune novoĭ èpokhi: Dva ètiuda po zhenskomu voprosu* [A woman on the eve of a new era: Two studies on the women's issue], Moscow: Tipografiia G. Lissnera i D. Sobko.
- Khvostov, V. M. (1914) *Zhenshchina i chelovecheskoe dostoinstvo: Istoricheskie sud'by zhenshchiny. Priroda zhenshchiny. Zhenskiĭ vopros* [Woman and human dignity: The historical fate of a woman. The nature of a woman. Women's question], Moscow.
- Kollontaĭ, A. M. (1910) *Sotsial'nye osnovy zhenskogo voprosa: Doklad, chitannyĭ publichno 18 dekabria 1909 g. v Peterburge* [The social foundations of the women's question: A report read publicly on December 18, 1909 in St. Petersburg], St. Petersburg: Tipografiia Ts. Kraĭza.
- Kovalevskii, V. I. (ed.) (1900) *Rossia v kontse XIX veka* [Russia at the end of the XIX century], St. Petersburg.
- Kozlov, M. M. (ed.) (1985) *Velikaia Otechestvennaia voĭna, 1941—1945: Èntsiklopediia* [The Great Patriotic War, 1941—1945: Encyclopedia], Moscow: Sovetskaia èntsiklopediia.
- Krupskaia, N. K. (1975) *Deti — nashe budushchee* [Children are our future], Moscow: Prosveshchenie.
- Lenin, V. I. (1970) *Rech' na IV Moskovskoi obshchegorodskoi bespartiĭnoi konferentsii rabotnits 23 sentiabria 1919 g.* [Speech at the IV Moscow citywide non-party conference of women-workers on September 23, 1919], in: *Polnoe sobranie sochineniĭ*, 5th ed., vol. 39, Moscow: Politizdat, pp. 198—204.

- Mizhnev, P. G. (1906) *Zhenskiĭ vopros i zhenskoe dvizhenie* [The women's question and the women's movement], St. Petersburg: Tipografiia Al'tshulera.
- Murmantseva, V. S. (1979) *Sovetskie zhenshchiny v Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭne* [Soviet women in the Great Patriotic War], Moscow: Mysl'.
- Natsional'naiia strategiia deĭstviĭ v interesakh zhenshchin na 2017—2022 gody* (2017) [National Strategy of Action for Women for 2017—2022], Moscow.
- O Mezhdunarodnom kommunisticheskom zhenskom dne 8 Marta: Postanovlenie TsK VKP(b) (1939) [On the International Communist Women's Day on March 8: Resolution of the Central Committee of the CPSU(b)], *Obshchestvennitsa*, no. 3, p. 27.
- Panaeva (Golovachĕva), A. Ia. (1986) *Vospominaniia* [Memories], Moscow: Pravda.
- Pervyi s'ezd narodnykh deputatov SSSR, 25 maia — 9 iunია 1989 g.*: Stenograficheskiĭ otchĕt (1989) [The First Congress of People's Deputies of the USSR, May 25 — June 9, 1989: Verbatim report], vol. 2, Moscow.
- Posadskaia, A. I., Rimashevskaiia, N. M., Zakharova, N. K. (1989) Kak my reshaem zhenskiĭ vopros [How we solve the women's question], *Kommunist*, no. 4, pp. 56—65.
- Programma KPSS* (1976) [The program of the CPSU], Moscow: Politizdat.
- Pushkareva, N. L. (2002) “Zhenskiĭ vopros” v teorii marksizma: (Pochemu brak marksizma s feminizmom okazalsia neschastlivym?) [“Women's question” in the theory of Marxism: (Why was the marriage of Marxism with feminism unhappy?)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 2—14.
- Ravnopravie zhenshchin v SSSR: Materialy Mezhdunarodnogo zhenskogo seminar (1957) [Equality of women in the USSR: Materials of the International Women's Seminar], Moscow: Gospolitizdat.
- Rentzetti, C. M., Curran, D. J. (1999) *Women, Men and Society: The Sociology of Gender*, Boston: Allyn and Bacon.
- Riabova, T. B. (2001) Gendernye stereotipy i gendernaia stereotipizatsiia: metodologicheskie podkhody [Gender stereotypes and gender stereotyping: methodological approaches], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 3—12.
- Riabova, T. B. (2008) *Pol vlasti: gendernye stereotipy v sovremennoĭ rossiiskoi politike* [Gender of power: gender stereotypes in modern Russian politics], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Shabanova, A. N. (1912) *Ocherk zhenskogo dvizheniia v Rossii* [An essay of the women's movement in Russia], St. Petersburg: Tipografiia aktsionernogo obshchestva “Obrazovanie”.
- Shineleva, L. T. (1990) *Zhenshchina i obshchestvo: (Deklaratsiia i real'nost')* [Woman and society: (Declaration and reality)], Moscow: Politizdat.
- Sillaste, G. G. (2017) Ot resheniia zhenskogo voprosa k novomu gendernomu poriadku: dvizhenie v modusakh sotsial'nogo vremeni [From solving the women's issue to a new gender order: movement in the modes of social time], *Gumanitariĭ Iuga Rossii*, vol. 6, no. 5, pp. 48—62.
- Stalin, I. V. (1934) Otchĕtnyi doklad XVII s'ezdu VKP(b) [Report to the XVII Congress of the CPSU(b)], in: *Sochineniia*, vol. 13, Moscow: Politizdat, pp. 282—379.
- Trudy Pervogo Vserossiiskogo zhenskogo s'ezda pri Russkom zhenskom obshchestve v Sankt-Peterburge, 10—16 dekabria 1908 g.* (1909) [Proceedings of the First All-Russian Women's Congress at the Russian Women's Society in St. Petersburg, December 10—16, 1908], St. Petersburg.
- Voronina, O. (1990) Zhenskiĭ vopros [Women's question], in: *SSSR: demograficheskiĭ diaznoz*, Moscow: Progress, pp. 351—374.
- Zakony o zhenshchinakh: (Sbornik vseh postanovleniĭ deĭstvuiushchego zakonodatel'stva, otnosiashchikhsia do lits zhenskogo pola)* (1899) [Laws on women: (Collection of all resolutions of the current legislation relating to female persons)], St. Petersburg.

*Zhenshchina v SSSR*: Statisticheskii sbornik (1936) [A woman in the USSR: A statistical collection], Moscow.

*Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2016*: Statisticheskii sbornik (2016) [Women and men of Russia, 2016: A statistical collection], Moscow.

*Zhenshchiny v SSSR, 1990*: Statisticheskie materialy (1990) [Women in the USSR, 1990: Statistical materials], Moscow: Finansy i statistika.

*Zhenshchiny v SSSR, 1991*: Statisticheskie materialy (1991) [Women in the USSR, 1991: Statistical materials], Moscow: Finansy i statistika.

*Zhenskiĭ vopros v Gosudarstvennoĭ dume: Iz stenograficheskikh otchëtov o zasedaniakh Gosudarstvennoĭ dумы (1906)* [The women's question in the State Duma: From verbatim reports on the meetings of the State Duma], St. Petersburg: Tipografiia N. N. Fridberga.

*Статья поступила в редакцию 17.10.2021; одобрена после рецензирования 25.12.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 17.10.2021; approved after reviewing 25.12.2021; accepted for publication 28.01.2022.*

#### ***Информация об авторах / Information about the authors***

**Хасбулатова Ольга Анатольевна** — доктор исторических наук, профессор кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, oax37@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Sociology, Social Work and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

**Смирнова Инна Николаевна** — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovain@ivanovo.ac.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology, Social Work and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

---

---

*Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 22—31.*

*Woman in Russian Society. 2022. No. 1. P. 22—31.*

Научная статья

УДК 314.15

DOI: 10.21064/WinRS.2022.1.2

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА  
В ОТНОШЕНИИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ:  
ЭКСПЕРТНЫЙ ОБЗОР**

*Тамара Керимовна Ростовская<sup>a</sup>,  
Екатерина Александровна Князькова<sup>a, b</sup>*

<sup>a</sup> Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук, г. Москва, Россия, [rostovskaya.tamara@mail.ru](mailto:rostovskaya.tamara@mail.ru)

<sup>b</sup> Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

**Аннотация.** В статье проводится систематизация мнений экспертов о ключевых проблемах демографического развития России. Исследование в 10 субъектах Российской Федерации осуществлено в 2021 г. Представлены результаты опроса экспертов из органов законодательной и исполнительной власти.

**Ключевые слова:** семейно-демографическая политика, молодая семья, воспроизводство населения, рождаемость, меры социальной поддержки молодой семьи

**Благодарности:** исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

**Для цитирования:** Ростовская Т. К., Князькова Е. А. Государственная политика в отношении молодой семьи: экспертный обзор // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 22—31.

---

Original article

## STATE POLICY TOWARDS A YOUNG FAMILY: EXPERT REVIEW

*Tamara K. Rostovskaya<sup>a</sup>, Ekaterina A. Knyazkova<sup>a, b</sup>*

<sup>a</sup> Institute for Demographic Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, rostovskaya.tamara@mail.ru

<sup>b</sup> Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

**Abstract.** The purpose of this work is to systematize the opinions of experts on the key problems of demographic development in Russia. The study in 10 subjects of the Russian Federation was conducted in 2021. The materials of the scientific article present the results of a survey of experts from the legislative and executive branches of the government.

**Key words:** family and demographic policy, young family, population reproduction, birth rate, measures of social support for a young family

**Acknowledgments:** the reported study was funded by RSF within the research project № 20-18-00256 “Demographic behavior of the population in the context of national security of Russia”.

**For citation:** Rostovskaia, T. K., Knyazkova, E. A. (2022) Gosudarstvennaia politika v otnoshenii molodoi sem'i: ékspertnyi obzor [State policy towards a young family: expert review], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 22—31.

### Постановка проблемы

Сложность и противоречивость демографической ситуации в России, осложненной пандемией коронавируса, депопуляцией и другими факторами, актуализируют проведение исследований, ориентированных на поиск научной основы для выработки эффективных решений в сфере семейно-демографической политики. Одним из значимых объектов и субъектов семейно-демографической политики выступает молодая семья, объединяющая, согласно российскому законодательству, лиц, заключивших брак, или состоящая из лица, являющегося единственным родителем (усыновителем) ребенка (детей), в возрасте до 35 лет включительно. Молодая семья в качестве приоритетного объекта государственной семейно-демографической политики находится в центре внимания российских и зарубежных социологов. Концепция государственной политики в отношении молодой семьи, утвержденная 8 мая 2007 г. [О Концепции государственной политики... , 2007], предусматривает в качестве цели становление и развитие благополучной молодой семьи и улучшение качества ее жизни; обеспечение выполнения молодой семьей социально-демографических функций, в том числе стимулирование рождаемости детей и их воспитания [Рязанцев и др., 2020]. Вместе с тем политика, реализуемая в Российской Федерации в отношении молодой семьи, нуждается в систематической комплексной оценке, уточнении, совершенствовании. Одним из методов качественного исследования, позволяющего оценить эффективность государственной политики в отношении молодой

семьи, является *экспертный опрос* — разновидность глубинного интервью, сфокусированного на знаниях, профессиональном опыте и компетенциях в обозначенной сфере [Ростовская, 2021].

*Цель исследования* — выявить проблемы и сформулировать рекомендации по межведомственному взаимодействию в сфере семейно-демографической политики, восполнить дефицит информации для полномасштабной оценки реализации государственной политики в отношении молодой семьи посредством экспертного опроса. Результаты исследования позволят определить перспективные направления совершенствования семейно-демографической политики в отношении молодой семьи, а также сформулировать предложения для национального проекта «Демография» в Российской Федерации.

### **Материалы и методы**

Исследование проводилось в 2021 г. на базе Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН в 10 российских регионах. Основные вопросы были связаны с демографической ситуацией и путями ее совершенствования в регионах.

В каждом регионе было опрошено 5 человек — эксперты из органов исполнительной, законодательной власти, сферы миграции и миграционной политики, некоммерческих общественных организаций, а также организаций, в которых осуществляется преабортное консультирование. Для каждой категории экспертов был разработан гайд экспертного опроса, включающий до 11 вопросов. В данной статье представлены результаты опроса экспертов из органов законодательной и исполнительной власти, выводы и рекомендации по совершенствованию государственной демографической политики.

### **Результаты исследования**

Установлено, что представители органов законодательной власти среди актуальных проблем отмечали низкие показатели рождаемости, высокие показатели смертности, миграционный отток населения в крупные города.

*Вообще, говоря о демографии, это два аспекта: низкие показатели рождаемости и достаточно высокие цифры смертности. Я считаю, это самые острые моменты (Республика Татарстан).*

*Еще один аспект — нежелание жить в конкретной области, в конкретном регионе, когда большое количество людей, к сожалению молодых и наиболее востребованных, уезжают в поисках более благополучной жизни или там реализации своих каких-то планов. Я думаю, если говорить о нашем Нижегородском регионе, то этот аспект достаточно важен, тем более что центры и Москва достаточно близко (Нижегородская область).*

*Для региона очень важный негативный аспект — это отток молодежи. Сейчас увеличился отток не только выпускников 11-х классов, которые выбирают московские вузы, но и сильных выпускников 9-х классов, которые уезжают, выбирая образование в соседних регионах. Это очень негативный аспект (Вологодская область).*

Ряд экспертов обратили внимание на проблему старения населения и негативные тенденции, касающиеся брачности.

*Так же, как и в большинстве регионов России, в Московской области наблюдается тенденция к постепенному снижению доли трудоспособного населения и увеличению доли населения старше трудоспособного возраста, что в перспективе может негативно сказаться на рынке труда, привести к дефициту социальных расходов регионального бюджета... <...> Число разводов достигает более половины от числа зарегистрированных браков. Незначительный рост числа заключенных браков сопровождается ростом числа разводов (Московская область).*

Спектр подходов специалистов органов законодательной власти к определению сущности понятия «демографическая безопасность» достаточно широк. По мнению экспертов, «демографическая безопасность» — это условия и факторы, которые позволяют сберечь как физическое, так и психологическое здоровье людей (Нижегородская область); она обеспечивает стабильное развитие и существование человеческой популяции в целом (Республика Татарстан); это соотношение между рождаемостью и смертностью (Вологда); превышение рождаемости над смертностью, т. е. положительный прирост населения (Екатеринбург). Ряд экспертов акцентировали внимание на социально-психологической стороне демографической безопасности, включая в данное понятие такие элементы, как семейные ценности, традиции и устои, межличностное и институциональное доверие, уверенность людей в будущем.

*Если мы говорим о демографической безопасности, то, безусловно, мы должны четко понимать, что должны быть, и культивироваться, и защищаться основополагающие устои, на которых, собственно, миллионы и тысячи лет формировались семья, род и т. д. Второй момент — это, безусловно, если хотите, доверие, потому что если внутри социума война, то соответственно ни о какой демографии мы с вами говорить не можем. Поэтому и этот аспект очень важен: доверие к обществу, доверие к государству, к институтам и т. д. И наверное, какой-то момент, связанный с уверенностью в будущем, с уверенностью в завтрашнем дне (Нижегородская область).*

В целом, по общему мнению экспертов, демографическая безопасность выступает ядром, центральным элементом национальной безопасности. Она ориентирована на преодоление или предотвращение негативных последствий демографических перемен, а также адаптацию и использование открывающихся в связи с этим возможностей. Данные процессы требуют разработки новых мер государственной демографической политики.

Оценивая результаты государственной демографической политики, эксперты считают, что за последние 3 года в этом направлении произошли заметные улучшения. В качестве соответствующих мер названы материнский капитал, социальная поддержка малообеспеченных, многодетных семей, выплаты отдельным категориям семей с детьми, беременным женщинам, льготы по ипотечному кредитованию.

---

*Государство уделяет большое внимание демографической проблеме. В-первых, это меры социальной поддержки семей с детьми, принятые Президентом Российской Федерации. Безусловно, это очень большая мера поддержки. Это льготная ипотека для многодетных семей, для семей с различным статусом, выделение земельных участков многодетным семьям. В последнем Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию было сказано, что школьники и первоклассники получают социальные выплаты... Государство активно участвует в решении демографических проблем (Ивановская область).*

Между тем в условиях новых вызовов современности (пандемия коронавируса) эти меры недостаточны. Меняющаяся социальная реальность оказывает существенное влияние на темпы достижения намеченных целевых показателей.

*Я бы так сказал, что они [меры демографической политики] недостаточны. Они не соответствуют глубине того кризиса, который существует (Нижегородская область).*

*Сказать, что эти меры позволят решить на 100 % задачи нацпроекта «Демография», — конечно, нет, но, тем не менее, снизить риски и снизить напряженность они, безусловно, позволят (Ивановская область).*

Экспертами сформулированы направления демографической политики, требующие особого внимания со стороны государства. Это необходимость государственного сопровождения российской семьи на всех этапах ее развития, а не только в трудных жизненных ситуациях или в связи с многодетностью. На протяжении всей жизнедеятельности благополучной семьи ей необходимы поддержка квалифицированных семейных психологов, врачей, социальных работников, специалистов по работе с молодежью, доступные услуги дошкольных учреждений и др. Однако для этой работы требуется системный подход и подготовка квалифицированных специалистов.

*Мер разработано на самом деле много. И конечно, многим семьям они помогли. Но я всегда выступаю за обычную, нормальную, здоровую семью. А очень многие меры поддерживают не эти семьи. Кроме конкретных выплат в период пандемии, они поддерживают только малоимущие семьи, многодетные семьи. А если это ответственная семья, которая воспитывает детей, дети благополучные, — родители несут ответственность. Именно эта семья получает меньше всего. Демографическая политика должна быть направлена на большую часть людей, которые составляют большую часть трудоспособного населения... которые еще могут рожать детей. А это как раз стимулируется недостаточно (Вологодская область).*

Эксперты указали также на необходимость расширения поддержки населения с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью. Большой проблемой остается получение доступной высокотехнологичной медицинской помощи семьями, воспитывающими детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью. Требуют расширения государственные меры по сопровождению таких семей, а также созданию комфортных условий для лечения

больных детей в России. Уточненные демографические задачи можно было бы закрепить в соответствующих региональных демографических паспортах.

Представители законодательных органов власти обратили также внимание на актуальность создания и трансляции положительного образа благополучной детной семьи в обществе.

*Я бы разделил все меры на два блока. Первый блок — финансовые меры поддержки. Но здесь очень важна и вторая часть — это идеология, формирование общественного мнения о приоритетности семьи, потому что, к сожалению, наши средства массовой информации формируют немного другое отношение... (Волгоградская область).*

*Наряду с общенациональными демографическими приоритетами, на наш взгляд, актуальна пропаганда традиционных семейных ценностей, поддержка семейного творчества, досуга и семейных устоев как основы духовного здоровья семьи и российского общества (Московская область).*

По мнению экспертов, комплекс данных мер должен формироваться параллельно с программой развития экономической и социальной политики государства. Характеризуя специфику демографического развития регионов, большинство специалистов считают, что на региональном уровне отмечаются аналогичные общероссийским социально-демографические проблемы. Региональная социально-демографическая политика на всех территориях развивается в рамках реализации национального проекта «Демография».

Анализируя специфические региональные практики в сфере демографии, следует отметить опыт Москвы и Московской области, где реализуются целевые программы по строительству объектов социальной инфраструктуры, социальной защите населения, развитию спорта и созданию других условий для благополучной жизни различных категорий семей. В контексте рассмотрения региональных демографических практик заслуживает внимания опыт Ивановской области по поддержке студенческих семей, по системной поддержке и повышению качества жизни граждан старшего поколения, выделению земельных участков многодетным семьям, льготному кредитованию семей. На территории Башкирии эффективно действует региональное законодательство, регламентирующее мероприятия по оказанию медицинской помощи населению.

*Мы бережем здоровье людей. С приходом Р. Ф. Хабирова начали активно оздоравливать население: это диспансеризация, большое внимание — выявлению онкологии, много средств — на оздоровление детей, «поезда здоровья». Мы хотим, чтобы люди жили активно, а для этого необходимо сохранить здоровье населения. Большое внимание уделяется здоровью человека. Здоровый человек будет стремиться к здоровому потомству (Республика Башкортостан).*

Подобные примеры можно продолжить [Ростовская и др., 2021].

Оценивая уровень межведомственного взаимодействия в регионах в целях решения демографических проблем, эксперты отметили положительные и отрицательные тенденции.

---

*Если мы говорим о демографической политике государства, то мы должны говорить о взаимодействии разных ведомств: здравоохранения, образования, органов социальной защиты, пенсионного фонда. В регионе есть тесное взаимодействие между всеми структурами и органами, которые задействованы при решении данного вопроса (Ивановская область).*

*К сожалению, у каждого ведомства свой интерес. Вот я не видел ни одного заседания по демографии в регионе, не слышал ничего за последние пять лет, где бы было отмечено серьезное межведомственное совещание с губернатором по демографии (Нижегородская область).*

*Проблема межведомственного взаимодействия — это огромная проблема нашего региона. У нас ведомствам очень трудно принять какое-то общее решение (Вологодская область).*

Для достижения эффективного межведомственного сотрудничества эксперты предложили следующие меры:

— преодолевать бюрократические препятствия (*Надо стараться не подходить к вещам формально. Искоренить чиновничий формализм (Республика Татарстан)*);

— повышать квалификацию специалистов-демографов (*Необходимо развивать межмуниципальные, межрегиональные, международные проекты в сфере демографии, содействовать подготовке квалифицированных специалистов в этой сфере. В дальнейшем необходимо разработать и внедрить в российскую систему образования образовательный стандарт «Демограф» (Московская область)*);

— выявлять и поддерживать лучшие практики в сфере демографии (*Для этого должна быть создана система их муниципального и регионального отбора, а в дальнейшем применен механизм по их тиражированию в других регионах и муниципальных образованиях (с учетом и на основе местной специфики) (Московская область)*);

— осуществлять обмен информацией (*Надо больше устраивать встреч, круглых столов, семинаров. Если, например, мы говорим про Ивановскую область, то можно рассматривать опыт в других регионах. Если мы говорим про страну в целом, то, наверное, можно рассмотреть опыт взаимодействия в других государствах. Обмен опытом — это самое большое подспорье нам (Ивановская область)*).

Представители законодательных органов власти отметили важную роль социально ориентированных общественных организаций в решении социально-демографических проблем в регионах.

*Я считаю, что в последнее время развита работа с пожилыми людьми. Это золотое волонтерство и т. д. Мы видим эффект. Тема инвалидов не то чтобы популярна, но на слуху. Под это проще получить деньги. Это важное направление прежде всего из-за того, что доступная среда для них так и не создана. Все формы, которые поддерживают семью, должны развиваться, работа с инвалидами, с пожилыми людьми (от присмотра/ухода до досуга) (Вологодская область).*

В ходе исследования сформулированы проблемы в деятельности неправительственных организаций: недостаточная заинтересованность государства, фрагментарный характер поддержки общественных объединений, несовершенство законодательства о некоммерческих организациях.

*Государство, с одной стороны, пытается создать лояльные НКО, и, действительно, сейчас запускается модель социального предпринимательства, т. е. сейчас законодательство начинает формироваться, должны появиться общественные социальные организации, негосударственные, которым будут передаваться некие государственные функции по социальному обеспечению и т. д. А, с другой стороны, власть ужесточает законодательство до предела для того, чтобы у вас не появилось НКО. На сегодняшний день создать НКО — это такая проблема! (Нижегородская область).*

*К сожалению, недостаточно пока внимания НКО уделяют вопросам поддержки благополучных семей. В случае возникновения трудностей такие семьи вынуждены справляться с проблемами самостоятельно, не рассчитывая особо на помощь со стороны государственных организаций и НКО. Процент обращения членов благополучных семей за помощью крайне низок. Необходимо развитие практики оказания НКО квалифицированной помощи семье, в том числе по месту жительства. Обращение к таким специалистам в России должно стать скорее обыденностью, чем чем-то из ряда вон выходящим (Московская область).*

Оценивая изменения в законодательстве в сфере демографии за последние 20 лет, эксперты пришли к мнению, что законодательство несколько отстает от существующих тенденций, не в полной мере отвечает реальным запросам общества.

*Вот здесь я Вам точно ничего позитивного не могу сказать. У нас, к сожалению, в законодательстве много моментов, которые, в принципе, не отражают многое, касающееся демографии (Республика Татарстан).*

*В сфере законодательства демографическая проблема никак не отразилась. Категория многодетных семей всегда была в законодательстве: поддержка многодетных семей или поддержка материнства. Но законодательство — это форма, содержанием оно наполняется исходя из конкретных проблем, поэтому сказать, что оно кардинально каким-то образом сформировалось и реализовалось в отношении некой особой демографической политики... Оно, скорее, формируется решениями Правительства и т. д. Самого закона как такового, рамочного закона, я не видел. То есть у нас нет рамочного закона о демографии (Нижегородская область).*

## **Выводы**

Экспертный опрос 50 специалистов сферы семейно-демографической политики позволяет сделать ряд выводов. Можно согласиться с мнением специалистов о том, что изменения в законодательстве в области семейно-демографической политики должны приобрести системный характер, основываться на долгосрочном прогнозировании и результатах научных исследований, федеральном, региональном и зарубежном опыте. Государственными мерами

поддержки целесообразно охватить все российские семьи, вне зависимости от количества детей и степени финансовой нуждаемости. Повышению эффективности принимаемых государством мер в области семейно-демографической политики могут служить данные системного мониторинга в субъектах Российской Федерации.

Важными ресурсами решения демографических проблем выступают популяризация многодетной семьи, вовлеченного отцовства, равномерного распределения между членами семьи неоплачиваемого домашнего труда. Более значимую роль в решении проблем семьи могут сыграть некоммерческие общественные организации, которые в состоянии оказывать семье социально значимые услуги. Авторы согласны с мнением экспертов об актуальности научного осмысления концепции благополучной семьи, ее демографических, экономических и социальных параметров, доступности услуг по уходу за детьми дошкольного возраста, внеклассной занятости детей школьного возраста, обеспеченности жильем, предметами бытовой техники и др. Очевидно, что обозначенные проблемы требуют комплексного подхода со стороны семьи, науки, региональной политики и государства.

#### *Список источников*

- О Концепции государственной политики в отношении молодой семьи: письмо Минобрнауки РФ от 08.05.2007 № АФ-163/06. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
- Ростовская Т. К. О востребованности мер демографической политики: (анализ всероссийского социологического исследования) // Коллекция гуманитарных исследований. 2021. № 1. С. 42—49.
- Ростовская Т. К., Шабунова А. А., Архангельский В. Н. и др. Демографическое самочувствие регионов России: национальный демографический доклад — 2020. М.: ПЕРСПЕКТИВА, 2021. 214 с.
- Рязанцев С. В., Архангельский В. Н., Воробьева О. Д. и др. Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры: национальный демографический доклад — 2020. М.: Объед. ред., 2020. 156 с.

#### *References*

- O Kontseptsii gosudarstvennoĭ politiki v otnoshenii molodoĭ sem'i: Pis'mo Minobrnauki RF ot 08.05.2007 № AF-163/06* [On the Concept of state policy in relation to a young family: Letter of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 08.05.2007 no. AF-163/06], dostup iz spravочно-pravovoĭ sistemy "Konsul'tant Plius".
- Riazantsev, S. V., Arkhangel'skiĭ, V. N., Vorob'eva, O. D. i dr. (2020) *Demograficheskoe razvitie Rossii: tendentsii, prognozy, mery: Natsional'nyi demograficheskii doklad — 2020* [Demographic development of Russia: trends, forecasts, measures: National demographic report — 2020], Moscow: Ob'edinennaia redaktsiia.
- Rostovskaia, T. K. (2021) *O vostrebovanosti mer demograficheskoi politiki: (Analiz vs Rossiiskogo sotsiologicheskogo issledovaniia)* [On the demand for demographic

policy measures: (Analysis of the all-Russian sociological research)], *Kolleksiia gumanitarnykh issledovaniĭ*, no. 1, pp. 42—49.

Rostovskaia, T. K., Shabunova, A. A., Arkhangel'skiĭ, V. N. i dr. (2021) *Demograficheskoe samochuvstvie regionov Rossii: Natsional'nyi demograficheskii doklad — 2020* [Demographic well-being of Russian regions: National demographic report — 2020], Moscow: PERSPEKTIVA.

*Статья поступила в редакцию 30.09.2021; одобрена после рецензирования 27.10.2021; принята к публикации 21.12.2021.*

*The article was submitted 30.09.2021; approved after reviewing 27.10.2021; accepted for publication 21.12.2021.*

#### ***Информация об авторах / Information about the authors***

**Ростовская Тамара Керимовна** — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, rostovskaya.tamara@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

**Князькова Екатерина Александровна** — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия; доцент кафедры политической социологии и социальных технологий, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, eapavlova@bk.ru (Cand. Sc. (Political Sc.), Leading Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Associate Professor at the Department of Political Sociology and Social Technologies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).

---

---

*Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 32—47.*

*Woman in Russian Society. 2022. No. 1. P. 32—47.*

Научная статья

УДК 061.2

DOI: 10.21064/WinRS.2022.1.3

## ЖЕНСКОЕ ЛИДЕРСТВО В МИРЕ: «ПРОДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД»

*Надежда Александровна Шведова*

Институт США и Канады, Российская академия наук,  
г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru

**Аннотация.** Пандемия COVID-19 всепланетарного масштаба, подобно мощному лазерному лучу, выхватила из тени многие грани бытия и процессы, которые до нынешнего времени можно было приглушать, находя, как казалось, вполне утешительные оправдания. Явления лидерства женщин и их участия в политике привлекли к себе внимание в новых, опасных ситуациях. Если до пандемии ограниченное участие женщин в политической жизни было почти в порядке вещей, так же как и недостаточность их представленности в качестве избирателей, на руководящих должностях, будь то выборные позиции, государственная служба, частный сектор или научное поприще, то теперь количество женщин-лидеров на местном и глобальном уровнях объективно выглядит несоразмерным жизненным потребностям. Женщины доказали и свои способности лидеров и агентов перемен, и свое право на равное участие в демократическом управлении. Препятствия для участия в политической жизни — структурные барьеры, обусловленные дискриминационными законами и институтами, — по-прежнему ограничивают возможности женщин баллотироваться на должности. Разрыв в потенциале означает, что у женщин меньше шансов, чем у мужчин, получить образование, контакты и ресурсы, необходимые для того, чтобы стать эффективными лидерами. Еще в 2011 г. Генеральная Ассамблея ООН в своей резолюции об участии женщин в политике фиксировала, что во всем мире женщины в значительной степени исключены из политической сферы. Это часто обусловлено дискриминационными законами, обычаями и гендерными стереотипами, а также низким уровнем образования, отсутствием доступа к медицинскому обслуживанию и непропорциональным влиянием бедности на женщин и мужчин. Отдельные женщины с большим успехом преодолели подобные препятствия и в таких условиях, и нередко на благо общества в целом. Пандемия ставит вопрос по-другому: игровое поле должно быть одинаковым, открывающим возможности для всех, поскольку объективно нельзя избавиться от пандемии и наладить нормальное течение жизни, не принимая в расчет эффективного участия половины человечества. Роль женского лидерства в эпоху кризиса, вызванного последствиями коронавирусной эпидемии, — в самом центре внимания, что отражает признание значимости и приоритетности проблемы.

**Ключевые слова:** форум «Поколение равенства», Политический форум высокого уровня по устойчивому развитию, структура «ООН-женщины», гендерное равенство, пандемия COVID-19, Глобальный саммит женщин — политических лидеров, Цели устойчивого развития, «Женщины — политические лидеры», коалиции действий, Глобальный план ООН по ускорению темпов достижения гендерного равенства

**Для цитирования:** Шведова Н. А. Женское лидерство в мире: «продвижение вперед» // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 32—47.

Original article

## WOMEN'S LEADERSHIP IN THE WORLD: “PROMOTING FORWARD”

*Nadezhda A. Shvedova*

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences,  
Moscow, Russian Federation, n.shvedova2015@yandex.ru

**Abstract.** The COVID-19 pandemic of a planetary scale, like a powerful laser beam, snatched out from the shadows many facets of life and processes that until now could have been muted, by finding, it seemed, quite permissible comforting excuses. The phenomenon of life — the leadership of women and their participation in the political field has attracted attention in new and changed dangerous situations. If, before a pandemic the limited participation of women in political life, their lack of representation as voters, as well as in leadership positions whether elective positions, civil service, private sector or scientific field was almost in the order of things, today women's leadership from the local to the global level objectively looks disproportionate to the needs of life. Moreover, women have proven their abilities as leaders and agents of change, and their right to equal participation in democratic governance. Barriers to political participation: structural barriers due to discriminatory laws and institutions continue to limit women's ability to run for office. The capacity gap means that women are less likely than men to receive the education, contacts and resources needed to become effective leaders. Back in 2011, the UN General Assembly, in its resolution on the participation of women in politics, records: women in all corners of the world continue to be largely excluded from the political sphere, often due to discriminatory laws, customs, attitudes and gender stereotypes, low level education, lack of access to health care and the disproportionate impact of poverty on women. Individual women have overcome similar obstacles in such circumstances with great success, and often for the benefit of society as a whole. The pandemic poses the question differently: for women as a whole, the playing field should be equal, opening up opportunities for all, since getting rid of the pandemic and establishing a normal course of life cannot be objectively accomplished without ignoring and taking into account the effective participation of half of humanity. The role of women's leadership in the age of the COVID-19 pandemic disaster is at the center of attention, reflecting the recognition of the importance and priority of the issue.

**Key words:** Generation Equality Forum, High-Level Political Forum on Sustainable Development, UN Women, gender equality, COVID-19 pandemic, Summit of Women Politicians, Sustainable Development Goals, Women Political Leaders, Coalitions for Action, UN Global Acceleration Plan for Gender Equality

*For citation:* Shvedova, N. A. (2022) Zhenskoe liderstvo v mire: “prodvizhenie vpered” [Women’s leadership in the world: “promoting forward”], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 32—47.

### **Новая волна пандемии**

*Политический форум высокого уровня по устойчивому развитию (ПФВУ)*, в течение восьми дней (с 7 по 15 июля 2021 г.) подробно рассматривал девять Глобальных целей и 47 результатов добровольного национального обзора (Global Goals and 47 Voluntary National Review). Закрывая ключевой международный форум, заместитель главы ООН подвела печальный итог: год «огромных вызовов» *обратил вспять прогресс в достижении Целей устойчивого развития (ЦУР)*. «Глубоко негативное воздействие» сказалось на здоровье и благополучии, занятости и бизнесе, доходах, образовании и правах человека. Причем особенно губительное влияние пандемии испытывают на себе женщины и девочки. Пандемия COVID-19 не только тормозит, но и отбрасывает назад прогресс в достижении ЦУР [Deeply Negative Impact’... , 2021]. Именно этими обстоятельствами — пандемией COVID-19 и связанными с ней кризисными явлениями — А. Дж. Мохаммед, заместитель Генерального секретаря ООН, объяснила «обращение вспять прогресса в достижении ЦУР в некоторых областях и задержку принятия мер по многим основным переходным процессам, необходимым для достижения целей на период до 2030 года» [ibid.]. Участники ПФВУ отмечали, что некоторые из мер, принятых во время пандемии, могут заложить основу для прогресса в достижении ЦУР.

Форум высокого уровня, предпринявший попытку подвести определенный итог долгосрочным планам, проходивший в обстоятельствах продолжающейся пандемии всемирного масштаба. За день до закрытия форума, 14 июля, Всемирная организация здравоохранения заявила о начале в мире третьей волны пандемии COVID-19 на основании роста числа выявленных случаев заболеваний в течение месяца, а также увеличения смертности. Основной причиной новой тенденции в характере пандемии COVID-19 ВОЗ сочла появление дельта-штамма, наряду с возросшей мобильностью людей и непоследовательными действиями стран.

В тот же день глава ВОЗ Т. А. Гебрейесус, выступая на открытии 8-го заседания *Комитета Международных медико-санитарных правил по чрезвычайной ситуации в связи с пандемией COVID-19* (IHR Emergency Committee on COVID-19), сообщил о распространении дельта-варианта «в более чем 111 государствах» и о том, что по прогнозам он станет «доминирующим штаммом COVID-19, циркулирующим по всему миру, если уже не является таковым». Именно дельта-вариант — один из основных факторов «нынешнего роста передачи инфекции, что усиливается социальным смешением и мобильностью, а также непоследовательным использованием проверенных мер общественного здравоохранения и социальной защиты» [WHO Director... , 2021].

Хотя генеральный директор ВОЗ отметил устойчивое снижение заболеваемости и смертности, наблюдаемые по мере действия растущего уровня вакцинации в Европе и Северной Америке, ему пришлось признать изменение тенденции и наличие «ранней стадии третьей волны». Он призвал вакцинировать

не менее 10 % населения каждой страны к сентябрю, не менее 40 % — к концу 2021 г. и не менее 70 % — к середине 2022 г. Для достижения этой цели, по словам главы ВОЗ, необходимо 11 млрд доз: «Мы благодарны странам “Большой семерки” за то, что они вместе пожертвуют 870 миллионов доз... Но нужно гораздо больше, гораздо быстрее». Кроме того, справедливо заметил высокопоставленный чиновник ВОЗ, следует помнить, что «вакцины сами по себе не остановят эту пандемию» [ibid.].

В данном контексте мировое сообщество в лице Всемирной организации здравоохранения настоятельно призывает придерживаться следующих принципов: продолжать применять индивидуальный и последовательный подход, используя весь комплекс мер в области общественного здравоохранения и социальной защиты, а также управлять рисками массовых собраний. Рекомендации вытекают из опыта многих стран, который показал эффективность таких мер. При этом наблюдается ослабление странами «ограничения на международные поездки, но национальная политика регистрации статуса путешественников остается несогласованной» [ibid.].

Все эти факторы, взятые вместе, способствуют распространению новой волны пандемии COVID-19, для которой границы государств не служат непреодолимым препятствием.

### Проблемы восстановления

В конце июля 2021 г. Международная организация труда опубликовала исследование, в котором утверждалось, что в период восстановления среди тех, кто вернут себе рабочие места, потерянные в результате пандемии COVID-19, женщин будет меньше, чем мужчин. В документе приведены цифры: в период с 2019 по 2020 г. занятость женщин во всем мире снизилась на 4,2 % (или на 54 млн рабочих мест), а мужчин — на 3 % (или на 60 млн рабочих мест). По прогнозам число занятых женщин в 2021 г. сократится на 13 млн по сравнению с 2019 г., а численность работающих мужчин восстановится до уровня двухгодичной давности. Это означает: в мире в 2021 г. трудоустроены лишь 43 % женщин трудоспособного возраста по сравнению с 69 % мужчин [Fewer Women... , 2021].

В документе МОТ сделан вывод о непропорциональных потерях рабочих мест и доходов женщинами и мужчинами, что обусловлено «чрезмерной представленностью женщин в тех секторах, которые наиболее пострадали от блокады» (производственные услуги, обрабатывающая промышленность и т. д.). При этом распространены региональные различия: занятость женщин больше всего снизилась в Северной и Южной Америке (сокращение превысило 9 %), в арабских государствах (чуть более 4 %), Азиатско-Тихоокеанском регионе (3,8 %), в Европе (2,5 %) и Центральной Азии (1,9 %). В Африке мужчины потеряли всего 0,1 % рабочих мест, а женщины — 1,9 %, т. е. заметно больше [ibid.].

COVID-19 действительно нанес больше вреда женщинам и девочкам, что способствовало усугублению гендерного неравенства. Явно возросшие обязанности по уходу за членами семьи легли в основном на плечи женщин и многих девочек, которые отказались от школ и вообще от работы вне дома. В ранее опубликованном докладе ООН не без оснований отмечено, что сотни миллионов женщин живут жизнью, «управляемой другими» [Hundreds of Millions... , 2021].

**Основные проблемы для женщин: насилие, права, власть, бедность**

Страны принимают меры, направленные на поддержание населения в период пандемии, которая обострила социальные проблемы. ООН подчеркнула, что фискальные пакеты должны включать «долгосрочные конкретные меры по стимулированию восстановления женщин» [Women «Systematically Excluded»... , 2021].

Однако анализ показывает несоизмеримую гендерную диспропорцию в рамках обеспечения экономической безопасности. Так, лишь 13 % из 2280 мер фискальной, социальной защиты и защиты рынка труда в период пандемии COVID-19 были направлены на обеспечение женщинам их экономической безопасности (по состоянию на март 2021 г.). А принимаемые меры — от денежных переводов до продовольственной помощи, предназначенной женщинам, — часто были мелкомасштабными и временными. Например, через год после начала пандемии большинство схем денежных переводов длились в среднем всего 3,3 месяца. Глобальный инструмент отслеживания гендерных ответных мер в отношении COVID-19, который анализирует государственную пандемическую политику, точно выявил пробелы в процессах экономического восстановления, связанные с исключением конкретных потребностей женщин [ibid.].

В документе, который был представлен структурой «ООН-женщины» на 65-й сессии Комиссии ООН по положению женщин (Нью-Йорк, 15 марта 2021 г.), сказано: «Последние данные показывают, что как в целевых группах, занимающихся проблемами COVID-19, так и при принятии глобальных решений гендерный паритет соблюдается редко. Однако в тех нескольких странах, где женщины занимают верховные посты, предпринятые меры по борьбе с пандемией были особенно эффективными. Когда число женщин среди руководителей увеличивается, принимаются более инклюзивные решения, раздаются различные голоса и находятся различные пути решения проблем» [Latest session... , 2021]. Ф. Мламбо-Нгкука, исполнительный директор структуры «ООН-женщины», обратила особое внимание на отсутствие женщин во главе ВОЗ, которая руководит восстановлением жизни, побеждая коронавирусную пандемию.

Напомним, что в отчете Всемирного экономического форума в 2018 г. уже говорилось о замедлении прогресса в области гендерного равенства. Отмечалось, что при сохранении темпов изменений потребуется 108 лет для закрытия глобального гендерного разрыва, составлявшего 68 %. Это добавляло восемь лет к оценке 2017 г. Известно, что в качестве основы для измерения гендерного неравенства в странах используется *индекс гендерного разрыва* (впервые опубликован в 2006 г.), который формируется по четырем показателям (субиндексы): расширение политических прав, здоровье и выживание, уровень образования и экономическое участие. С 2006 г. общий гендерный разрыв сократился на 3,6 %, но в 2018 г. — лишь на 0,03 %, что свидетельствует о «чрезвычайно медленном прогрессе». При этом общее направление движения характеризовалось как позитивное, потому что из 144 охваченных стран в 2017 и 2018 гг. 89 сократили свой гендерный разрыв, а 55 — допустили регрессию. В докладе было сказано: «Хотя прогресс по-прежнему идет очень медленными темпами... тот факт, что большинство стран движутся к большему гендерному паритету, обнадеживает и вознаграждает усилия политиков и практиков во всем мире, которые работают над достижением *пятой цели ООН в области устойчивого развития — гендерного*

равенства» [The 10 Best Countries... , 2018]. В таблице представлены 10 государств, занимающих верхние позиции в рейтинге стран по индексу гендерного разрыва, которые относят к «лучшим странам, где хорошо быть женщиной» [ibid.].

#### 10 стран, комфортных для жизни женщин (2018 г.)

Место в рейтинге	Страна	Индекс
1	Исландия	0,858
2	Норвегия	0,835
3	Швеция	0,822
4	Финляндия	0,821
5	Никарагуа	0,809
6	Уганда	0,804
7	Новая Зеландия	0,801
8	Филиппины	0,799
9	Ирландия	0,796
10	Намибия	0,789

Исландия возглавляет этот рейтинг уже 10-й год подряд, закрыв более 85 % общего гендерного разрыва в стране. В первую четверку вошли все Скандинавские страны: Норвегия, Швеция и Финляндия заняли второе, третье и четвертое места соответственно. Обратим внимание, что эти страны не одно десятилетие реализуют осознанную государственную политику гендерного равенства.

Таким образом, тенденция к снижению темпов движения к гендерному равенству наметилась еще в допандемический период. Напрашивается вывод о том, что она получила дальнейшее развитие в кризисное время, очерченное пандемией. Требуется пристальное внимание и тщательное исследование ученых для понимания факторов и закономерностей, обусловивших данный процесс. Ясно, что пандемия внесла свою негативную лепту. Как заявил генеральный директор ВОЗ Т. А. Гебрейесус, «мир увидел увеличение ужасного насилия в отношении женщин». Иными словами, рост насилия со стороны «мачо» — еще одно печальное последствие пандемии (см.: [Bazán, 2021]).

#### Что делать: «от слов — к действиям»

«Перейти от слов к делу» — таков девиз *Глобального саммита женщин — политических лидеров*, который состоялся в июне 2021 г. В частности, У. фон дер Ляйен, председатель Европейской комиссии, поделилась своей амбициозной целью увеличить число женщин на руководящих должностях в данной организации к концу 2024 г. до 50 %. Сегодня они уже занимают в ней более 40 % руководящих должностей. У. фон дер Ляйен убеждена в том, что женщинам-лидерам должны оказывать должное уважение, соответствующее их положению, такое же, какое оказывают их коллегам-мужчинам: «Потому что наши демократии сильнее, когда женщины участвуют в них на равных» [Women's Leadership... , 2021].

«Новое мышление, а не новое оружие — лучший критерий оценки лидера в наше время», — сказано в открытом письме американских и российских женщин, озабоченных угрозами гонки вооружений и военных конфликтов в ядерную

эпоху. С этим трудно не согласиться. Письмо было направлено президентам Российской Федерации и США по случаю их встречи в Женеве (июнь 2021 г.).

Упомянутый выше саммит женщин-лидеров собрал выдающихся политических деятелей со всего мира (свыше 160) для обмена опытом решения острых проблем современности. Эта встреча на высшем уровне (Саммит-21), прошедшая под сопредседательством заместителя Генерального секретаря ООН А. Дж. Мохаммед, установила важнейшую роль женщин-лидеров в определении новых норм и подходов в изменяющемся мире. Прежде всего Саммит-21 исходил из признания того, что «последние полтора года стали поворотным пунктом в истории человечества, что надо двигаться вперед, к новой реальности, новому, нормальному и лучшему миру для всех» [Women Political Leaders... , 2021]. Среди участников Саммита-21 присутствовали десятки президентов и экс-президентов, министров, конгрессменов и политических деятелей, а также представителей гражданского общества. Видные государственные и политические деятели (например, первый заместитель Генерального секретаря ООН А. Дж. Мохаммед, председатель Европейской комиссии У. фон дер Ляйен, вице-президент Правительства Испании Н. Калвино, председатель Сената Испании П. Лоп и многие другие) признали необходимость большего числа женщин у власти и их активного участия в принятии решений для выхода из кризиса, вызванного пандемией COVID-19 [Bazán, 2021].

Напомним: «Женщины — политические лидеры» — это глобальная сеть женщин-политиков, международный, независимый, непартийный и некоммерческий фонд, который базируется в Рейкьявике (Исландия — признанный «чемпион мира» по гендерному равенству). Его миссия состоит в том, чтобы увеличить как число, так и влияние женщин на политических руководящих должностях. С. Кох-Мехрин — основатель и президент Фонда. Каждый год Фонд проводит форумы для анализа действий стран по достижению равенства и постановки задач, которые позволят быстрее преодолеть гендерный разрыв в представительстве на уровне принятия решений.

Многие участники видят неравенство женщин и мужчин, расширившееся с появлением пандемии, и осознают, что остро необходима неотложная реализация *разумной и устойчивой политики*, которая позволила бы преодолеть его, и что гендерное равенство является одной из сквозных целей плана восстановления после пандемии.

Генеральный секретарь ООН заявлял о планах в юбилейный год (2023) 75-летия Всеобщей декларации прав человека, 30-летия Венской декларации и Программы действий воспользоваться подходящим моментом для подведения итогов. Им была высказана мысль о том, что гендерное неравенство и дискриминация в отношении женщин и девочек — «самая подавляющая глобальная несправедливость», которая побуждает его «решительно выступать за права женщин» [Secretary-General's Remarks... , 2021]. ООН предупредила, что из-за экономического кризиса и кризиса в области здравоохранения 47 млн женщин во всем мире находятся на пути к крайней нищете. Так, У. фон дер Ляйен, председатель Европейской комиссии, подчеркнула «ощутимое неравенство в доступе к здравоохранению» и «хрупкость обществ в отношении равенства и прав женщин», которые вскрыла пандемия. В свою очередь, М. Бачелет, Верховный

комиссар ООН по правам человека, заявила: «Гендерное равенство является насущным императивом, оно имеет решающее значение для восстановления после пандемии и достижения целей в области устойчивого развития» (цит. по: [Bazán, 2021]).

Неслучайно глава миротворческой миссии ООН подчеркнул важность признания руководящей роли женщин в различных ипостасях, а также создания благоприятных условий в центральных учреждениях и миссиях, позволяющих миротворческим операциям быть эффективными и успешно выполнять свои мандаты. Ж.-П. Лакруа, заместитель Генерального секретаря ООН по операциям в пользу мира, заявил о необходимости «сломать барьеры, чтобы больше женщин могли занять высшие должности», что будет способствовать улучшению «принятия решений и проводимых операций» [Empowering Women... , 2021]. Глава миротворческой миссии ООН также выделил инициативы, ориентированные на гендерный паритет, такие как профессиональное развитие, сети и наставничество, управление талантами и культура рабочего места. В целом он призвал страны признать гендерное равенство, женщин, мир и безопасность *общим политическим приоритетом и продолжать выделять ресурсы и направлять политическую волю на это дело* [ibid.].

Когда мировое сообщество обращает внимание на проблемы климата на земле, представляется целесообразным толковать понятие «климат» в широком смысле. Иными словами, нужна забота о той атмосфере в странах, которая делает человека счастливым.

### Ускорение прогресса в достижении гендерного равенства к 2030 г.

Структура «ООН-женщины» совместно с правительствами Мексики и Франции, в партнерстве с молодежью и гражданским обществом в 2021 г. инициировала глобальное событие под названием *форум «Поколение равенства»*. Он стартовал в Мехико (29—31 марта) и завершился в Париже (30 июня — 2 июля), положив начало ряду «конкретных, амбициозных и преобразующих действий по достижению немедленного и необратимого прогресса на пути к гендерному равенству» [Accelerating Progress... , 2021].

30 июня 2021 г. в Париже структура «ООН-женщины» дала начало «эпохальной работе», нацеленной на обеспечение инвестиций и выработку политики для преодоления пропасти между положением женщин в настоящем и тем положением, в котором они должны быть к 2030 г. Реакция в средствах массовой информации на событие привлекла внимание мировой общественности.

Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш на форуме «Поколение равенства», открывая «пятилетний путь действий» («a five-year action journey»), основанный на Глобальном плане ООН по ускорению темпов достижения гендерного равенства, заявил: «Гендерное равенство, по сути, связано с властью, властью в мире, в котором по-прежнему в основном доминируют мужчины, с культурой, которая по-прежнему в значительной степени патриархатная» [ibid.]. По мнению Генерального секретаря ООН, перераспределение власти и создание необходимых условий для истинного равенства занимает первостепенное место среди пяти приоритетов.

Глава ООН заявил, что для достижения равных прав дискриминационные законы во всем мире должны быть отменены и преобразованы в фактическое

равенство. Он отметил: женщины в неформальной экономике «платят высокую цену за пандемию», поэтому экономическое равенство в оплате труда, занятости и социальная защита важны для них и требуют к себе внимания. Диалог между поколениями рассматривается как «еще один фундаментальный инструмент обеспечения гендерного равенства», который позволяет молодым людям участвовать в принятии решений в современном цифровом обществе. При этом центральным элементом всей политики и всех целей должно стать пресечение «всплеска насилия в отношении женщин и девочек в период COVID». Его точку зрения поддержала Генеральный секретарь Совета Европы М. Пейчинович-Бурич, которая обратила внимание на Конвенцию о предупреждении насилия в отношении женщин и борьбе с ним, или Стамбульскую конвенцию, из-за ее трех преимуществ, которые не может дать ни одна страна: она повышает национальные стандарты, обеспечивает механизм мониторинга и гарантирует сотрудничество между правительствами в преследовании этих преступлений [Women Must... , 2021].

Исполнительный директор структуры «ООН-женщины» Ф. Мламбо-Нгкука, заявив о том, что «женщины во всем мире зажаты в маленький уголок», нарисовала убедительную картину их положения: они составляют всего «четверть всех менеджеров, парламентариев, участников переговоров по изменению климата» и «менее четверти тех, кто ведет переговоры о мирных соглашениях». «Одной четверти недостаточно. Одна четверть — это неравенство. Равенство — это одна половина, когда мужчины и женщины вместе», — уточнила она [ibid.]. В результате был сделан шаг вперед — собрано 40 млрд долл.

Канцлер А. Меркель заявила, что Германия активно участвует в *Коалиции действий по экономической справедливости и правам* и вложит в фонд данного объединения «дополнительные 140 млн евро, что в общей сложности составит около 240 млн евро». Фонд Билла и Мелинды Гейтс объявил о 2,1 млрд долл. на продвижение глобального гендерного равенства. Государства-члены, частный сектор и другие стороны взяли на себя почти 1000 обязательств по изменению жизни женщин, чтобы совершить «переход от обещаний» [ibid.].

В то же время ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) заявила о ряде обязательств по достижению ощутимого прогресса в деле обеспечения гендерного равенства в течение следующих пяти лет. Агентство ООН будет поддерживать образование девочек качественным гендерно-трансформирующим обучением для 28 млн учащихся в более чем 80 странах, работать над сокращением цифрового гендерного разрыва, расширением прав и возможностей женщин-ученых и продвижением этического искусственного интеллекта, а в Африке расширять экономические возможности женщин в творческих отраслях. Глава ЮНЕСКО О. Азулай призвала женщин во всем мире «взять под контроль все аспекты жизни и сферы общества и полностью руководить ими, чтобы построить лучшее будущее для всех» [ibid.].

Президент Франции Э. Макрон, соорганизатор Форума, выразил скептическую точку зрения в отношении борьбы за гендерное равенство, которая «далека от победы». А президент Мексики А. М. Лопес Обрадор заявил: «Мы должны продолжать борьбу с сексизмом. Мы не должны забывать об экономическом и социальном равенстве, которое имеет основополагающее значение для построения лучшего общества». Вице-президент Соединенных Штатов К. Харрис

предупредила, что «демократия находится в опасности» во всем мире: «Я твердо верю, что, если мы хотим укрепить демократию, мы должны бороться за гендерное равенство... Демократия сильна, когда все участвуют, и она слабее, когда люди остаются в стороне... без сомнения, гендерное равенство укрепляет демократию». Еще в 1995 г. на Всемирной конференции по положению женщин в Пекине Х. Клинтон, будучи в статусе первой леди, провозгласила: «Права человека — это права женщин, а права женщин — это права человека раз и навсегда». На Форуме Х. Клинтон подчеркнула: «...мы знаем, что, когда женщины будут иметь власть, возможность отстаивать наши права и восстанавливать экономику, всем станет лучше» [ibid.].

### Больше женщин у власти

Глава ООН заявил о «равном праве женщин авторитетно высказываться о решениях, влияющих на жизнь... от пандемии до изменения климата, углубления неравенства, конфликтов и демократического отката» [Lack of Women... , 2021]. Он, в частности, подчеркнул необходимость «преобразования социальных норм», принятия законов и проведения политики выдвижения женщин на руководящие посты, назначения их на высшие должностные позиции. Борьба с насилием в отношении женщин, расширение доступа к финансированию для женщин-кандидатов, женских организаций и феминистского движения, продвижение и поддержка женщин-лидеров при всем их разнообразии и различиях в способностях — это меры, способы, методы и инструменты для решения проблемы доступа к лидерским позициям.

Среди рекомендаций звучит, правда не первый год и не первый раз, призыв к сокращению пути достижения равенства, для чего необходимо выделять «значительные бюджетные средства в целях обеспечения прав наиболее уязвимых групп, которые должны быть в центре программ и политики». Очень важно найти способ помочь женщинам «финансировать свои избирательные кампании, поскольку инвестиции в них, направляемые партиями и политическими субъектами, обычно минимальны», а женщины должны иметь рычаги власти. «Когда я начала работать в “ООН-женщины”, мой бюджет тоже составлял четверть миллиарда долларов. Он должен был увеличиться до полумиллиарда долларов; конечно, мы сделали и превзошли это. Но этого явно было недостаточно», — подчеркнула заместитель Генерального секретаря ООН и исполнительный директор структуры «ООН-женщины» Ф. Мламбо-Нгкука [Remarks by Under-Secretary-General... , 2021].

Верховный комиссар ООН по правам человека, в свою очередь, призвала всех руководителей добиться 50 %-й численности женщин в своих кабинетах, обеспечить более широкое разнообразие и инклюзивность, использовать временные специальные меры, в частности, для набора и подготовки кандидатов и нацеливания женщин на должности в политике и правительстве.

Э. Макрон, президент Франции, признал: «Ни одно общество не может решать проблемы сегодня, если использует только половину своих живых ресурсов, своей силы и возможностей для продвижения как в государственных компаниях, так и частных». При этом, крайне справедливо уточнил Э. Макрон, женское лидерство имеет решающее значение для трансформации общества (цит. по: [Bazán, 2021]).

Мировые лидеры заверили в жизненной необходимости увеличения числа женщин для участия в принятии решений, фундаментальных для проблем «нового, нормального» мира. «Мы не можем позволить себе оставлять талантливых женщин в стороне. Нам нужно больше разнообразия в залах заседаний, в парламентах и кабинетах, чтобы обогатить наши дебаты и расширить наш спектр точек зрения», — отметила председатель Европейского центрального банка К. Лагард [ibid.].

Генеральный секретарь НАТО не остался в стороне, заявив, что «гендерное равенство — это не только правильно, но и разумно». Он подчеркнул важность гендерного равенства для миссии НАТО: «Лучший способ защитить нашу безопасность и образ жизни — это объединиться и использовать все таланты, которые могут предложить наши общества» [NATO Secretary... , 2021].

### **Что предлагается: итоги Форума**

Форум «Поколение равенства» — это глобальная встреча по вопросам гендерного равенства, организованная структурой «ООН-женщины» в сотрудничестве с правительствами Мексики и Франции и партнерстве с молодежью и гражданским обществом. Форум был запущен в рамках обзорного процесса «Пекин+25», который проходил с марта 2019 г. по сентябрь 2020 г.

Спустя четверть века после исторической *Четвертой Всемирной конференции по положению женщин* (г. Пекин, Китай, 1995 г.) и принятия *Пекинской декларации и Платформы действий* Форум поставил перед собой задачу подвести итоги достигнутого поступательного движения и принять конкретные меры по ускорению прогресса в деле обеспечения гендерного равенства.

Форум вновь подтвердил ценность многосторонности и объединил лидерство и включенность различных заинтересованных сторон — гражданского общества, правительств, парламентов, деловых кругов, профсоюзов и средств массовой информации, уделяя особое внимание взаимодействию между поколениями и партнерству на основе многостороннего сотрудничества. Для реализации задач по обеспечению гендерного равенства, закрепленных в обязательствах, Форум выявил и проанализировал феминистскую повестку дня во время Мексиканского форума и в целом запустил инициативу создания коалиций действий, партнерств для масштабных и срочных действий.

Как справедливо отмечается в средствах массовой информации, смелая феминистская повестка дня и работа ряда коалиций действий — инструмент Форума для реализации своих «амбиций»: осязаемого прогресса в достижении гендерного равенства в ходе *Десятилетия действий ООН (2020—2030 гг.)* по выполнению *Целей устойчивого развития*.

*Коалиции действий* — это глобальные инновационные многосторонние партнерства, которые мобилизуют правительства, гражданское общество, международные организации и частный сектор, чтобы, во-первых, катализировать коллективные действия; во-вторых, стимулировать глобальные и локальные обсуждения между поколениями; в-третьих, способствовать увеличению государственных и частных инвестиций; в-четвертых, ускорять постановку конкретных задач, изменяющих результаты на пути достижения поставленной цели.

Субъектами, возлагающими на себя обязательства, могут стать: правительства, компании частного сектора, благотворительные организации, учреждения

ООН, международные или региональные организации, молодежные организации, представители гражданского общества (включая женщин и феминистские организации), научные круги и исследовательские ассоциации, организации средств массовой информации, местные органы власти (муниципалитеты) [Opse-in-a-Decade opportunity... , 2021].

Опираясь на принципы прав человека и на данные, полученные в процессе консультаций с международными феминистскими группами, низовыми активистскими организациями, правительствами и другими партнерами, были намечены шесть тематических областей для коалиций действий. К ним относятся проблемы гендерного насилия, экономической справедливости и прав, прав на телесную автономию, сексуальное и репродуктивное здоровье, проблемы создания технологий и инноваций в интересах гендерного равенства, вопросы феминистского движения и лидерства и феминистских действий за климатическую справедливость.

Каждая коалиция действий определяет ограниченный набор конкретных действий, рассматриваемых как наиболее перспективные для ускорения прогресса в области гендерного равенства. Эти действия — если они будут осуществлены и полностью профинансированы — могут привести к прочным и преобразующим изменениям. Твердые обязательства лежат в основе стремления коалиций действий обеспечить подотчетность и результативность.

*Глобальный план ускорения темпов достижения гендерного равенства* — это преобразующая дорожная карта, разработанная лидерами *коалиций действий* для того, чтобы добиться конкретных результатов в шести направлениях в течение пяти лет. Этот план призван ускорить конкретный прогресс в достижении Целей устойчивого развития [Driving Change... , 2021].

Форум «Поколение равенства» — это уникальная возможность сократить путь к долгосрочным переменам в жизни женщин и девочек во всем мире [Opse-in-a-Decade opportunity... , 2021].

## Выводы

Пандемия COVID-19 усугубила существующее гендерное неравенство, поскольку появились сообщения о росте насилия в отношении женщин, а также о серьезных неблагоприятных экономических последствиях, вызванных как увеличением числа неоплачиваемых услуг по уходу, так и тем фактом, что женщины заняты на более небезопасных, низкооплачиваемых работах. Цветные женщины, женщины из числа коренных народов и молодежь сталкиваются со сложными препятствиями. Более чем через 25 лет после знаменательной Пекинской конференции по положению женщин публичная риторика о гендерном равенстве не была подкреплена действиями для создания гендерного баланса. *В настоящее время ни одна страна в мире не может заявить о достижении гендерного равенства.*

При этом отчаяны попытки мирового сообщества не оставлять без внимания проблемы гендерного дисбаланса, которые усугубляют остроту положения, связанного с дискриминацией женщин. ООН придерживается последовательной позиции укрепления гендерного равенства и паритета лидерства во всех сферах жизни, о чем, в частности, свидетельствуют неоднократные заявления Генерального секретаря ООН на различных встречах, форумах, конгрессах, а также

документы, принимаемые на международных конференциях. С постоянством и последовательностью руководство ООН выражает приверженность идеям гендерного равенства и предлагает стратегию и тактику достижения гендерного баланса во всех сферах жизни. Программы в области лидерства и участия подразделения «ООН-женщины» базируются на международных обязательствах по обеспечению представительства женщин. *Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин* отстаивает право женщин на участие в общественной жизни, а *Пекинская платформа действий* призывает к устранению барьеров на пути к равному участию. *Цели развития*, сформулированные в *Декларации тысячелетия*, измеряют прогресс в достижении гендерного равенства отчасти по доле женщин в парламенте.

Для ускорения темпов достижения гендерного равенства структура «ООН-женщины» организует подготовку женщин — кандидаток в политические партии, с тем чтобы помочь им укрепить свой потенциал, а также проводит кампании по просвещению и гражданскому воспитанию избирателей, разъясняя вопросы гендерного равенства. Международное сообщество в лице ООН обращает призыв к политическим партиям, правительствам и другим сторонам внести свой вклад в расширение прав и возможностей женщин для достижения гендерного равенства. Частный сектор, филантропы, молодежь и подростки, гражданское общество становятся неотъемлемой частью борьбы за перемены для женщин и стратегическим союзником для «ООН-женщины». Существуют инициативы, которые нацелены на поощрение участия молодых женщин и мужчин в информационно-пропагандистской деятельности, чтобы сделать меры по обеспечению гендерного равенства центральным элементом государственной политики.

Структура «ООН-женщины» выступает за законодательные и конституционные реформы, направленные на обеспечение справедливого доступа женщин в политическую сферу. Стоит задача перехода от обещаний к переменам в положении женщин. Однако, по признанию Ф. Мламбо-Нгкука, главы структуры «ООН-женщины», «борьба все еще должна продолжаться»: «Нам нужно все время двигаться вверх, чтобы взойти на вершину» [Women Must... , 2021].

А. Гутерриш, Генеральный секретарь ООН, со всей определенностью охарактеризовал гендерное равенство как «вопрос власти», которую необходимо завоевывать в мире, где доминируют мужчины, а значит, «равная власть» не появится сама по себе. *Не этим ли глубинным фактором обусловлен медленный прогресс в достижении цели паритетного гендерного представительства на уровне принятия решений?*

В ряду важнейших международных событий в период пандемии особое место принадлежит форуму «Поколение равенства», который представляет собой ключевой момент для принятия срочных мер по обеспечению подотчетности действий сторонников гендерного равенства из всех секторов общества и государства. Этот Форум стал уникальной возможностью для ускорения долгосрочных перемен в жизни женщин и девочек во всем мире. Он побуждает правительства, международные организации, гражданское общество, благотворительные организации, молодежь, частный сектор и активистов со всего мира продвигать обязательства по гендерному равенству и обеспечивать конкретные устойчивые результаты.

Форум «Поколение равенства» подпитывает также мощную и прочную коалицию, выступающую за гендерное равенство. Он представляет жизненно важный момент для активисток, феминисток, молодежи и союзников, чтобы добиться трансформационных изменений для будущих поколений. Стимулируя выполнение финансовых и политических обязательств по обеспечению гендерного равенства, Форум поддерживает широкое движение, вовлекая в свои ряды различные сегменты общества. Это уникальная возможность продвигать права женщин, акцентируя внимание мировой общественности на гендерной проблематике и настаивая на необходимости обеспечения для нее центрального места в повестке дня после окончания пандемии COVID-19.

*Коалиции действий* — мировая дорожная карта достижения гендерного равенства, которая базируется на новаторских многосторонних партнерствах, сосредоточенных на его наиболее важных проблемах для обеспечения конкретных изменений в жизни женщин и девочек во всем мире.

Форум «Поколение равенства» — это важный глобальный переломный момент для гендерного равенства, поскольку несет в себе историческую работу, объединяет правительства, корпорации и лиц со всего мира, ответственных за изменения, чтобы объявить об амбициозных инвестициях и политике. Результатом должно стать постоянное ускорение процесса обеспечения равенства, распространение женского лидерства и расширение возможностей для женщин и девочек во всем мире.

Полагаем, что историческое значение Форума заключается в том, что стратегический вывод был сделан в критический момент: многочисленные представители мирового сообщества взвесили и оценили негативное воздействие, которое COVID-19 оказал на женщин и девочек. Логично была принята позиция сторонников гендерного равенства, настаивающих на гендерно-чувствительных стимулах и планах ренессанса, которые не позволяют закрепить отставание в темпах достижения гендерного равенства.

В данном контексте женское лидерство в мире обретает новый объективный смысл, означая продвижение вперед и неизбежный императив действий с точки зрения уважения прав и достоинства личности при сохранении принципов гендерного равенства и бережном следовании им.

#### *Список источников*

- Accelerating Progress for Gender Equality. 2021. URL: <https://forum.generationequality.org/> (дата обращения: 22.09.2021).
- Bazán, C. World Leaders Call for More Women in Power to Get Out of the Crisis. 2021. URL: <https://www.efeminista.com/lideres-mundiales-mujeres-poder-crisis/> (дата обращения: 01.09.2021).
- Deeply Negative Impact of COVID Pandemic, Reverses SDG Progress. 2021. URL: <https://news.un.org/en/story/2021/07/1095942> (дата обращения: 15.07.2021).
- Driving Change through Actions and Commitments. 2021. URL: <https://commitments.generationequality.org/en/action-coalitions> (дата обращения: 04.08.2021).
- Empowering Women in Peace Operations Remains Top Priority, Says UN Peacekeeping Chief. 2021. URL: <https://news.un.org/en/story/2021/03/1088322> (дата обращения: 08.03.2021).

- Fewer Women than Men Will Regain Work During COVID-19 Recovery: ILO. 2021. URL: <https://news.un.org/en/story/2021/07/1096102> (дата обращения: 21.07.2021).
- Hundreds of Millions of Women Living Lives «Governed by Others»: UN Report Shows. 2021. URL: <https://news.un.org/en/story/2021/04/1089702> (дата обращения: 12.04.2021).
- Lack of Women in Key Decision-Making «Should not Be Allowed» — UN Women Chief. 2021. URL: <https://news.un.org/en/story/2021/03/1086702> (дата обращения: 08.03.2021).
- Latest Session of UN Women’s Commission Focuses on Equality in Public Life. 2021. URL: <https://news.un.org/en/story/2021/03/1087232> (дата обращения: 10.03.2021).
- NATO Secretary General: Gender Equality is the Smart Thing to Do. 2021. URL: [https://www.nato.int/cps/en/natolive/news\\_185441.htm?selectedLocale=en](https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_185441.htm?selectedLocale=en) (дата обращения: 21.08.2021).
- Once-in-a-Decade opportunity to catalyze long terms change for women and girls around the world // The Generation Equality Forum. 2021. URL: <https://commitments.generationequality.org/> (дата обращения: 16.08.2021).
- Remarks by Under-Secretary-General of the United Nations and UN Women Executive Director, Phumzile Mlambo-Ngcuka, at the Opening Ceremony of the Generation Equality Forum in Paris, France. 2021. URL: <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2021/6/speech-ed-phumzile-opening-ceremony-of-the-generation-equality-forum-in-paris> (дата обращения: 11.08.2021).
- Secretary-General’s Remarks to Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) [As delivered]. 2021. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2021-05-13/secretary-generals-remarks-moscow-state-institute-of-international-relations-%28mgimo%29-delivered> (дата обращения: 21.05.2021).
- The 10 Best Countries to Be a Woman. 2021. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2018/12/10-best-countries-to-be-a-woman-gender-gap-report-2018/> (дата обращения: 04.08.2021).
- WHO Director-General’s Opening Remarks at the 8th Meeting of the IHR Emergency Committee on COVID-19 — 14 July 2021. 2021. URL: <https://www.who.int/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-8th-meeting-of-the-ihr-emergency-committee-on-covid-19-14-july-2021> (дата обращения: 15.07.2021).
- Women Must no Longer Be «Squeezed into a Small Corner», Landmark Forum Declares. 2021. URL: <https://news.un.org/en/story/2021/06/1095102> (дата обращения: 24.08.2021).
- Women «Systematically Excluded» from COVID Response, Despite Being Worst Affected. 2021. URL: <https://news.un.org/en/story/2021/03/1087982> (дата обращения: 13.03.2021).
- Women Political Leaders: Advancing Society. 2021. URL: <https://www.womenpoliticalleaders.org/> (дата обращения: 21.08.2021).
- Women’s Leadership and Political Participation. 2021. URL: <https://www.unwomen.org/en/what-we-do/leadership-and-political-participation> (дата обращения: 14.08.2021).

### *References*

- Accelerating Progress for Gender Equality by 2030* (2021), available from <https://forum.generationequality.org/> (accessed 22.09.2021).
- Bazán, C. (2021) *World Leaders Call for More Women in Power to Get Out of the Crisis*, available from <https://www.efeminista.com/lideres-mundiales-mujeres-poder-crisis/> (accessed 01.09.2021).
- Driving Change through Actions and Commitments* (2021), available from <https://commitments.generationequality.org/en/action-coalitions> (accessed 04.08.2021).

- Empowering Women in Peace Operations Remains Top Priority, Says UN Peacekeeping Chief* (2021), available from <https://news.un.org/en/story/2021/03/1088322> (accessed 08.03.2021).
- NATO Secretary General: Gender Equality is the Smart Thing to Do* (2021), available from [https://www.nato.int/cps/en/natolive/news\\_185441.htm?selectedLocale=en](https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_185441.htm?selectedLocale=en) (accessed 21.08.2021).
- Once-in-a-Decade opportunity to catalyze long terms change for women and girls around the world (2021), *The Generation Equality Forum*, available from <https://commitments.generationequality.org/> (accessed 16.08.2021).
- Remarks by Under-Secretary-General of the United Nations and UN Women Executive Director, Phumzile Mlambo-Ngcuka, at the Opening Ceremony of the Generation Equality Forum in Paris, France* (2021), available from <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2021/6/speech-ed-phumzile-opening-ceremony-of-the-generation-equality-forum-in-paris> (accessed 11.08.2021).
- Secretary-General's Remarks to Moscow State Institute of International Relations (MGIMO)* (2021), available from [As delivered] <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2021-05-13/secretary-generals-remarks-moscow-state-institute-of-international-relations-%28mgimo%29-delivered> (accessed 21.05.2021).
- WHO Director-General's Opening Remarks at the 8th Meeting of the IHR Emergency Committee on COVID-19 — 14 July 2021* (2021), available from <https://www.who.int/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-8th-meeting-of-the-ihc-emergency-committee-on-covid-19-14-july-2021> (accessed 15.07.2021).
- Women Political Leaders: Advancing Society* (2021), available from <https://www.womenpoliticalleaders.org/> (accessed 21.08.2021)
- Women's Leadership and Political Participation* (2021), available from <https://www.unwomen.org/en/what-we-do/leadership-and-political-participation> (accessed 14.08.2021)

Статья поступила в редакцию 25.10.2021; одобрена после рецензирования 22.12.2021; принята к публикации 03.01.2022.

The article was submitted 25.10.2021; approved after reviewing 22.12.2021; accepted for publication 03.01.2022.

#### **Информация об авторе / Information about the author**

**Шведова Надежда Александровна** — доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра социально-политических исследований, Институт США и Канады РАН, г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Social and Political Studies, Institute for U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

---

---

*Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 48—60.*

*Woman in Russian Society. 2022. No. 1. P. 48—60.*

Научная статья

УДК 316.354:351/354

DOI: 10.21064/WinRS.2022.1.4

## ОТНОШЕНИЕ К ЖЕНСКОМУ ЛИДЕРСТВУ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

*Мария Викторовна Придатченко,*

*Надежда Владимировна Шалютина*

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет  
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, pridatchenko@fsn.unn.ru

**Аннотация.** Лидерство трактуется как квинтэссенция профессиональной субъектности, характеристиками которой являются активность, рефлексивность, свобода, творчество и ответственность. В статье приводятся результаты двух исследований, демонстрирующих гендерную окрашенность профессиональной субъектности женщин-лидеров. Согласно этим результатам, данная субъектность осложнена не столько институциональными барьерами, сколько специфичными ожиданиями по отношению к женщинам со стороны общества и самооценкой женщин.

**Ключевые слова:** профессиональная субъектность, женское лидерство, габитус, гендерное неравенство, гендерный профиль

**Для цитирования:** Придатченко М. В., Шалютина Н. В. Отношение к женскому лидерству в контексте профессиональной субъектности // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 48—60.

Original article

## ATTITUDES TO WOMEN'S LEADERSHIP IN THE CONTEXT OF PROFESSIONAL SUBJECTIVITY

*Mariya V. Pridatchenko, Nadezhda V. Shalyutina*

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,  
Nizhny Novgorod, Russian Federation, pridatchenko@fsn.unn.ru

**Abstract.** Leadership is interpreted as the quintessence of professional subjectivity, consisting in the ability to become a source of change in the surrounding social reality in order to transform it according to one's own goals and values. Professional subjectivity is gendered, especially in the sphere of power relations, where it is complicated not so much by objective

institutional barriers as by specific societal expectations towards women and women's self-esteem. The article presents the results of two studies conducted via online questionnaire survey of Nizhny Novgorod residents and expert semi-formalized interview with women holding leadership positions in different spheres. The highlighted characteristics of professional subjectivity: activity, reflexivity, freedom, creativity and responsibility were examined through the prism of Nizhny Novgorod residents' attitude towards women leaders. In those spheres where respondents have direct experience of interaction (mid-level female leaders) and in the traditional "female" spheres of economics and politics, respondents demonstrate gender neutrality and approval. Despite the declaration of gender equality, Nizhny Novgorod residents are wary of female leadership: they demonstrate doubts about women's ability to exercise effective leadership and apply innovative approaches to work. Research conducted by interview method demonstrates that female leaders are oriented in their ideas of the conditions for achieving success on internal, personal resources in the absence of established role models and without the use of social ties. This demonstrates a high level of women's professional subjectivity, which, however, is limited by the weak institutionalisation of women's leadership; the state and society declare that women's career development is limited only by their talents and hard work. Responsibility for "failure" is shifted to women. In this regard, the gendered nature of professional subjectivity lies in the greater activity and responsibility of women leaders, less freedom and creativity. These constraints are imposed on women themselves, seeking to meet the expectations of their environment: to take fewer risks, to show "motherly" concern for their environment, to be predictable and understandable to others.

**Key words:** professional subjectivity, women's leadership, habitus, gender inequality, gender profile

**For citation:** Pridatchenko, M. V., Shalyutina, N. V. (2022) Otnoshenie k zhenskomu liderstvu v kontekste professional'noi sub'ektnosti [Attitudes to women's leadership in the context of professional subjectivity], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 48—60.

## Введение

Женское лидерство и профессиональная субъектность — актуальные темы дискуссий и научных исследований. Отчасти это связано с целым рядом смежных социальных проблем, затрагивающих вопросы демографии, теории и практики управления и внедрения новых норм гендерного порядка на рынке профессий [Силласте, 2020].

В публичной и приватной сферах жизни женщин в настоящее время происходят значительные изменения. Например, по данным журнала «Forbes», в 2018 г. Россия занимала третье место в мире по количеству женщин в высшем менеджменте — 41 % [Исторический феминизм... , 2018]. В приватной сфере исследование ВЦИОМ фиксирует значительные изменения в представлениях россиян о распределении семейных ролей (хотя реальное ролевое поведение остается в большей степени традиционным) [Равенство в семье... , 2018].

Ролевой спектр у мужчин и женщин расширяется и усложняется, при этом все еще есть сферы деятельности, где сильны гендерные диспропорции. Наиболее четко это проявляется в политическом и экономическом топ-менеджменте. Женщины, прорвавшиеся в управленческую страту, как правило, занимают должности

заместителей или менеджеров оперативных направлений (отделы бухгалтерии, управления персоналом, сервисной службы) [Эксперты назвали... , 2020].

Лидеры женского пола встречаются на руководящих должностях, но в политике их процент ниже. В Совете Федерации, который возглавляет Валентина Матвиенко, 20 % женщин-сенаторов [Члены Совета Федерации, 2021], в нижней палате парламента 15 % женщин-депутатов [Состав Государственной думы... , 2021]. В Правительстве Российской Федерации две женщины являются заместителями председателя, а кабинет министров представлен только одной женщиной — министром культуры [Персональный состав Правительства, 2021]. Тенденция преобладания мужчин в политике на федеральном уровне очевидна. Похожая картина складывается и на региональном уровне. Например, в состав правительства Нижегородской области входят 24 мужчины и 3 женщины [Состав правительства... , 2021].

Одной из важных причин настоящей гендерной ситуации может быть отсутствие доверия населения к женщинам, работающим на руководящих должностях, что обусловлено стереотипами о женском поведении, сложившимися у членов общества в процессе социализации, в том числе у самих женщин-профессионалок. Согласно докладу ООН о перспективах человеческого развития, опубликованному в 2020 г., наибольшая доля гендерных предрассудков в России направлена на политическую (68.43 %) и экономическую (58.77 %) сферы [Tasking social norms, 2020]. Женская профессиональная успешность представляется допустимой в типично женских секторах экономики (индустрия красоты, моды) и политики (сферы образования, здравоохранения, финансов), на уровне мелкого и среднего бизнеса. Сферы технологий и промышленного производства не являются типичными пространствами для профессионального продвижения женщин из-за убежденности членов общества в необходимости «специфических» мужских качеств для успеха в этих направлениях. Уже на этапе первичной социализации, школьного образования и абитуриентских притязаний девушек оттесняют от «мужских» профессий, формируют у них «собственные» предпочтения в жизненной и профессиональной стратегиях, затрудняя реализацию женской профессиональной субъектности.

### **Теоретико-методологические подходы**

Субъектность — термин, имеющий долгую историю становления и трансформации в социологии. Усиление внимания социологов к этому понятию связано с самой логикой развития социологической мысли — движения от дегуманизированной социальности к человеку как субъекту, конструирующему социальность [Штомпка, 1996]. В отличие от близких понятий «актор», «агент», «личность» термин «субъект» включает в себя значение активного начала, способности к саморазвитию, самоконструированию.

Профессиональная субъектность предполагает осознанное приобретение необходимых для профессиональной деятельности компетенций, способность к целенаправленной преобразовательной активности, осознанному выбору в постоянно изменяющейся социокультурной и экономической ситуации. В целом исследователи едины в том, что основу профессиональной субъектности составляют активность, свобода, ответственность, творчество и рефлексивность.

Квинтэссенцией профессиональной субъектности становится лидерство — способность формулировать и претворять в жизнь профессиональные сценарии, выступать источником воздействия на окружающую социальную реальность, адекватно реагировать на последующие изменения и быть готовым нести за них ответственность.

Формирование профессиональной субъектности обусловлено тремя группами факторов. Макроуровневые факторы включают общекультурные паттерны и институциональные факторы, присущие данному обществу в определенный культурно-исторический период. Мезоуровневые факторы — это характеристики мезосреды: семьи, референтной группы, региона проживания, круга общения, образовательных институтов. В группу микроуровневых факторов входят интрасубъективные характеристики — интериоризированные ценности, цели, представления об успехе и способах его достижения.

В данной работе мы сосредоточимся на микроуровневых факторах. Они позволяют оценить включенность субъекта в профессиональное жизнетворчество и отражают присвоенные личностью макроуровневые компоненты социального поля. В современном обществе практически отсутствуют юридические нормы, ограничивающие деятельность женщин в профессиональной сфере. Опросы общественного мнения демонстрируют поступательную трансформацию представлений о распределении мужских и женских ролей в профессиональной и домашней сферах в сторону баланса. Можно сделать вывод, что у женщины нет объективных преград на пути к собственной профессиональной субъектности и лидерству. Анализ микроуровневых факторов и субъектных практик поможет выявить источники представлений, ограничивающих профессиональное продвижение женщин, и латентные макрофакторы, определяющие традиционный гендерный профиль габитуса.

В процессе становления женщина-лидер сталкивается с субъективными барьерами — ожиданиями со стороны общества и собственной самооценкой. Профессиональная субъектность гендерно окрашена: гендер определяет социальное поле развития, задает координаты профессиональной деятельности. Женская профессиональная идентичность зачастую размыта, карьера строится сложнее, чем мужская: нагрузка, связанная с рождением детей, уходом за ними, обслуживанием семьи, оказывает влияние на распределение времени и других ресурсов. Кроме того, от женщин ожидают реализации материнской роли и на работе — чуткости, внимания, понимания. Женщины, стремящиеся выстроить карьеру, в том числе управленческую, вынуждены проявлять значительно большую активность по сравнению с мужчинами, сочетая «мужские» и «женские» модели лидерства.

Наряду с этим, женщинам приходится противостоять не только стереотипам общества, но и собственным психологическим барьерам, в том числе «страху успеха», выявленному М. Хорнер (см. по: [Бендас, 2006]). Этот феномен описывает сопутствующую деловому успеху тревожность, связанную с отрицательными эмоциями женщин по поводу последствий их профессиональных достижений в тех областях, в которых, согласно гендерным стереотипам, этих достижений не может быть.

### Постановка задачи / выдвижение гипотезы

В данной статье мы опишем субъективные барьеры, встающие на пути профессиональной субъектности женщин. Гипотезой работы выступает предположение о том, что основным барьером в формировании профессиональной субъектности являются ожидания общества и связанные с ними установки женщин-профессионалок, определяющие традиционный гендерный профиль габитуса и предполагающие наличие феномена «стеклянного потолка» в их карьере.

### Методология

В статье приводятся результаты исследований авторов, проведенных в апреле — мае 2020 г. в Нижнем Новгороде. На первом этапе исследования были выделены маркеры отношения нижегородцев к женщинам, занимающим лидерские позиции. На втором этапе был осуществлен опрос методом онлайн-анкетирования ( $n = 248$ ; возраст респондентов от 16 до 75 лет) и исследование «Карьерный путь женщин-лидеров» в форме экспертного полужформализованного интервью с женщинами, занимающими руководящие должности в разных сферах деятельности.

### Результаты

Мы исходили из гипотезы, что главным барьером на пути развития профессиональной субъектности женщин-лидеров являются установки общества. Это предположение частично верно: опрошенные нижегородцы декларируют гипотетическое гендерное равенство. Регулярно сталкиваясь в повседневности с женским лидерством, они относятся к этому явлению настороженно: демонстрируют сомнения в способности женщин к эффективному руководству и применению инновационного подхода в работе. В тех сферах, где опрошенные имеют непосредственный опыт взаимодействия с женщинами-руководительницами среднего уровня управления, и в традиционно «женских» сферах экономики и политики они демонстрируют гендерную нейтральность и одобрение, но с меньшей готовностью принимают женское лидерство в традиционно «мужских» сферах (высший уровень управления в сферах крупного бизнеса и политики).

Большинство опрошенных относятся к женскому лидерству в целом положительно, различие между мужчинами и женщинами наблюдается только в степени его поддержки: опрошенные женщины выражают свое одобрение более уверенно (табл.).

**Степень одобрения деятельности женщин в политике и бизнесе мужчинами и женщинами, %**

Пол	Определенно одобряю	Скорее одобряю	Скорее не одобряю	Определенно не одобряю	Затрудняюсь ответить
Женщины	<b>48</b>	36	10	1	5
Мужчины	22	<b>34</b>	16	15	13

Парадоксальным является следующий факт. Большинство опрошенных (77 %) утверждают, что в жизни им приходилось встречаться с женщинами,

занимающими руководящие должности (рис. 1), однако более трети респондентов (44 %) считают, что женское лидерство скорее не развито (рис. 2).

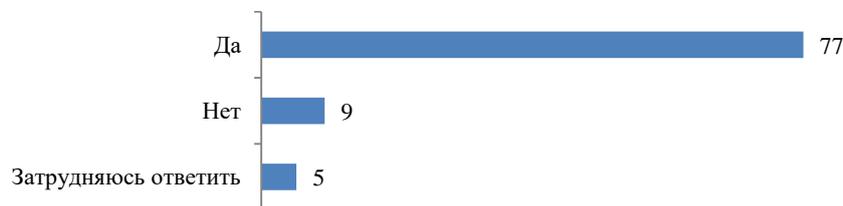


Рис. 1. Ответы на вопрос «Встречались ли лично Вам женщины, занимающие лидерские, руководящие позиции?», %

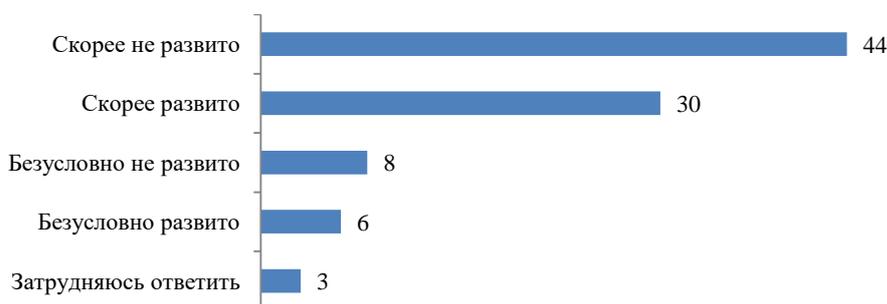


Рис. 2. Ответы на вопрос «Как Вы думаете, насколько распространено женское лидерство в России?», %

Большинство опрошенных (70 %) одобряют деятельность женщин, занимающих руководящие должности, но при анализе важно учесть ранг этих должностей. Гипотеза о настороженном отношении к женщинам-руководительницам высшего звена подтверждается. Так, например, женщин, занимающих высокий пост, поддерживают 59 % респондентов (рис. 3), женщин-руководительниц среднего уровня — 66 % (рис. 4). Соответственно и о негативном отношении к женщинам, занимающим высокий пост, заявляет большее число респондентов — 18 %, эта цифра снижается в два раза при оценке женщин-руководительниц среднего уровня.

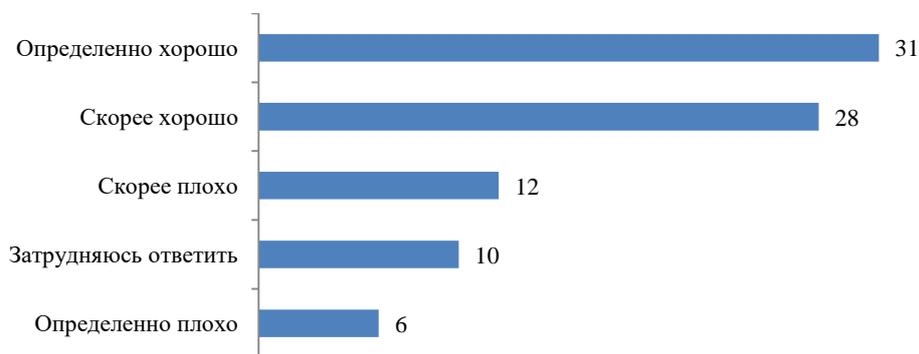


Рис. 3. Ответы на вопрос «Как Вы относитесь к тому, что женщина займет высокий пост?», %

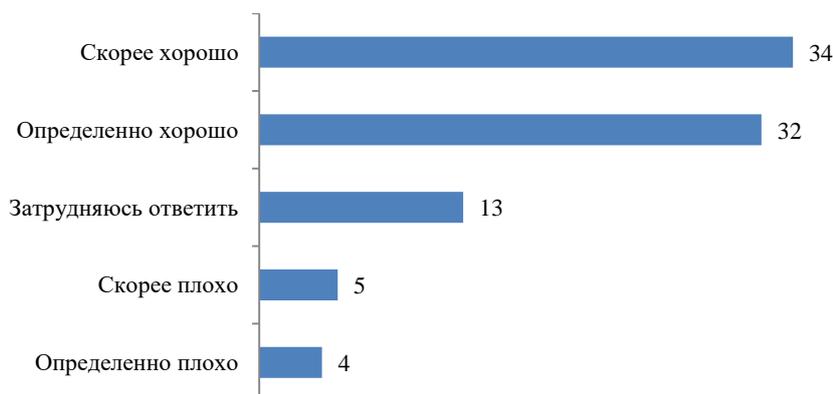


Рис. 4. Ответы на вопрос «Как Вы относитесь к тому, что женщина займет невысокий пост (руководящая должность среднего уровня)», %

Полученные данные подтверждают тот факт, что женское лидерство и власть в России проявляются в основном на среднем уровне: большинство руководителей низшего и среднего звена в социальной, образовательной, культурной сферах — женщины. На рисунке 5 представлены пять основных сфер, выделенных в результате проведения кластерного анализа опроса. Это сферы, в которых женское лидерство встречается наиболее часто. Отметим, что третью позицию в рейтинге заняла экономическая сфера, причем специфически гендерно-окрашенная — индустрия красоты, мода, торговля.

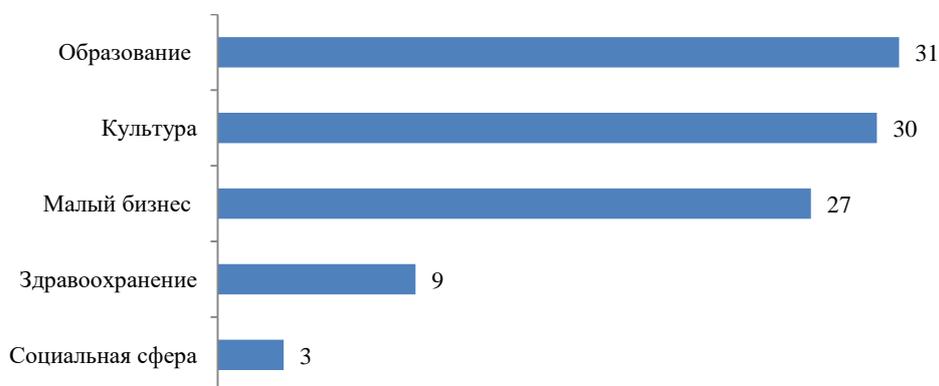


Рис. 5. Ответы на вопрос «Как Вы думаете, в каких сферах женское лидерство встречается в наибольшей степени?», %

В подтверждение своего мнения о гендерном равенстве 64 % опрошенных ответили, что женщины могут работать по любым специальностям, не согласны с этим утверждением 30 %. По всей видимости, это декларативные заявления, намечающие общую тенденцию к гендерному равенству. Отвечая на вопросы о карьерных возможностях женщин, респонденты не были столь оптимистичны: о равных шансах на продвижение по карьерной лестнице говорят только 19 % опрошенных, более половины уверены в том, что женщине сложнее получить руководящую должность, чем мужчине (рис. 6).

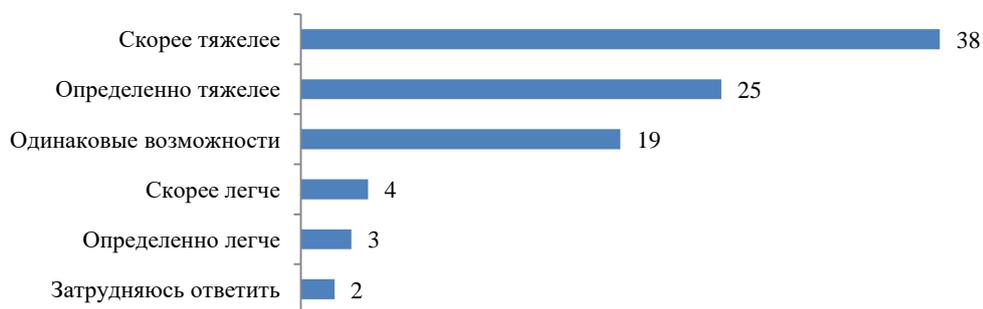


Рис. 6. Ответы на вопрос «Как Вы думаете, женщинам легче или сложнее добиться лидерских, руководящих позиций, чем мужчинам?», %

Наибольший гендерный дисбаланс наблюдается в ответах на вопрос о способности женщин к профессиональному творчеству и открытости к инновациям. Мы отмечаем, что преобразовательная деятельность является важной составляющей профессиональной субъектности. По мнению опрошенных, мужчины в большей степени способны к созданию нового, данную точку зрения разделяют 40 %, лишь 10 % полагают, что в этой области женщина превосходит мужчину.

Несмотря на признание большинством респондентов гипотетической возможности у женщины достичь успеха, в оценке качества ее руководства они оказались консервативны: 50 % склонны считать, что мужчины лучше справляются с управленческим трудом, в поддержку женщин высказались лишь 12 %, почти 40 % затруднились ответить.

Что касается качеств женщин и мужчин — лидеров (рис. 7, 8), стоит отметить многообразие характеристик, которые были выявлены в ходе опроса. Менее 5 % респондентов в своем ответе указали, что женщинам нужно обращать внимание на семью, а не на карьеру. Профессионализм, целеустремленность, работоспособность, настойчивость считаются важными характеристиками и для женщин и для мужчин — лидеров. В «женский» список попало качество «мягкость», хотя отметили его менее половины опрошенных. Отличием списка лидерских качеств мужчин стали «честность» и «справедливость».

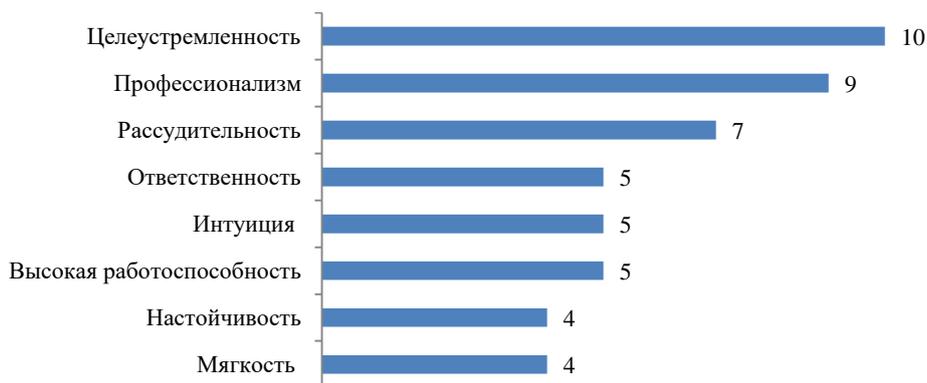


Рис. 7. Ответы на вопрос «Какие качества кажутся Вам наиболее подходящими для женщины-руководительницы?», чел.

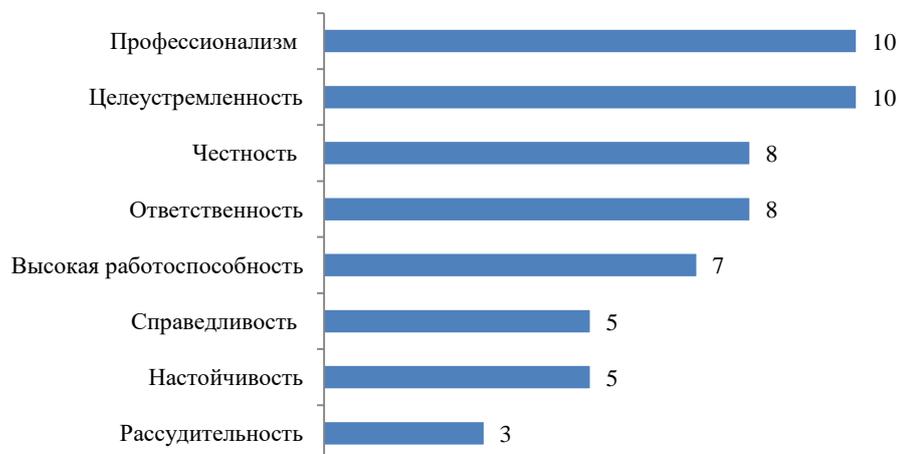


Рис. 8. Ответы на вопрос «Какие качества кажутся Вам наиболее подходящими для мужчины-руководителя?», чел.

Вопрос о качествах, необходимых женщине-лидеру, представляется важным, поэтому картину, полученную в результате опроса, мы дополнили мнением самих женщин-лидеров. Было проинтервьюировано 12 женщин, работающих на руководящих должностях в разных сферах деятельности.

Участницы интервью занимались управлением в малых группах — от 5 до 50 человек, стаж работы колебался в границах от 8 месяцев до 20 лет в сфере торговли, PR, образования, социальной и производственной сферах.

Специфика женского лидерства отражена в комплексе характеристик, свойственных женщинам-руководительницам с точки зрения их самих (рис. 9).

Респондентки отрицают проявление гендерных особенностей в профессиональном творчестве или активности: *в первую очередь лидер — это профессионал; бесполое существо; главное, что у человека есть идеи и он к ним идет*. Однако сами они выделяют такие свои качества, как эмоциональность и эмпатия. Забота о подчиненных — важная черта, которую отмечают многие интервьюируемые. Она включает в себя поддержание организационного и психологического комфорта. *Либо вы решаете конфликты между собой самостоятельно, либо эти конфликты решаю я,* — сказала своим сотрудникам в начале управленческой деятельности одна из опрошенных (представительница сферы торговли). Такая позиция позволила ей и поднять свой авторитет, и снизить количество межличностных конфликтов в коллективе. Представительница образовательной сферы в своем ответе обращает внимание на стойкость характера женщин-лидеров: *женщина хочет доказать самой себе, что она может, она справится...* Женщины в большей степени ожидают трудностей и готовы к ним. Отмечаются и другие положительные черты женского лидерства. Ниже представлены все названные качества (рис. 9).

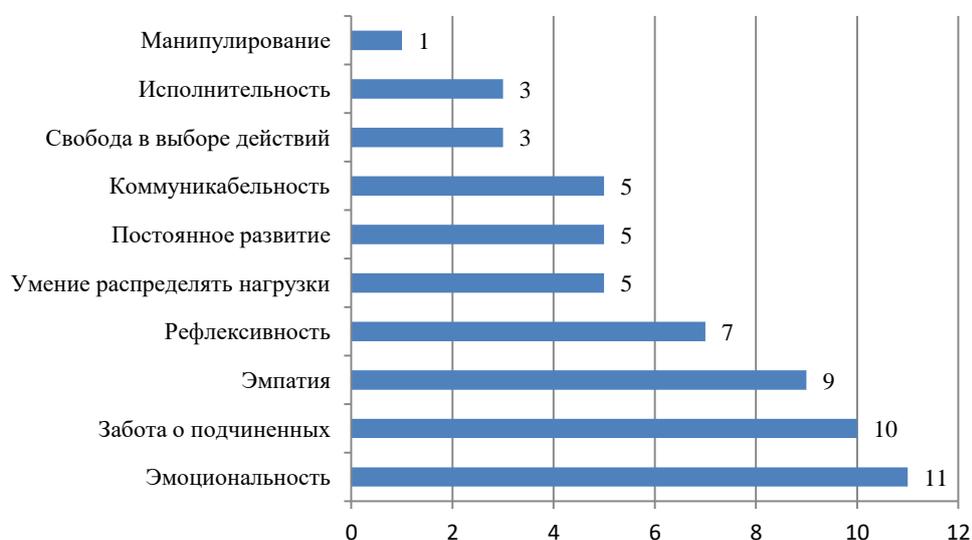


Рис. 9. Положительные качества женщин-лидеров, чел.

Из отрицательных качеств женщин-лидеров всеми интервьюируемыми выделяется отсутствие стрессоустойчивости; интересно, что эмоциональность трактуется испытуемыми и в положительном, и в отрицательном ключе. *Я оберегаю своих сотрудников от посторонних, это моя вотчина, но сама бываю резка,* — признает руководительница отдела в социальной сфере. Материнская забота о команде часто оборачивается гиперответственностью, которая уменьшает возможности развития руководителя. Представительница сферы торговли сообщила: она испытывает сложности с делегированием (обязанностей. — М. П., Н. Ш.), что приводит к тотальной занятости. Руководительница женского коллектива в финансовой сфере обратила внимание, что избыточная забота может снижать эффективность работы команды: *Ты понимающе относишься. Люди привыкают и перестают думать.* Несколько женщин-лидеров, отметили, что их активность порой ограничена чувством ответственности за команду. *Лавировать должна (между интересами сотрудников и требованиями вышестоящего руководства. — М. П., Н. Ш.). Это приводит к тому, что человек останавливается на руководителе среднего звена»* (начальница технической службы). Женская профессиональная субъектность характеризуется высоким уровнем ответственности, который сужает рамки действий женщины-руководительницы и ограничивает ее свободу.

Говоря о тенденциях, все интервьюируемые соглашались с тем, что в профессиональной сфере происходит перераспределение ролей. Однако некоторые утверждают, что *остается определенный набор специальностей, где женщина не справится по физическим показателям.*

Кроме того, в качестве одной из основных причин гендерного дисбаланса в сфере топ-менеджмента несколько опрошенных указали на существование «закрытого мужского клуба»: *это мужчины старше 50, с одинаковым бэкграундом, им проще договориться друг с другом; у них больше связей.* Интерпретируя

подобные утверждения в терминологии М. Грановеттера [Грановеттер, 2009], можно сделать вывод об активном использовании мужчинами своих «сильных слабых связей»; мужчины не стесняются задействовать собственный нетворкинг; женщины в большей степени полагаются на личностные ресурсы, стараясь не дискредитировать свою профессиональную успешность.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Представления женщин об условиях достижения успеха в значительной степени ориентированы на внутренние, личностные ресурсы. Отношение к профессиональной субъектности женщин неоднозначно. Опрошенные признают высокую активность и ответственность женщин-лидеров. Что же касается творчества и свободы как характеристик профессиональной субъектности, то эти качества, по мнению респондентов, ограничены. Возможно, данные ограничения налагают на себя сами женщины, стремясь оправдать ожидания со стороны окружения.

Недоверие общества к лидерской активности женщин и его ожидания «правильного» женского поведения свидетельствуют о слабой институционализации женского лидерства и вынуждают женщин совмещать в своих практиках профессиональные цели и традиционные женские паттерны. Анализ интервью демонстрирует высокую степень сформированности профессиональной субъектности женщин-руководительниц и в то же время избыточную личностную вовлеченность в рабочие процессы, обусловленную традиционными гендерными ролями. Последняя характеристика ограничивает возможности свободно действовать и обращаться за поддержкой.

Социальные изменения последних десятилетий значительно расширили круг жизненных стратегий, доступных женщине. И государство, и общество декларируют, что женщина вольна выбирать профессиональную стезю и ее карьерный рост ограничен лишь ее талантами и трудолюбием. В этих условиях женщина вынуждена балансировать между новыми возможностями и устаревшими, но до сих пор действующими ожиданиями общества относительно традиционных гендерных ролей и поведения, что существенно повышает расход ее личных ресурсов и снижает возможности карьерного продвижения.

#### *Список источников*

- Бендас Т. В. Гендерная психология: учебное пособие. СПб.: Питер, 2006. 431 с.
- Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31—49.
- Исторический феминизм: почему в России так много женщин-руководителей // Forbes Woman. 2018. 15 марта. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/358537-istoricheskiy-feminizm-pochemu-v-rossii-tak-mnogo-zhenshchin-rukovoditeley> (дата обращения: 04.02.2021).
- Персональный состав Правительства. 2021. URL: <http://government.ru/gov/persons> (дата обращения: 04.02.2021).
- Равенство в семье: от деклараций к реальности // Инфографика ВЦИОМ. 2018. 6 марта. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/gender-problems/article/ravenstvo-v-seme-ot-deklaracii-k-realnosti.html> (дата обращения: 05.02.2021).

- Силласте Г. Г. Рынок труда, занятости и профессий как экономическое пространство формирования нового гендерного порядка // *Женщина в российском обществе*. 2020. № 2. С. 38—51.
- Состав Государственной думы седьмого созыва. 2021. URL: <http://duma.gov.ru/duma/deputies/7> (дата обращения: 24.01.2021).
- Состав правительства // Правительство Нижегородской области. 2021. URL: <https://government-nnov.ru/gov/structure> (дата обращения: 02.02.2021).
- Члены Совета Федерации. 2021. URL: <http://council.gov.ru/structure/members/> (дата обращения: 23.01.2021).
- Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. 414 с.
- Эксперты назвали долю женщин во главе российских компаний // *Известия*. 2020. 6 февраля. URL: <https://iz.ru/983996/2020-03-06/eksperty-nazvali-doliu-zhenshchin-vo-glave-rossiiskikh-kompanii> (дата обращения: 05.02.2021).
- Tackling social norms: a game changer for gender inequalities // *Human Development Perspectives*. 2020. URL: [http://hdr.undp.org/sites/default/files/hd\\_perspectives\\_gsni.pdf](http://hdr.undp.org/sites/default/files/hd_perspectives_gsni.pdf) (дата обращения: 05.02.2021).

### References

- Bendas, T. V. (2006) *Gendernaia psikhologiya: Uchebnoe posobie* [Gender psychology: Textbook], St. Petersburg: Piter.
- Chleny Soveta Federatsii* (2021) [Members of the Federation Council], available from <http://council.gov.ru/structure/members> (accessed 23.01.2021).
- Eksperty nazvali doliu zhenshchin vo glave rossiiskikh kompanii (2020) [Experts named the share of women at the head of Russian companies], *Izvestiia*, 6 fevralia, available from <https://iz.ru/983996/2020-03-06/eksperty-nazvali-doliu-zhenshchin-vo-glave-rossiiskikh-kompanii> (accessed 02.02.2021).
- Granovetter, M. (2009) Sila slabykh svyazei [The strength of weak ties], *Ekonomicheskaiia sotsiologiya*, vol. 10, no. 4, pp. 31—49.
- Istoricheskiĭ feminizm: pochemu v Rossii tak mnogo zhenshchin-rukovoditelei (2018) [Historical feminism: why there are so many women leaders in Russia], *Forbes Woman*, 15 marta, available from <https://www.forbes.ru/forbes-woman/358537-istoricheskiy-feminizm-pochemu-v-rossii-tak-mnogo-zhenshchin-rukovoditeley> (accessed 04.02.2021).
- Personal'nyĭ sostav Pravitel'stva* (2021) [Personal composition of the Government], available from <http://government.ru/gov/persons> (accessed 04.02.2021).
- Ravenstvo v sem'e: ot deklaratsii k real'nosti (2021) [Equality in the family: from declaration to reality], *Infografika VTsIOM*, 6 marta, available from <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/gender-problems/article/ravenstvo-v-seme-ot-deklaracii-k-realnosti.html> (accessed 05.02.2021).
- Shtompka, P. (1996) *Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii* [The sociology of social change], Moscow: Aspekt-Press.
- Sillaste, G. G. (2020) Rynok truda, zaniatosti i professii kak ekonomicheskoe prostranstvo formirovaniia novogo gendernogo poriadka [The labor, employment, and occupation market as the economic space of the new gender order], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 38—51.
- Sostav Gosudarstvennoĭ dumy sed'mogo sozyva* (2021) [Composition of the State Duma of the seventh convocation], available from <http://duma.gov.ru/duma/deputies/7> (accessed 24.01.2021).
- Sostav pravitel'stva* (2021) [Composition of the government], *Pravitel'stvo Nizhegorodskoi oblasti*, available from <https://government-nnov.ru/gov/structure> (accessed 02.02.2021).

Tackling social norms: a game changer for gender inequalities (2020), *Human Development Perspectives*, available from [http://hdr.undp.org/sites/default/files/hd\\_perspectives\\_gsni.pdf](http://hdr.undp.org/sites/default/files/hd_perspectives_gsni.pdf) (accessed 05.02.2021).

*Статья поступила в редакцию 05.12.2021; одобрена после рецензирования 09.12.2021; принята к публикации 09.12.2021.*

*The article was submitted 05.12.2021; approved after reviewing 09.12.2021; accepted for publication 09.12.2021.*

#### ***Информация об авторах / Information about the authors***

**Придатченко Мария Викторовна** — кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, [pridatchenko@fsn.unn.ru](mailto:pridatchenko@fsn.unn.ru) (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Branch and Applied Sociology, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

**Шалютина Надежда Владимировна** — кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, [shalyutina@fsn.unn.ru](mailto:shalyutina@fsn.unn.ru) (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Branch and Applied Sociology, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

---

---

*Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 61—71.*

*Woman in Russian Society. 2022. No. 1. P. 61—71.*

Научная статья

УДК 316.32

DOI: 10.21064/WinRS.2022.1.5

**НЕРАВЕНСТВО ПОЛОВ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ:  
ДИСКУРС-АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА  
«КИМ ДЖИЁН, 1982 ГОДА РОЖДЕНИЯ»**

***Ксения Александровна Комарова***

Новосибирский государственный технический университет,  
г. Новосибирск, Россия, hogomi\_noimann@mail.ru

**Аннотация.** Представлен анализ проблемы неравенства полов в Южной Корее на материале художественного фильма «Ким Джиён, 1982 года рождения». В качестве объекта для исследования была выбрана Республика Корея как страна, в которой наблюдается двойная картина: с одной стороны, устоявшиеся традиции в отношениях между полами, с другой — активные попытки внедрить и освоить идеи гендерного равенства. Цель исследования — с помощью дискурс-анализа кинематографического произведения «Ким Джиён, 1982 года рождения» выявить основные проблемы, с которыми сталкивается корейское общество на пути к продвижению гендерного равенства. Рассматривается и осмысливается реакция корейских интернет-пользователей обоих полов на данный художественный фильм. Анализ подобных произведений также призван показать, насколько указанная проблема актуальна для корейского общества.

**Ключевые слова:** Республика Корея, дискурс-анализ, гендер, гендерный дискурс, «Ким Джиён, 1982 года рождения»

**Благодарности:** исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках реализации программы развития Новосибирского государственного технического университета, научный проект № С21-29.

**Для цитирования:** Комарова К. А. Неравенство полов в Южной Корее: дискурс-анализ художественного фильма «Ким Джиён, 1982 года рождения» // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 61—71.

---

---

Original article

**INEQUALITY BETWEEN WOMEN AND MEN IN SOUTH KOREA:  
A DISCOURSE-ANALYSIS OF THE MOTION PICTURE  
“KIM JI-YOUNG: BORN 1982”**

*Kseniya A. Komarova*

Novosibirsk State Technical University,  
Novosibirsk, Russian Federation, horomi\_noimann@mail.ru

**Abstract.** The article presents an analysis of gender inequality in the Republic of Korea. The analysis is based on the film “Kim Ji-young: Born 1982”. In this article, the Republic of Korea has been selected as a purpose of gender inequality study for the reason of duality. On the one hand, a strong tradition of relationship between two genders, and on the other hand, an active attempt to introduce and implement main ideas of gender equality. The purpose of this study is to analyze the main challenges faced by Korean society in advancing gender equality through a cinematographic discourse analysis of film titled “Kim Ji-young: Born 1982”. The paper examines and discusses the reaction of Korean Internet users of both genders to the feature motion picture under consideration. The analysis of such movies is also intended to show the relevance of the problem to Korean society. After the release of the novel about a middle-aged Korean woman named Kim Jiyeon, Korean society split into two parts at war with each other. Those who considered the book to be a literal illustration of the problems of gender inequality in Korean society and those who considered the problems described in the text to be exaggerated. News about the release of the “Kim Ji-young: Born 1982” caused an equally strong reaction of the society. Many anti-feminists called for a boycott of the film and accused the actors of being unprofessional. Such an online response is of concern in the study of gender inequality in Korean society.

**Key words:** Republic of Korea, discourse-analysis, gender, gender-discourse, “Kim Ji-young: Born 1982”

**Acknowledgments:** *the research was carried out with financial support as part of the implementation of Novosibirsk State Technical University development program № C21-29.*

**For citation:** Komarova, K. A. (2022) Neravenstvo polov v Iuzhnoĭ Koree: diskurs-analiz khudozhestvennogo fil'ma “Kim Dzhiĕn, 1982 goda rozhdeniia” [Inequality between women and men in South Korea: a discourse-analysis of the motion picture “Kim Ji-young: Born 1982”], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 1, pp. 61—71.

### **Введение**

В глазах международного сообщества Республика Корея давно приобрела репутацию экономически развитого и процветающего государства, а корейская волна\* привлекает все больше туристов в Страну утренней свежести. Для многих иностранцев притягательный образ Кореи сложился на основе видеоблогов

---

\* Корейская волна, или Халлю, — феномен распространения корейской культуры за пределами Республики Корея. Успех корейской массовой культуры начался с трансляции сериала «Что такое любовь?» на китайском телевидении и затем распространился по всему миру через корейские сериалы, музыку, сферу красоты и т. д.

на хостинге YouTube, постов в социальной сети Instagram и видеороликов в TikTok. Однако главным популяризатором остается корейский кинематограф. Изучая киноиндустрию Южной Кореи, можно выделить не только ее многие культурные особенности, но и социальные проблемы. Одной из них является проблема гендерного неравенства.

В качестве основного кинематографического источника для данного исследования был выбран художественный фильм «Ким Джиён, 1982 года рождения». Выбор этого кинофильма неслучаен: именно одноименный роман (2016) и его экранизация (2019) стали показателем того, что в корейском обществе существуют проблемы в отношениях между полами на разных уровнях — от бытового до профессионального.

Основным методом исследования является дискурс-анализ.

Дискурс-анализ занимает важное место в гуманитарной науке. Систематические исследования гендерного дискурса в социолингвистике начались в 1970-х гг. в результате активизации деятельности женского движения. Во многих работах внимание уделяется не только изучению так называемого «женского» и «мужского» языка, но и рассмотрению гендерно-лингвистических отношений женщин и мужчин, мальчиков и девочек (и индивидуальных, и групповых): как к ним обращаются, что им говорят и, самое важное, что говорится и пишется о них [Wodak, 2015].

В междисциплинарном исследовании дискурс обычно определяется как «речь в совокупности с лингвистическими обстоятельствами: ее событийным контекстом, социокультурными, прагматическими, психологическими характеристиками говорящих» [Матвеева, 2010: 92]. Огромную роль дискурса как источника власти описал в своей лекции в Коллеж де Франс Мишель Фуко, определяя его как то, «ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть» [Фуко, 2007]. Дискурс у Фуко — это важный инструмент не столько нахождения истины через языковые практики, сколько понимания события, идеи как истинных или ложных: «...высказывание должно удовлетворять сложным и нелегким требованиям; прежде чем его можно будет назвать истинным или ложным, оно должно быть, как сказал бы Кангилем, “в истинном”» [там же]. Дискурсы — это особые события, которые происходят вследствие высказывания и вместе с высказыванием. При этом само высказывание будет иметь эффект события, если оно легитимно и считается истинным определенными субъектами. Истинность высказывания устанавливает тот, кто обладает властью, и наоборот, субъектом власти может стать тот, кто присваивает себе право высказывать истину. Таким образом, дискурс формирует лингвистические обстоятельства — события и образ жизни, маркированные как истинные или неистинные в теоретическом дискурсе и массовом сознании. Доминантным дискурсом в обществе может стать как дискурс субъекта политической власти, так и дискурс субъектов массового сознания, создающий события и поддерживающий определенный поведенческий этос. Особое значение при этом имеет то, какое место занимает традиционный дискурс: насколько сильна его власть, способность к выживанию и доминированию в повседневности, а также его легитимность, поддержка со стороны субъектов, обладающих правом контроля над дискурсами (признание их истинными или ложными).

Следуя методологии анализа дискурса как порождающего и легитимирующего события и субъектов, необходимо задать еще один вопрос: какие группы участвуют в продвижении нетрадиционных ценностей, как они воспринимаются и какие события могут инициировать.

Анализируя гендерный дискурс, следует сделать акцент на критике традиционных взаимоотношений мужчины и женщины в теории феминизма и его когнитивных практиках и на продвижении дискурсов гендерного равенства и гендерного равноправия [Шишлова, 2013: 148]. Изучение вопроса о том, каким образом гендерный дискурс внедряется в обществе с сильными традиционными (патриархальными) ценностями, адаптируется и завоевывает пространство повседневной жизни, конкурируя с традиционными отношениями и вытесняя их, особенно важно для стран, в которых переход от традиционного общества к обществу модерна совершился в короткие сроки, — для восточных социокультурных систем (таких как Республика Корея, Китай, Япония). Здесь порядок освоения западных дискурсов и образа жизни подразумевает своеобразное сочетание патриархальных ценностей и ценностей модерна, когда традиция продолжает занимать достаточно прочное место в сознании и образе жизни людей и вместе с тем ценности гендерного равенства внедряются в сознание, изменяя повседневность.

Рассмотрение того, как пол и гендер существуют в дискурсивном информационном пространстве социальных сетей, а также СМИ определенного общества, помогает выявить гендерные проблемы и перспективы их решения. Предметом настоящего исследования стало корейское кинематографическое произведение «Ким Джиён, 1982 года рождения», которое получило широкий отклик в социальных сетях и СМИ.

Кинематографический рассказ о Ким Джиён, которая является образом среднестатистической корейской женщины, вносит свой вклад в осознание проблем и корректирует традиционные ценности. Несмотря на то что принцип гендерного равенства чужд для носителей конфуцианской традиции, под влиянием гендерных дискурсов можно наблюдать синтез изначально западных идей и традиционных ценностей. Важным является также и процесс рефлексии, а именно самоопределения корейской женщины в обществе, что может свидетельствовать о степени принятия/непринятия ценностей гендерного равенства.

### **Гендерный дискурс в Республике Корея: анализ кинематографических произведений**

Появление и развитие дискурса о гендерном равенстве тесно связаны с историей женского движения на корейском полуострове.

Еще во времена колониального господства Японии на корейском полуострове существовали такие организации, как Общество женщин-патриоток Кореи (1919), Объединение женщин-социалисток (1924), Всеобщий женский молодежный союз (1925), Христианская ассоциация молодых девушек (1922) и Общество друзей мугунхва (1927) (перевод Н. Н. Ким). Как отмечает Н. Н. Ким, «освобождение женщин рассматривалось сквозь призму классово-политической борьбы и в условиях национально-освободительной борьбы считалось вторичной задачей; первой целью являлась ликвидация японского колониального режима» [Ким, 2018: 264]. Таким образом, изначально борьба женщин велась за освобождение страны и лишь после — за равные права и улучшение условий жизни корейских женщин.

Если обратиться к показателям индекса гендерного неравенства, можно заметить, что Республика Корея добилась определенных результатов в гендерной политике (по таким показателям, как охрана репродуктивного здоровья, гражданские права и возможности, экономическая активность и возможности на рынке труда). По состоянию на 2019 г. в рейтинге стран мира по уровню гендерного неравенства Южная Корея занимает 11-е место с индексом 0,064 [Рейтинг... по уровню гендерного неравенства, 2021]. Однако в официальном рейтинге 156 государств по индексу гендерного разрыва (2021) Республика Корея стоит на 102-м месте с индексом 0,687 (максимально возможный показатель — 1) [Рейтинг... по уровню гендерного разрыва, 2021]. Для последнего рейтинга значимыми являются такие показатели, как экономическое участие и карьерные возможности, образование, здоровье и выживание, политические права и возможности. На основании этого можно сделать вывод, что, несмотря на хорошие общие показатели, важные для достижения гендерного равенства, в частных случаях Республика Корея еще только стремится к высоким результатам.

Для обеспечения равных возможностей в феврале 1987 г. была образована коалиция женских организаций Союз женщин (Союз женских организаций Кореи — Korean Women's Associations United), которая определила природу женского движения как «освобождение женщин, освобождение труда, освобождение народа» («ёсон хэбань, нодон хэбань, минджу хэбань») [About KWAU, 2016]. Союз видел в решении проблем женщин основной путь к социальным преобразованиям, путь к счастливой Корее. Движение за равные права стало набирать обороты с начала 2000-х гг., когда женщины обратили внимание на проблемы женского участия. О женщинах в политике, а также в других профессиональных сферах заговорили различные информационные ресурсы, привлекая все больше внимания к вопросу гендерного равенства. Несмотря на то что в Южной Корее существует небольшое количество женщин-лидеров, сами корейцы с трудом могут представить их, особенно в сферах, где доминируют мужчины (архитектура, технологии, обеспечение безопасности и мира, финансы) [Oh, 2016]. В настоящее время в корейском обществе до сих пор нет единого мнения о необходимости движения за гендерное равенство, но вопросы положения мужчин и женщин освещаются в СМИ (новостной портал «Naver», новости каналов SBS, KBS), активно обсуждаются в социальных сетях (форумы, YouTube, канал о социальных проблемах Азии «Asian boss», видеоблоги различных корейских авторов), а также затрагиваются в художественных произведениях — книгах, фильмах и телесериалах.

Корейские телесериалы (драмы) и фильмы уже давно стали заметным явлением во всем мире. Выступая частью корейской волны, они собрали множество поклонников в разных странах. Корейские сериалы являются хорошим примером иллюстрации процессов, происходящих в корейском обществе. Изучая репрезентацию женщины в профессиональной сфере через сериалы, Пак Сонён и Ли Джиын пришли к выводу, что, с одной стороны, картина, показанная на экране, отражает ситуацию в Корее, с другой — данные, представленные в ней, в некоторой степени расходятся с официальными данными по трудоустройству. Например, сравнение 10-летних тенденций в стране на основе телевизионных драм и официальной статистики выявило, что показатели фактически не расходятся за исключением постоянно сильно завышенного процента мужчин —

профессиональных управленцев в драмах (45 % на экране, 21 % согласно официальной статистике по состоянию на 2014 г.) [Lee, Park, 2015: 402].

Важно также отметить тот факт, что в корейских сериалах и кинематографических произведениях раскрытие образа женщины нередко связано не с расширением профессиональных возможностей, а с построением личного счастья: высокообразованные и добившиеся продвижения по карьерной лестнице женщины часто изображаются в негативном свете. В начале 2000-х гг. корейские сериалы стремились подчеркнуть роль женщины как матери и жены, несмотря на то что контрастирующие с такими образами женские персонажи, работающие вне дома, также присутствовали на экранах [Kim et al., 2004: 80]. Появление подобных персонажей, ориентированных на учебу и карьеру, дало молодым кореянкам новую модель поведения. С одной стороны, создание семьи теперь не является основной целью жизни женщины: у нее больше возможностей построить карьеру и жить «для себя». С другой — традиционные ценности по-прежнему транслируются с экранов. Подобные противоречия наблюдаются в корейских сериалах до сих пор, особенно в тех, которые имеют сюжеты с сильной любовной линией.

Отражением социальных процессов в Корее, пусть и утрированным, являются не только телесериалы. Художественные фильмы также показывают происходящее в стране и иногда вызывают общественный резонанс. Примером фильма, который разделил население Южной Кореи на два лагеря, стала картина «Ким Джиён, 1982 года рождения». Фильм снят по одноименному роману корейской писательницы Чо Намджу. Уже в 2016 г. с выходом книги в свет корейское антифеминистское общество выступило против романа. Действительно, история об обычной женщине Ким Джиён, ставшей собирательным образом корейских замужних женщин в возрасте 30—40 лет (рожденных в 80-х гг.), оставила после себя множество вопросов. Как уже было сказано, история основана на жизни молодой женщины, которая старается совмещать воспитание ребенка и подработку. Муж главной героини обеспокоен здоровьем жены, так как считает, что у нее серьезные психологические проблемы, послеродовая депрессия.

Именно этот художественный фильм открыл историю поколения корейских женщин широкой публике, включая иностранную аудиторию. Рассмотрим, почему данное произведение вызвало неоднозначную и сильную реакцию.

Во-первых, стоит обратить внимание на акценты, расставленные в произведении. С одной стороны, зрителю показывают бытовую драму — отношения в семье. С другой — место женщины в системе. Контрастно противопоставлены женские персонажи: главная героиня, незамужняя подруга, замужняя, но успешная менеджер компании, матери героини и ее мужа. Для Ким Джиён (главная героиня) жизнь — это неопределенность между правилами, диктуемыми женщиной обществом, и желанием быть собой, именно проживая не только свою жизнь, но и жизнь других женщин, она становится собирательным образом. В фильме показаны разные модели поведения женщины, на примере различных персонажей выделим основные из них:

1) свекровь главной героини полностью принимает и транслирует традиционные ценности;

2) через образ матери главной героини показан конфликт между «надо» и «хочу», в котором традиционные роли дочери, сестры, жены, матери превалируют над желанием развиваться в профессиональном плане;

3) менеджер компании с сильным характером является женой и матерью, открывает собственное дело и посвящает себя работе. Она порицается мужскими персонажами за то, что оставила ребенка на бабушку;

4) подруга главной героини также посвящает себя карьере: «Джиён, ты у нас — лучшая мама. А я так и останусь старой девой» [Ким Джиён... , 2019].

Сама главная героиня в течение всей картины пытается найти себя и свое место. Она — воплощение всех вышеперечисленных образов, которые, появляясь в сюжете, отражаются в ней самой. Главная проблема Ким Джиён — это «одержимость», та болезнь, о которой говорят ее муж и свекровь. Через подобную «одержимость», а именно реплики, характерные не для главной героини, а скорее для других персонажей, была показана основная проблема фильма: героиня хочет быть собой, а приходится быть женщиной. Она женщина ее семьи, собирательный образ родителей, братьев и сестер, мужа и дочери. Естественно, негативной окраски образ женщины не имеет. Автором романа, как и режиссером фильма, раскрывается одна из основных проблем гендерного неравенства — женщина как транслятор традиционных ценностей. Все образы, представленные в картине, являются иллюстрацией к тому, что женщины находятся в слишком жестких рамках традиции. Стоит выделить и тот момент, что проблемы гендерного неравенства также затрагивают корейских мужчин. В фильме показано осуждение «отцовского декрета» как того, что остановит карьеру. Однако подобный прием был использован с целью выделить проблему для всех независимо от гендера: в корейском обществе декрет становится тяжелым шагом для тех, кто пытается построить карьеру. В целом произведение раскрывает проблему профессионального продвижения преимущественно для женщин.

Помимо вышесказанного, в картине затрагивается проблема сексуального харассмента. На работе женщины узнают, что охранник установил скрытые камеры в кабинках туалета, а директор компании не предпринимает никаких мер. Позже зрителю открывается страх героини: вспоминая об этой истории, она остерегается посещать общественные туалеты. Нелинейное повествование также периодически возвращает зрителя в детство и юношество героини, показывая преследование, непонимание со стороны отца, его постоянный акцент на то, что для семьи лучше всего появление сына.

Для корейского общества и роман, и художественный фильм явились катализатором осознания того, что в обществе существует проблема. Но для мужского населения картина стала своеобразным оскорблением. Хотя история рассказана в спокойной манере и основывается на фактах и цифрах, которые приводит автор, многие читатели мужского пола высказались против книги и фильма, утверждая, что автор предвзята и чрезмерно обобщает мужчин как угнетателей [Yoon, 2018]. Однако стоит обратить внимание на образ мужа в картине. Его определенно нельзя назвать угнетателем, но именно его действия, даже под предлогом заботы, показывают непонимание того, насколько серьезна проблема неравенства полов.

Выход фильма по «феминистскому роману» разделил корейское общество. В первые дни проката газета «Чонан ильбо» провела исследование, в котором была проанализирована реакция корейцев разных возрастов на предложение

посетить премьеру фильма. Во-первых, отмечалось, что большинство мужчин отреагировали на фильм резко негативно и ввели в обиход ироничное высказывание «Ким Джиён 82 килограмма» в ответ на то, что фильм изображал мужчин только как угнетателей, а женщин — как жертв [Kim, 2019]. Во-вторых, указывалось, что реакция мужчин в возрасте 20—30 лет на приглашение к просмотру фильма была неоднозначна: от «Я не хочу это смотреть» и «Давай посмотрим что-то другое» до «Идти на этот фильм будет принуждением для меня». Среди респондентов были и такие мужчины, которые не относились к картине негативно как до просмотра, так и после.

Одним из самых показательных факторов здесь является рейтинг кинофильма на сайте «Naver Movies»: в 2021 г. он, по мнению нетизенов (просмотр фильма — необязательное условие для голосования), составлял 6,68 из 10 (50 558 проголосовавших), а рейтинг непосредственно зрителей — 9,18 из 10 (2203 проголосовавших) [82nyeonsaeng Gim Jiyeong, 2019]. Можно предположить, что именно роман, по которому был снят фильм, стал причиной предвзятого отношения к фильму многих интернет-пользователей. Об этом говорят зрительницы в комментариях к фильму: *Мне бы хотелось, чтобы оценивать фильм могли только те, кто посмотрел его. Этот фильм не издевается над мужчиной, а показывает жизнь женщины, поэтому мне непонятны комментарии мужчин, которые негативно отзываются по поводу женщин; Люди, которые читали книгу и смотрели фильм, знают, что тут нет несправедливости; Вас действительно пугает то, что у девушек есть голос, да?* [ibid.].

По интернет-блогам корейских пользовательниц можно понять, что фильм не просто вызвал эмоции, в нем корейские женщины увидели себя: *Потеряв себя я стала лишь чьей-то женой, чьей-то матерью* [Goda, 2019]; *Я желаю счастья всем Ким Джиён в нашей стране. Мы должны держаться, пусть и с этой болью, которую проживаем* [Insam, 2019].

Несмотря на то что основная аудитория фильма — женщины, среди обзоров можно найти и комментарии мужчин, которые положительно высказались о картине, призывая отбросить предубеждения, например: *Мне было сложно решиться на просмотр фильма... но после просмотра у меня возник вопрос: «А действительно ли я понимаю женщин?»* [Viance, 2019]. Однако большинство мужских комментариев выставляют художественный фильм и женское движение в негативном свете: *Это шутка? Основой феминистского движения женщин в Корее является принесение мужчин в жертву в угоду маски равенства; Среди хороших людей одна недовольная Ким Джиён, ха; С корейскими девушками можно больше не встречаться. Благодаря корейской волне много иностранных девушек, которые лучше* [Fm Korea, 2019].

### Заключение

Проанализировав корейские социальные сети, блоги и веб-сайты, можно заметить: несмотря на то что большинство корейских зрителей, посмотревших «Ким Джиён, 1982 года рождения», оставляют положительные отзывы, предубеждения о картине оказались одним из самых влиятельных факторов, вызывающих негативное отношение к обоим полам. В Сети продолжают ходить уничижительные прозвища «девушка кимчи / девушка суши» для женщин

и «корейские насекомые» («ханнамчун») для мужчин. Таким образом, можно сказать, что поводом для войны в Сети стал не столько сюжет картины, сколько сама экранизация феминистского романа.

Исследование художественных произведений показывает, что в корейском обществе существуют проблемы гендерного неравенства: насилие в отношении женщин, их слабое участие в профессиональной и общественной деятельности, харассмент, трудности самоопределения. Традиционные ценности, которые активно транслировались через телесериалы в начале 2000-х гг., отходят на второй план, однако образ «правильной» девушки до сих пор остается на экранах. Фильм «Ким Джиён, 1982 года рождения» определенно стал тем произведением, которое заставило корейское общество (не только женские, феминистские и антифеминистские организации, но и широкую аудиторию) возмутиться и понять: проблемы существуют и их необходимо решать.

#### Список источников

- Ким Джиён, 1982 года рождения: драма по мотивам романа «Ким Джиён, рожденная в 1982 году» Чо Намджу / сценарий и постановка: Ю Ёна, Чо Намджу; оператор Ли Сондэ; композитор Ким Тхэсон; в главных ролях: Чон Юми, Кон Ю, Ким Мигён. 1 файл: 01:58:00. 2019. URL: <https://dorama.club/15785-kim-dzhi-yon-1982-goda-rozhdeniya.html> (дата обращения: 20.08.2021).
- Ким Н. Н. Эволюция женского общественного движения в Республике Корея // КНДР и РК — 70 лет. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2018. С. 263—276.
- Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.
- Рейтинг стран мира по уровню гендерного неравенства // Гуманитарный портал. 2021. 3 марта. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/gender-inequality-index> (дата обращения: 11.09.2021).
- Рейтинг стран мира по уровню гендерного разрыва // Гуманитарный портал. 2021. 20 апреля. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-gender-gap-index> (дата обращения: 11.09.2021).
- Фуко М. Порядок дискурса: инаугурационная лекция в Коллеж де Франс, прочитанная 2 декабря 1970 года // Центр гуманитарных технологий. 2007. 9 апреля. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/777> (дата обращения: 10.09.2021).
- Шишлова Е. Э. Гендер как инновационный научный и философский дискурс // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1. С. 148—152.
- About KWAU // Korean Women's Associations Unated. 2016. URL: <http://women21.or.kr/kwau> (дата обращения: 11.09.2021).
- Daehanmingugui pyeongbeomhan wikingmamui #82nyeonsaen Kim Jiyeong kwallamhugi! [Отзыв о просмотре «Ким Джиён, 1982 года рождения» от простого корейского служащего] // Naver blog. 2019. 24 October. URL: <https://blog.naver.com/sincethe1124/221686878032> (дата обращения: 22.08.2021).
- Fm Korea: форум. 2019. URL: <https://www.fmkorea.com/2309124558> (дата обращения: 22.08.2021).
- Insam. Gon Yu Jong Yu Mi juyeong yeonghwa 82 Nyeonsaeng Gim Jiyeong [Кинофильм «Ким Джиён, 1982 года рождения» с Гон Ю и Чон Ю Ми в главных ролях] // Naver blog. 2019. 14 November. URL: <https://blog.naver.com/in3hong3/221707575070> (дата обращения: 22.08.2021).

- Kim J. Namchin ege «82 Nyeonsaeng Gim Jiyeong poja» murotta... baneung? [Какая реакция будет у твоего парня, если пригласить его на просмотр фильма «Ким Джиён, 1982 года рождения»?] // Korea JoonAng Daily. 2019. 26 October. URL: <https://www.joongang.co.kr/article/23615696#home> (дата обращения: 22.08.2021).
- Kim S., Jang H., Jung H. A study on TV viewers' attitudes on receiving female images reflected in soap operas // KABS. 2004. Vol. 18, № 1. P. 76—115.
- Lee J., Park S. Women's employment and professional empowerment in South Korean dramas: a 10-year analysis // Asian Journal of Communication. 2015. Vol. 25, № 4. P. 393—407.
- Oh K. Women's political participation in South Korea and activist organization // Asian Journal of Women Studies. 2016. Vol. 22, № 3. P. 338—345.
- 82nyeonsaeng Gim Jiyeong // Naver Movie. 2019. URL: <https://movie.naver.com/movie/bi/mi/basic.naver?code=179482#> (дата обращения: 22.08.2021).
- Viance. I sidyaeu modeun bubudeuluel wihan yeonghwa [«Ким Джиён, 1982 года рождения» — кино обо всех браках Кореи] // Naver blog. 2019. URL: <https://steemit.com/aaa/@viance/82> (дата обращения: 22.08.2021).
- Wodak R. Gender and language: cultural concerns // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2nd ed. Amsterdam: Elsevier, 2015. Vol. 9. P. 698—703.
- Yoon S. Stars suffer due to book backlash: due to its feminist themes, «Kim Ji-Young: Born 1982» has become a source of controversy for some // Korea JoonAng Daily. 2018. 16 September. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2018/09/16/etc/Stars-suffer-due-to-book-backlash-Due-to-its-feminist-themes-Kim-Ji-Young-Born-1982-has-become-a-source-of-controversy-for-some/3053281.html> (дата обращения: 22.08.2021).

### References

- About KWAW (2016), *Korean Women's Associations Unated*, available from <http://women21.or.kr/kwau> (accessed 11.09.2021).
- Daehanmingugui pyeongbeomhan wikingmamui #82nyeonsaen Kim Jiyeong kwallamhugi! (2019) [Outlook after watching #Kim Ji-young: Born 1982 from basic Korean worker], *Naver blog*, 24 October, available from <https://blog.naver.com/sincethe1124/221686878032> (accessed 22.08.2021).
- Fm Korea*: Forum (2019), available from <https://www.fmkorea.com/2309124558> (accessed 22.08.2021).
- Fuko, M. (2007) Poriadok diskursa: Inauguratsionnaia leksiia v Kollezh de Frans, prochitannaia 2 dekabria 1970 goda [The order of discourse], *Tsentr gumanitarnykh tekhnologii*, 9 aprelia, available from <https://gtmarket.ru/library/articles/777> (accessed 10.09.2021).
- Insam. Gon Yu Jong Yu Mi juyeong yeonghwa 82 Nyeonsaeng Gim Jiyeong (2019) [The motion picture “Kim Jiyoung: Born 1982” starring Gon Yu and Jong Yu Mi], *Naver blog*, 14 November, available from <https://blog.naver.com/in3hong3/221707575070> (accessed 22.08.2021).
- Kim Dzhiён, 1982 goda rozhdeniia*: Drama po motivam romana “Kim Dzhiён, rozhdeniia v 1982 godu” Cho Namdzhu (2019) [Kim Ji-young: Born 1982: drama based on the novel “Kim Ji-young, born in 1982” by Cho Namju], available from <https://doramyclub/15785-kim-dzhi-yon-1982-goda-rozhdeniya.html> (accessed 20.08.2021).
- Kim, J. (2019) Namchin ege “82 Nyeonsaeng Gim Jiyeong poja” murotta... baneung? [If you ask your boyfriend to watch “Kim Ji-young: Born 1982”... his reaction?], *Korea JoonAng Daily*, 26 October, available from <https://www.joongang.co.kr/article/23615696#home> (accessed 22.08.2021).

- Kim, N. N. (2018) *Evolutsiia zhenskogo obshchestvennogo dvizheniia v Respublike Koreia* [Evolution of the women's movement in the republic of Korea], *KNDR i RK — 70 let*, Moscow: Institut Dal'nego Vostoka Rossiiskoi akademii nauk, pp. 263—276.
- Kim, S., Jang, H., Jung, H. (2004) A study on TV viewers' attitudes on receiving female images reflected in soap operas, *KABS*, vol. 18, no. 1, pp. 76—115.
- Lee, J, Park, S. (2015) Women's employment and professional empowerment in South Korean dramas: a 10-year analysis, *Asian Journal of Communication*, vol. 25, no. 4, pp. 393—407.
- Matveeva, T. V. (2010) *Polnyi slovar' lingvisticheskikh terminov* [The full dictionary of linguistic terms], Rostov-on-Don: Feniks.
- Oh, K. (2016) Women's political participation in South Korea and activist organization, *Asian Journal of Women Studies*, vol. 22, no. 3, pp. 338—345.
- 82nyeonsaeng Gim Jiyeong (2019), *Naver Movie*, available from <https://movie.naver.com/movie/bi/mi/basic.naver?code=179482#> (accessed 22.08.2021).
- Reiting stran mira po urovniu gendernogo neravenstva (2021) [Gender Inequality Index], *Gumanitarnyi portal*, 3 marta, available from <https://gtmarket.ru/ratings/gender-inequality-index#k> (accessed 11.09.2021).
- Reiting stran mira po urovniu gendernogo razryva (2021) [Global Gender Gap Index], *Gumanitarnyi portal*, 20 apreliia, available from <https://gtmarket.ru/ratings/global-gender-gap-index> (accessed 11.09.2021).
- Shishlova, E. E. (2013) Gender kak innovatsionnyi nauchnyi i filosofskii diskurs [Gender as an innovative scientific and philosophical discourse], *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 1, pp. 148—152.
- Viance. I sidyaеui modeun bubudeuluel wihan yeonghwa (2019) [“Kim Jiyoung: Born 1982” the movie about all of married couple of this century], *Naver blog*, available from <https://steemit.com/aaa/@viance/82> (accessed 22.08.2021).
- Wodak, R. (2015) Gender and language: cultural concerns, *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, 2nd ed., vol. 9, Amsterdam: Elsevier, pp. 698—703.
- Yoon, S. (2018) Stars suffer due to book backlash: Due to its feminist themes, “Kim Ji-Young: Born 1982” has become a source of controversy for some, *Korea JoonAng Daily*, 16 September, available from <https://koreajoongangdaily.joins.com/2018/09/16/etc/Stars-suffer-due-to-book-backlash-Due-to-its-feminist-themes-Kim-Ji-Young-Born-1982-has-become-a-source-of-controversy-for-some/3053281.html> (accessed 22.08.2021).

*Статья поступила в редакцию 17.09.2021; одобрена после рецензирования 10.10.2021; принята к публикации 10.01.2022.*

*The article was submitted 17.09.2021; approved after reviewing 10.10.2021; accepted for publication 10.01.2022.*

#### **Информация об авторе / Information about the author**

**Комарова Ксения Александровна** — аспирантка кафедры международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия, horomi\_noimann@mail.ru (Post-graduate student at the Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation).

---

---

*Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 72—86.*

*Woman in Russian Society. 2022. No. 1. P. 72—86.*

Научная статья

УДК 316.334.4

DOI: 10.21064/WinRS.2022.1.6

## ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА НА ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ: ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Антон Павлович Казун*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва),  
г. Москва, Россия, akazun@hse.ru

**Аннотация.** Пандемия коронавируса, а также введенные для борьбы с ней меры по самоизоляции граждан привели к актуализации обсуждений, связанных с проблемой домашнего насилия. В статье анализируются результаты международных исследований о связи пандемии коронавируса и насилия между интимными партнерами. Внимание фокусируется на трех основных вопросах: какими методами могут быть измерены масштабы данной проблемы, какие результаты дает использование этих методов и каковы причины обнаруженных эффектов? Международные исследования позволяют сделать вывод о том, что локдаун, направленный на борьбу с пандемией, приводит к росту домашнего насилия. Однако масштабы данного явления сильно различаются как в разных странах, так и в городах и регионах одной страны. Гетерогенность полученных эффектов указывает на влияние большого количества социально-экономических, политических и культурных факторов, которые требуют изучения.

**Ключевые слова:** коронавирус, пандемия, домашнее насилие, гендер, локдаун, самоизоляция

**Благодарности:** исследование выполнено в рамках реализации программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)», проект № 21-04-029 «Безопасность и виктимность населения России: социальные, экономические и культурные факторы» (научно-учебная группа «Социально-правовые исследования»).

**Для цитирования:** Казун А. П. Влияние пандемии коронавируса на домашнее насилие: обзор международных исследований // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 72—86.

---

Original article

## THE IMPACT OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC ON DOMESTIC VIOLENCE: REVIEW OF INTERNATIONAL RESEARCH

*Anton P. Kazun*

National Research University “Higher School of Economics” (Moscow),  
Moscow, Russian Federation, akazun@hse.ru

**Abstract.** The coronavirus pandemic and the self-isolation measures introduced to combat it have led to the actualization of discussions related to the problem of domestic violence. In this article, we analyze international research results on the impact of the coronavirus pandemic on intimate partner violence. The review focuses on three main issues. First, we consider what methods can be used to measure the scale of the problem and draw conclusions about the advantages and disadvantages of each method. Second, we analyze estimates of the scale of the increase in domestic violence due to the pandemic, which can be obtained using various methods. In general, international studies suggest that a lockdown aimed at combating the pandemic leads to an increase in domestic violence. However, the scale of this effect varies significantly between cities and regions of the same country and between different countries. The heterogeneity of the obtained effects indicates the influence of many socio-economic, political, and cultural factors that require additional research. Third, we review the factors explaining the increase in domestic violence: isolation due to lockdown, job loss and economic hardship, psychological problems, etc.

**Key words:** coronavirus, pandemic, domestic violence, gender, lockdown, self-isolation

**Acknowledgments:** the reported study was prepared within the framework of the Program “Scientific Foundation of the National Research University “Higher School of Economics” (HSE)”, the research project no. 21-04-029 “Security and victimization of the Russian population: social, economic and cultural factors” (Scientific and Educational Group “Social and Legal Studies”).

**For citation:** Kazun, A. P. (2022) Vliianie pandemii koronavirusa na domashnee nasilie: obzor mezhdunarodnykh issledovaniĭ [The impact of the coronavirus pandemic on domestic violence: review of international research], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 1, pp. 72—86.

### Введение

Рост домашнего насилия является одним из самых серьезных социальных последствий пандемии [Nicola et al., 2020]. В апреле 2020 г. структура ООН по вопросам гендерного равенства и защиты прав женщин (UN Women) выпустила отчет о влиянии пандемии коронавируса на насилие в отношении женщин [COVID-19 and Ending Violence Against Women and Girls, 2020]. Согласно данному отчету, за предыдущие 12 месяцев 243 млн женщин и девушек в возрасте от 15 до 49 лет столкнулись с насилием со стороны партнера. На момент выхода

доклада пандемия еще не успела внести существенный вклад в эти цифры, однако отчет фиксировал, что локдаун в Аргентине, Франции, на Кипре, в Сингапуре и ряде других стран уже привел к существенному росту числа обращений в полицию (в диапазоне от 25 до 33 %). Данная проблема получила название «теневой пандемии», поскольку имела, во-первых, большой масштаб, а во-вторых, высокий уровень латентности. За этим докладом последовала масса исследований по всему миру, целью которых была оценка масштабов «теневой пандемии», а также анализ ее причин.

На начало октября 2021 г. в международной базе данных научных цитирований Scopus насчитывалось более 650 научных работ, посвященных влиянию пандемии коронавируса на уровень домашнего насилия. В этой статье мы предлагаем обзор ключевых результатов международных исследований о связи пандемии коронавируса и домашнего насилия. В обзоре мы фокусируем внимание на трех основных вопросах. Во-первых, мы проанализируем и сравним разные подходы к измерению влияния эффектов пандемии и локдауна на домашнее насилие. Во-вторых, соотнесем оценки масштабов «теневой пандемии», полученные разными методами. В-третьих, рассмотрим причины, которые могут объяснить обнаруженные эффекты, а также их вариацию.

Данная статья структурирована следующим образом. Сначала мы кратко раскроем понятие «домашнее насилие» и проведем его операционализацию. Далее опишем алгоритм поиска и анализа зарубежных исследований. После этого мы перейдем к обсуждению способов измерения масштабов «теневой пандемии», а также основных результатов, которые получены для разных стран. Затем рассмотрим основные причины, выделенные в исследованиях для объяснения обнаруженных эффектов. Наконец, мы обсудим полученные результаты и сделаем выводы.

### **Определение понятия «домашнее насилие»**

Под домашним насилием (англоязычный термин «domestic violence») в широком смысле, как правило, понимаются различные формы насилия, возникающие внутри домохозяйств между интимными партнерами, а также насилие по отношению к детям и людям старшего возраста [Boserup et al., 2020]. Однако гораздо чаще термин «домашнее насилие» используется в узком смысле, как синоним насилия между интимными партнерами (англоязычный термин «intimate partner violence»), вопрос же о насилии по отношению к детям и в особенности к людям старшего возраста часто остается за скобками и анализируется отдельно. В исследованиях, посвященных влиянию пандемии на домашнее насилие, обычно внимание фокусируется на насилии между партнерами. По этой причине в настоящем обзоре мы преимущественно будем говорить о домашнем насилии в узком смысле слова. Косвенно мы затронем проблему насилия над детьми, не претендуя на комплексность анализа вопроса, а также оставим в стороне проблему насилия по отношению к людям старшего возраста, поскольку она является предметом отдельного разговора.

Исследователи выделяют разные формы домашнего насилия: физическое, сексуальное, финансовое, психологическое, насилие, выраженное в избыточном

контроле [Ali et al., 2021]. Данные проблемы не имеют социально-демографических и культурных границ, но в то же время их масштаб сильно связан с этими параметрами. Так, домашнее насилие в отношении женщин существенно более распространено, чем насилие в отношении мужчин [ibid.: 191; MacGregor et al., 2019]. Существует и большое количество менее однозначных параметров (например, связанных с размером города, культурой страны и пр.), которые также могут влиять на масштабы и характеристики домашнего насилия [Alhabib et al., 2010]. Возможность измерить уровень того или иного типа домашнего насилия напрямую связана с выбираемыми инструментами анализа. Например, количество обращений в полицию отражает прежде всего уровень физического или сексуального насилия, а опросы общественного мнения могут также рассказать о масштабах психологического насилия. По этой причине в настоящем обзоре мы будем говорить о масштабах домашнего насилия между партнерами только в привязке к тому или иному инструменту анализа.

### Процесс подбора релевантных исследований

Настоящий обзор основан на анализе научных статей, опубликованных в период с апреля 2020 г. по начало октября 2021 г. и проиндексированных в базе данных научных цитирований Scopus. Изначальный поисковый запрос<sup>1</sup> строился на основе ключевых слов о домашнем насилии в сочетании с упоминанием коронавируса (аналогичный подход использовался в ряде работ; см., напр.: [Piqueo, Jennings et al., 2021]). По итогам этой работы на 10 октября 2021 г. было обнаружено 690 текстов. В них входило немало исследований, которые затрагивают тему домашнего насилия лишь косвенно (например, внимание фокусируется на проблеме суицидов или социально-экономических последствий пандемии в целом), кроме того, большое количество текстов, вышедших в первые месяцы рассматриваемого периода, написаны в жанре «исследовательской записки» и не содержат эмпирических исследований. Некоторые проиндексированные исследования были не доступны для анализа, поскольку они написаны не на английском языке. Для целей настоящего обзора были отобраны и проанализированы тексты более 100 научных статей из данной выборки. Из них в тексте обзора прямо цитируются 30 наиболее релевантных эмпирических исследований, в центре внимания которых вопрос о взаимосвязи пандемии и домашнего насилия<sup>2</sup>. При отборе данных статей мы учитывали статус журнала и уровень цитирования, который имеет статья (несмотря на очень короткий период анализа, некоторые работы уже успели получить сотни цитирований). В настоящем обзоре мы ориентируемся только на опубликованные научные исследования, оставляя за рамками анализа рукописи, размещенные в открытых базах препринтов, но не вышедшие в свет.

<sup>1</sup> Синтаксис поискового запроса в Scopus выглядел следующим образом: (TITLE-ABS-KEY(“domestic violence” OR “intimate partner violence” OR “violence against women”) AND TITLE-ABS-KEY(“COVID-19” OR “SARS-CoV-2” OR “coronavirus” OR “2019-nCoV”).

<sup>2</sup> Остальные работы не цитируются в статье, поскольку не вносят значимой дополнительной информации. Впрочем, многие из них учитывались в процитированных работах, предлагающих систематический анализ и метаанализ по данной проблематике.

### **Масштабы «теневого пандемии» и способы ее измерения**

На основе проанализированных исследований можно сделать два вывода о влиянии пандемии на домашнее насилие. Во-первых, в целом в научной литературе существует консенсус о том, что локдаун, связанный с закрытием школ и самоизоляцией граждан, приводит к всплеску домашнего насилия. Например, систематический обзор, выполненный на основе 32 различных исследований, позволяет сделать вывод об отсутствии у этой проблемы географических и культурных границ: из-за пандемии с ростом насилия между интимными партнерами столкнулись страны в самых разных частях света — Америке, Европе, Азии и Африке [Kourti et al., 2021]. Во-вторых, несмотря на этот консенсус, не существует однозначного ответа на вопрос о масштабе данного эффекта, поскольку он сильно варьируется в зависимости от методики расчета, а также от страны или региона, для которых производится анализ.

В работе [Piquero, Jennings et al., 2021] был проведен метаанализ доступных эмпирических исследований о влиянии локдауна на домашнее насилие. Всего авторами было обнаружено более 150 эмпирических работ, но всем критериям для выполнения данного анализа соответствовали лишь 18 из них. Рассчитанный по итогу анализа средний эффект позволяет утверждать, что введение локдауна увеличивает домашнее насилие. Однако масштабы эффекта сильно варьируются: для разных исследований и различных индикаторов, включенных в анализ, диапазон эффекта составлял от  $-77\%$  (т. е. число зарегистрированных случаев домашнего насилия сокращалось) до  $+75\%$  (число зарегистрированных случаев росло). Если посчитать среднее значение для всех проанализированных индикаторов, то рост домашнего насилия из-за локдауна оказывается на уровне близком к  $8\%$ , впрочем, при таком разбросе значений эту цифру сложно считать некоторым стандартом.

Для ответа на вопрос о причинах данной гетерогенности и реальных масштабах «теневого пандемии» ключевым является выбор точной методики измерения. Ниже мы рассмотрим наиболее часто используемые инструменты анализа.

**Статистика обращений в полицию.** Одним из наиболее надежных и широкодоступных методов оценки влияния локдауна на уровень домашнего насилия является количество обращений в полицию, а также другие индикаторы преступлений, связанных с домашним насилием (аресты, убийства и пр.). Например, анализ полицейских отчетов из 200 крупнейших городов США показывает, что за период с 13 марта по 24 мая 2020 г. уровень домашнего насилия в США вырос на  $5,3\%$  [Hsu, Henke, 2021]. В другом исследовании авторы пришли к выводу о  $7,5\%$ -м росте в США телефонных обращений по поводу домашнего насилия [Leslie, Wilson, 2020]. Нужно отметить, что даже в этой стране от штата к штату наблюдается существенная вариация в оценках: так, в Нью-Йорке рост составил  $10\%$ , в Техасе  $18\%$ , а в Алабаме  $27\%$  [Boserup et al., 2020]. Аналогичные результаты были получены и для других стран мира. Например, по данным исследования, в Перу рост числа обращений в полицию за апрель — июль 2020 г. составил  $48\%$  [Agüero, 2021].

Важно указать на то, что статистика обращений с жалобами на насилие со стороны интимного партнера резко контрастирует со статистикой о насилии в отношении детей, которая в ряде стран после локдауна продемонстрировала

сильный нисходящий тренд. Так, число заявлений в полицию о насилии над детьми в Чикаго с марта по май 2021 г. сократилось на 67 % [McLay, 2021], а в Великобритании на 41 % [Kourti et al., 2021]. Впрочем, приписывать эти цифры некоторым позитивным трансформациям преждевременно. Так, опрос сотрудников, предоставляющих убежище жертвам домашнего насилия в Норвегии, показал: большинство из них обеспокоены тем, что из-за пандемии стало «слишком тихо» и о насилии в отношении детей перестали говорить [Øverlien, 2020]. Одной из причин, объясняющих резкое снижение официальной статистики о насилии над детьми, является невозможность последних пожаловаться ввиду закрытия школ [Kourti et al., 2021]. Именно школьные учителя обычно становились теми, кто замечал проблемы ребенка и сообщал о них в социальные службы или полицию. Косвенное подтверждение данной гипотезе дает исследование, согласно которому за месяц после введения локдауна в Великобритании произошел резкий рост числа тяжелых травм головы у детей [Sidpra et al., 2021]. Подобные травмы сложно скрыть, поэтому они являются возможным косвенным индикатором роста насилия в семьях. Таким образом, масштабы «теневого пандемии» в отношении детей могут быть еще более недооценены, чем проблема насилия между интимными партнерами.

Полицейские отчеты о домашнем насилии, как и любой другой инструмент, не являются совершенной мерой оценки масштабов «теневого пандемии» как минимум по двум причинам [Leslie, Wilson, 2020]. Во-первых, не все случаи домашнего насилия заканчиваются обращениями в полицию. Например, для США доля таких латентных случаев оценивается не менее чем в 50 % [Nix, Richards, 2021: 6]. Локдаун осложняет данную ситуацию. С одной стороны, наличие абьюзера в квартире сильно сокращает возможности пожаловаться на него. С другой стороны, постоянное присутствие соседей в квартирах повышает вероятность обращений с жалобами со стороны «третьих лиц». Во-вторых, не все заявления в полицию о насилии впоследствии находят подтверждение, иногда они являются намеренным оговором партнера. В этой связи можно анализировать более «явные» индикаторы нарушений, например аресты [Piquero A., Piquero N., Kurland, 2021] или случаи убийств в результате домашнего насилия. Проблема этих «реальных» индикаторов в том, что они ничего не могут сказать о латентной составляющей проблемы.

В исследовании [Nix, Richards, 2021] указывается также на третий недостаток полицейской статистики: прямое сравнение числа обращений в полицию в разных странах и регионах может оказаться некорректным ввиду того, что различаются сами практики регистрации того или иного дела как относящегося к домашнему насилию или не относящегося.

**Опросы общественного мнения.** Второй «прямой» способ измерения масштабов проблемы домашнего насилия — это данные опросов. Первые опросы о влиянии пандемии на домашнее насилие появились достаточно быстро, но качество собранных данных позволяло говорить скорее об общих трендах, чем о масштабах. Например, в ряде исследований авторы основываются на данных, собранных после начала пандемии, но не приводят информации о ситуации, предшествующей пандемии (т. е. отсутствует база для сравнения) (см., напр.: [Adibelli et al., 2021; Gama et al., 2020; Sharma, Borah, 2020]). Кроме того, некоторые работы

базируются на очень небольших и нерепрезентативных выборках, а потому способны разве что проиллюстрировать проблему, но не оценить ее масштаб (см., напр.: [Soron et al., 2021; Yari et al., 2021]). Различия в качестве опросных данных могли стать одной из причин высокого разброса полученных оценок масштабов домашнего насилия.

Однако существуют и примеры качественно выполненных репрезентативных национальных опросов о влиянии пандемии на домашнее насилие. Например, в статье [Every-Palmer et al., 2020] через репрезентативный опрос анализировались последствия пандемии для Новой Зеландии. Сроки проведения опроса к тому же позволили разделить выборку на тех, кто был опрошен до локдауна и после его введения, что давало возможность оценить его эффект. По данным этого исследования, 9.1 % респондентов ответили, что испытали на себе проблему домашнего насилия после введения локдауна, еще 3.9 % стали свидетелями такого насилия в своих семьях. В работе [Beland et al., 2020] на материалах репрезентативного опроса жителей Канады показывается, что 8 % населения сильно или очень сильно обеспокоены проблемой домашнего насилия в семье в контексте пандемии. Из них женщины составляют примерно 2/3.

Стоит отметить, что прямые вопросы об опыте домашнего насилия являются очень чувствительными, из-за этого следует ожидать высокую долю неответов, а также замалчивание проблемы. Частично снизить чувствительность можно проведением опросных экспериментов. В таких экспериментах респонденты делятся на две группы [Porter et al., 2021]. Каждой группе предлагается некоторое количество утверждений, и нужно ответить, с каким числом высказываний они согласны, не называя при этом конкретных тезисов. В экспериментальной группе к стандартному списку добавляется высказывание о пережитом физическом насилии со стороны члена семьи. Такая формулировка вопроса позволяет значительно снизить чувствительность, поскольку вместо прямого признания проблемы насилия респонденту нужно лишь назвать число. Исследователям же достаточно сравнить среднее количество выбранных вариантов в контрольной и экспериментальной группе, чтобы оценить масштабы проблемы. Результаты опросного эксперимента в Перу показали, что 8.3 % выборки испытывали на себе рост физического насилия в период локдауна [ibid.]. При этом риск оказался существенно выше для тех, кто ранее уже подвергался домашнему насилию (рост на 23.6 % для данной группы). Интересно, что приведенный показатель резко контрастирует с упомянутым ранее ростом числа обращений в полицию Перу на 48 % [Agüero, 2021]; это лишь подчеркивает сложности, с которыми сталкиваются исследователи при определении реального масштаба проблемы<sup>3</sup>.

**Другие методы.** Существуют также косвенные методы оценки трендов домашнего насилия, опирающиеся на открытые данные. В работе [Berniell, Facchini, 2021] анализируется количество связанных с домашним насилием

<sup>3</sup> Данное несоответствие можно объяснить не только достоинствами или недостатками того или иного метода. Возможно, что локдаун в Перу привел к некоторому снижению уровня латентности домашнего насилия и более высокой готовности обращаться в полицию из-за недоступности других способов решения проблемы. В этой связи даже рост масштаба домашнего насилия на 8.3 % для всей страны может одновременно означать увеличение числа звонков в полицию на 48 %.

поисковых запросов после локдауна в 11 странах: США, 5 странах Европы и 5 странах Латинской Америки, крупнейших по размеру ВВП. В среднем введение локдауна приводит к 30 %-му росту числа запросов о домашнем насилии, достигая пика на 5-ю неделю после введения ограничительных мер. При этом данный эффект оказался более чем в два раза выше для Европы, чем для Латинской Америки. Последнее может объясняться тем фактом, что в Европе локдаун соблюдался более строго и это приводило к более сильной реальной изоляции домохозяйств от внешнего мира. Метод анализа интернет-запросов также успешно используется для оценки других психологических последствий пандемии, таких как депрессия и мысли о суициде [Knipe et al., 2021].

Кроме того, в исследованиях анализировались публикации в СМИ о проблеме домашнего насилия [Krishnakumar, Verma, 2021; Maji et al., 2021]. Результаты мало могут сказать о реальных масштабах домашнего насилия, однако позволяют оценивать качество публичной дискуссии о данной проблеме, а также мнения о ней экспертов, представителей общественных и государственных организаций.

### **Механизмы влияния пандемии на домашнее насилие**

Другой ключевой исследовательский вопрос связан с анализом причин, из-за которых пандемия коронавируса могла привести к росту домашнего насилия.

Основной конвенционально признанной причиной роста домашнего насилия является локдаун, т. е. закрытие школ, общественных заведений, ограничения работы транспорта, а главное — самоизоляция граждан в местах постоянного проживания. Исследователи обнаружили, что локдаун в целом снижает поток заявлений в полицию о преступлениях, но повышает долю обращений, связанных с домашним насилием [Bullinger et al., 2020].

В исследовании [Sharma, Borah, 2020] выделяются три причины роста домашнего насилия из-за локдауна. Во-первых, экономические трудности, возникшие из-за пандемии, могут стать триггером для домашнего насилия в семьях, где его раньше не было (аналогичные результаты получены в работе [Adibelli et al., 2021]). Впрочем, и до пандемии фактор безработицы однозначно назывался в качестве важного предиктора домашнего насилия между партнерами [MacGregor et al., 2019]; пандемия и локдаун этот фактор лишь усугубили. Во-вторых, возможной причиной является изменение домашних обязанностей и ролей в связи с вынужденным нахождением вместе большого числа членов семьи. Усугубляет эту проблему то обстоятельство, что именно для женщин риск остаться без работы по разным причинам оказался гораздо выше, чем для мужчин [Piquero, Jennings et al., 2021]. Кроме того, именно на женщин обычно ложатся обязанности по заботе за заболевшими членами семьи. В-третьих, для семей, где уже были предпосылки к конфликтам, негативное влияние может оказывать само время, проведенное вместе, и невозможность побыть наедине с собой. В работе [Sower, Alexander, 2021], в частности, выделяются такие «тактики» домашнего насилия, как захват значительной части квартиры в качестве рабочего места, установка ограничений на шум, телефонные разговоры и пользование Интернетом. Кроме того, из-за ограничительных мер во время локдауна существенно сложнее получить внешнюю помощь [Ertan et al., 2020]. В этом контексте в значительно более уязвимом состоянии оказались беременные женщины [Naghizadeh et al., 2021].

Вместе с тем менее изученными остаются другие возможные механизмы влияния пандемии на домашнее насилие, которые могут быть не связаны напрямую с локдауном. Пандемия в целом создает не только экономические трудности, но и психологические [Mazza et al., 2020], что, в свою очередь, может приводить к конфликтам в семье. Именно психологическое насилие оказывается самой распространенной формой домашнего насилия, возникающего в период пандемии [Gama et al., 2020].

Большая и пока не решенная исследователями задача связана с объяснением высокой гетерогенности масштабов домашнего насилия [Berniell, Facchini, 2021; Kourti et al., 2021; Piquero, Jennings et al., 2021], которая наблюдается как в разных странах, так и в разных городах и регионах внутри одной страны. Эта вариация может быть обусловлена целым комплексом факторов, таких как культура страны, уровень урбанизации, уровень социального неравенства и бедности и др. В целом и до пандемии исследователи обращали внимание на высокие региональные различия уровня домашнего насилия [Alhabib et al., 2010]. Однако последствия пандемии и меры по борьбе с ней также имеют высокую географическую вариацию, что делает исследовательскую задачу на один порядок сложнее.

Другой важный тренд, который наблюдали многие исследователи, связан со снижением числа обращений по поводу домашнего насилия с течением времени [Leslie, Wilson, 2020; Nix, Richards, 2021; Piquero, Jennings et al., 2021]. Из эмпирических исследований известно, что по прошествии нескольких недель эффекты локдауна затихают. На текущий момент, однако, нет ясных объяснений причин данной динамики. С одной стороны, это может означать успешную адаптацию домохозяйств к пандемии и локдауну, которая вызывает реальное сокращение уровня домашнего насилия. Кроме того, часть домохозяйств могли решить эту проблему через переезд и раздельное проживание. С другой стороны, данный тренд может указывать и на рост латентности домашнего насилия, связанный с более успешным контролем за ситуацией со стороны абьюзеров.

Стоит также отметить, что начинают появляться и исследования об обратной причинно-следственной связи между домашним насилием и пандемией. Так, в работе [Chandan et al., 2021] на основе базы данных о здоровье более 50 тыс. женщин из Великобритании показывается, что жертвы домашнего насилия при прочих равных условиях могут быть более уязвимы к заражению коронавирусом по сравнению с теми женщинами, которые не сталкивались с данной проблемой. Впрочем, несмотря на статистически значимую связь, она требует дополнительного содержательного анализа для объяснения ее механики. Уже известно, что домашнее насилие может приводить к целому комплексу психологических проблем, таких как негативные эмоции (страх, стыд, низкая самооценка и пр.), нарушение физиологических функций (головные боли и пр.), ментальные заболевания (депрессия, бессонница и пр.), а также саморазрушительное поведение (алкоголизм, намеренное причинение вреда себе, суицид и пр.) [Ali et al., 2021: 192]. Возможно, что в совокупности с теми или иными факторами домашнее насилие повышает и персональные риски, связанные с угрозой заболевания коронавирусом и тяжестью его течения.

---

---

## Заключение

Анализ международного опыта изучения влияния пандемии на домашнее насилие ставит больше вопросов, чем дает ответов. С одной стороны, ученые успешно доказали связь между локдауном и ростом домашнего насилия, хотя для специалистов по гендерным исследованиям это и не стало сюрпризом. С другой стороны, реальные масштабы данного влияния остаются неясны. Если ориентироваться на наиболее качественные и комплексные из проведенных на текущий момент исследований, то консервативная оценка влияния пандемии на домашнее насилие находится в диапазоне 5—10 % (см. также: [Leslie, Wilson, 2020; Hsu, Henke, 2021; Piquero, Jennings et al., 2021; Porter et al., 2021]). Вместе с тем исследователи подчеркивали высокую степень гетерогенности полученных результатов; для ряда стран, регионов и городов они могли быть в разы выше. Объяснение данной вариации — один из самых серьезных вопросов, которые еще предстоит решить.

В то же время результаты исследований об эффектах пандемии пока не-многое добавляют к уже существующей литературе о домашнем насилии. На первый взгляд кажется, что пандемия лишь усилила те факторы домашнего насилия, которые и ранее были известны [MacGregor et al., 2019]: локдаун заставил абьюзеров физически находиться рядом с их жертвами, экономические трудности и безработица усугубили эту проблему, а пандемия в целом негативно сказалась на психическом состоянии всех членов семьи. Актуализация социальной проблемы привела к сильному росту интереса исследователей к ней, однако само по себе это не формирует новую научную проблему. Новую проблематику, если она есть, по всей видимости, еще предстоит найти.

К сожалению, ответить даже на самые базовые вопросы о масштабах «теневого пандемии» и ее причинах оказалось непросто. Пандемия сама по себе создает проблемы для исследователей, например делает объект исследования недоступным для этнографии и однозначно затрудняет использование качественных методов (интервью, наблюдение и пр.), которые могли бы дать ответы на многие оставшиеся после количественного анализа вопросы.

Так или иначе из-за пандемии весь мир вынужден переживать состояние естественного эксперимента. Политикам приходится принимать оперативные решения зачастую без опоры на научные данные. Согласно обзору 235 исследований о проблеме партнерского насилия, проведенных до пандемии, одним из самых неизученных вопросов остается анализ эффективности различных мер по противодействию домашнему насилию [ibid.]. Исследования, выполняемые в эпоху пандемии, естественным образом наследуют эту проблему, а также задачу по ее решению. В работе [Ertan et al., 2020] указано, что пока ученым доступно мало данных для того, чтобы оценивать эффективность тех или иных мер. Необходимость систематическим образом собирать данные о проблеме домашнего насилия была отмечена и в докладе структуры «ООН-женщины» [COVID-19 and Ending Violence Against Women and Girls, 2020].

Вместе с тем в этом докладе предлагался и ряд конкретных мер по противодействию «теневого пандемии», таких как создание сервисов для помощи пострадавшим, повышение осведомленности населения о проблеме и способах ее решения, тренинги для социальных работников, а также оказание финансовой

и организационной помощи правозащитным организациям и странам, оказавшимся из-за пандемии в тяжелой социально-экономической ситуации. В целом эти рекомендации созвучны тем предложениям, которые были сделаны в ряде других исследований [Sharma, Borah, 2020; Hossain et al., 2020; Adibelli et al., 2021]. Пандемия вынуждает политиков разных стран оперативно принимать решения. Научная и экспертная оценка последствий этих решений естественным образом запаздывает. В ближайшем будущем именно подготовка такого рода анализа является первостепенной задачей для исследователей.

#### Список источников

- Adibelli D., Sümen A., Teskereci G. Domestic violence against women during the COVID-19 pandemic: Turkey sample // *Health Care for Women International*. 2021. Vol. 42, № 3. P. 335—350.
- Agüero J. COVID-19 and the rise of intimate partner violence // *World Development*. 2021. Vol. 137. P. 1—7.
- Alhabib S., Nur U., Jones R. Domestic violence against women: systematic review of prevalence studies // *Journal of Family Violence*. 2010. Vol. 25, № 4. P. 369—382.
- Ali P., Rogers M., Heward-Belle S. COVID-19 and domestic violence: impact on mental health // *Journal of Criminal Psychology*. 2021. Vol. 11, № 3. P. 188—202.
- Beland L.-P., Brodeur A., Haddad J., Mikola D. COVID-19, family stress and domestic violence: remote work, isolation and bargaining power // *GLO Discussion Paper Series*. 2020. № 13332. P. 1—35.
- Berniell I., Facchini G. COVID-19 lockdown and domestic violence: evidence from internet-search behavior in 11 countries // *European Economic Review*. 2021. Vol. 136, № 4. P. 103775.
- Boserup B., McKenney M., Elkbuli A. Alarming trends in US domestic violence during the COVID-19 pandemic // *The American Journal of Emergency Medicine*. 2020. Vol. 38, № 12. P. 2753—2755.
- Bullinger L. R., Carr J. B., Packham A. COVID-19 and crime: effects of stay-at-home orders on domestic violence // *National Bureau of Economic Research Working Paper*. 2020. № 27667. P. 1—45.
- Chandan J. S., Subramanian A., Chandan J. K., Gokhale K. M., Vitoc A., Taylor J., Bradbury-Jones C. The risk of COVID-19 in survivors of domestic violence and abuse // *BMC Medicine*. 2021. Vol. 19, № 1. P. 1—7.
- COVID-19 and Ending Violence Against Women and Girls / United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women. New York: UN Women, 2020. 10 p.
- Ertan D., El-Hage W., Thierrée S., Javelot H., Hingray C. COVID-19: urgency for distancing from domestic violence // *European Journal of Psychotraumatology*. 2020. Vol. 11, № 1. P. 1—11.
- Every-Palmer S., Jenkins M., Gendall P., Hoek J., Beaglehole B., Bell C., Williman J. Psychological distress, anxiety, family violence, suicidality, and wellbeing in New Zealand during the COVID-19 lockdown: a cross-sectional study // *PLoS One*. 2020. Vol. 15, iss 11. P. 1—19.
- Gama A., Pedro A. R., Carvalho M. J. L. de, Guerreiro A. E., Duarte V., Quintas J., Matias A. Domestic violence during the COVID-19 pandemic in Portugal // *Portuguese Journal of Public Health*. 2020. Vol. 38, № 1. P. 32—40.
- Hossain Md. E., Najib A. U., Islam Md. Z. Combating domestic violence during COVID-19 pandemic in Bangladesh: using a mobile application integrated with an effective

- solution // 23rd ICCIT. 2020. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/xpl/conhome/9392385/proceeding> (дата обращения: 27.09.2021).
- Hsu L.-C., Henke A. COVID-19, staying at home, and domestic violence // Review of Economics of the Household. 2021. Vol. 19, № 1. P. 145—155.
- Knipe D., Gunnell D., Evans H., John A., Fancourt D. Is Google Trends a useful tool for tracking mental and social distress during a public health emergency?: a time-series analysis // Journal of Affective Disorders. 2021. Vol. 294. P. 737—744.
- Kourti A., Stavridou A., Panagouli E., Psaltopoulou T., Spiliopoulou C., Tsolia M., Sergeantanis T. N., et al. Domestic violence during the COVID-19 pandemic: a systematic review // Trauma, Violence & Abuse. 2021. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/15248380211038690> (дата обращения: 27.09.2021).
- Krishnakumar A., Verma S. Understanding domestic violence in India during COVID-19: a routine activity approach // Asian Journal of Criminology. 2021. Vol. 16, № 1. P. 1—17.
- Leslie E., Wilson R. Sheltering in place and domestic violence: evidence from calls for service during COVID-19 // Journal of Public Economics. 2020. Vol. 189. P. 1—7.
- MacGregor J. C. D., Oliver C. L., MacQuarrie B. J., Wathen C. N. Intimate partner violence and work: a scoping review of published research // Trauma, Violence & Abuse. 2019. Vol. 22, № 4. P. 717—727.
- Maji S., Bansod S., Singh T. Domestic violence during COVID-19 pandemic: the case for Indian women // Journal of Community & Applied Social Psychology. 2021. URL: [https://www.researchgate.net/publication/348416108\\_Domestic\\_violence\\_during\\_COVID-19\\_pandemic\\_The\\_case\\_for\\_Indian\\_women](https://www.researchgate.net/publication/348416108_Domestic_violence_during_COVID-19_pandemic_The_case_for_Indian_women) (дата обращения: 27.09.2021).
- Mazza M., Marano G., Lai C., Janiri L., Sani G. Danger in danger: interpersonal violence during COVID-19 quarantine // Psychiatry Research. 2020. Vol. 289. P. 1—2.
- McLay M. M. When “shelter-in-place” isn’t shelter that’s safe: a rapid analysis of domestic violence case differences during the COVID-19 pandemic and stay-at-home orders // Journal of Family Violence. 2021. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s10896-020-00225-6.pdf> (дата обращения: 27.09.2021).
- Naghizadeh S., Mirghafourvand M., Mohammadirad R. Domestic violence and its relationship with quality of life in pregnant women during the outbreak of COVID-19 disease // BMC Pregnancy & Childbirth. 2021. Vol. 21, № 1. P. 1—10.
- Nicola M., Alsafi Z., Sohrabi C., Kerwan A., Al-Jabir A., Iosifidis C., Agha M., et al. The socio-economic implications of the coronavirus pandemic (COVID-19): a review // International Journal of Surgery. 2020. Vol. 78. P. 185—193.
- Nix J., Richards T. N. The immediate and long-term effects of COVID-19 stay-at-home orders on domestic violence calls for service across six U.S. jurisdictions // Police Practice and Research. 2021. Vol. 22, № 21. P. 1—9.
- Øverlien C. The COVID-19 pandemic and its impact on children in domestic violence refuges // Child Abuse Review. 2020. Vol. 29, № 4. P. 379—386.
- Piquero A. R., Jennings W. G., Jemison E., Kaukinen C., Knaul F. M. Domestic violence during the COVID-19 pandemic — evidence from a systematic review and meta-analysis // Journal of Criminal Justice. 2021. Vol. 74. P. 1—10.
- Piquero A. R., Piquero N. L., Kurland J. A case study of domestic violence arrests during the COVID-19 pandemic in Miami-Dade County // Victims & Offenders. 2021. Vol. 16, iss. 8. P. 1077—1088.
- Porter C., Favara M., Sánchez A., Scott D. The impact of COVID-19 lockdowns on physical domestic violence: evidence from a list randomization experiment // SSM — Population Health. 2021. Vol. 14. P. 1—10.

- Sharma A., Borah S. B. COVID-19 and domestic violence: an indirect path to social and economic crisis // *Journal of Family Violence*. 2020. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s10896-020-00188-8.pdf> (дата обращения: 27.09.2021).
- Sidpra J., Abomeli D., Hameed B., Baker J., Mankad K. Rise in the incidence of abusive head trauma during the COVID-19 pandemic // *Archives of Disease in Childhood*. 2021. Vol. 106, № 3. P. e14.
- Soron T. R. et al. Domestic violence and mental health during the COVID-19 pandemic in Bangladesh // *JMIR Formative Research*. 2021. Vol. 5, № 9. P. e24624.
- Sower E. A., Alexander A. A. The same dynamics, different tactics: domestic violence during COVID-19 // *Violence and Gender*. 2021. Vol. 8, № 3. P. 154—156.
- Yari A., Zahednezhad H., Gheshlagh R. G., Kurdi A. Frequency and determinants of domestic violence against Iranian women during the COVID-19 pandemic: a national cross-sectional survey // *BMC Public Health*. 2021. Vol. 21, № 1. P. 1—10.

### References

- Adibelli, D., Sümen, A., Teskereci, G. (2021) Domestic violence against women during the COVID-19 pandemic: Turkey sample, *Health Care for Women International*, vol. 42, no. 3, pp. 335—350.
- Agüero, J. (2021) COVID-19 and the rise of intimate partner violence, *World Development*, vol. 137, pp. 1—7.
- Alhabib, S., Nur, U., Jones, R. (2010) Domestic violence against women: systematic review of prevalence studies, *Journal of Family Violence*, vol. 25, no. 4, pp. 369—382.
- Ali, P., Rogers, M., Heward-Belle, S. (2021) COVID-19 and domestic violence: impact on mental health, *Journal of Criminal Psychology*, vol. 11, no. 3, pp. 188—202.
- Beland, L.-P., Brodeur, A., Haddad, J., Mikola, D. (2020) COVID-19, family stress and domestic violence: remote work, isolation and bargaining power, *GLO Discussion Paper Series*, no. 13332, pp. 1—35.
- Berniell, I., Facchini, G. (2021) COVID-19 lockdown and domestic violence: evidence from internet-search behavior in 11 countries, *European Economic Review*, vol. 136, no. 4, p. 103775.
- Boserup, B., McKenney, M., Elkbuli, A. (2020) Alarming trends in US domestic violence during the COVID-19 pandemic, *The American Journal of Emergency Medicine*, vol. 38, no. 12, pp. 2753—2755.
- Bullinger, L. R., Carr, J. B., Packham, A. (2020) COVID-19 and crime: effects of stay-at-home orders on domestic violence, *National Bureau of Economic Research Working Paper*, no. 27667, pp. 1—45.
- Chandan, J. S., Subramanian, A., Chandan, J. K., Gokhale, K. M., Vitoc, A., Taylor, J., Bradbury-Jones, C., et al. (2021) The risk of COVID-19 in survivors of domestic violence and abuse, *BMC Medicine*, vol. 19, no. 1, pp. 1—7.
- Ertan, D., El-Hage, W., Thierrée, S., Javelot, H., Hingray, C. (2020) COVID-19: urgency for distancing from domestic violence, *European Journal of Psychotraumatology*, vol. 11, no. 1, pp. 1—11.
- Every-Palmer, S., Jenkins, M., Gendall, P., Hoek, J., Beaglehole, B., Bell, C., Williman, J., et al. (2020) Psychological distress, anxiety, family violence, suicidality, and wellbeing in New Zealand during the COVID-19 lockdown: a cross-sectional study, *PLoS One*, vol. 15, iss. 11, pp. 1—19.
- Gama, A., Pedro, A. R., Carvalho, M. J. L. de, Guerreiro, A. E., Duarte, V., Quintas, J., Matias, A., et al. (2020) Domestic violence during the COVID-19 pandemic in Portugal, *Portuguese Journal of Public Health*, vol. 38, no. 1, pp. 32—40.

- Hossain, Md. E., Najib, A. U., Islam, Md. Z. (2020) Combating domestic violence during COVID-19 pandemic in Bangladesh: using a mobile application integrated with an effective solution, *23rd ICCIT*, available from <https://ieeexplore.ieee.org/xpl/conhome/9392385/proceeding> (accessed 27.09.2021).
- Hsu, L.-C., Henke, A. (2021) COVID-19, staying at home, and domestic violence, *Review of Economics of the Household*, vol. 19, no. 1, pp. 145—155.
- Knipe, D., Gunnell, D., Evans, H., John, A., Fancourt, D. (2021) Is Google Trends a useful tool for tracking mental and social distress during a public health emergency?: a time-series analysis, *Journal of Affective Disorders*, vol. 294, pp. 737—744.
- Kourti, A., Stavridou, A., Panagouli, E., Psaltopoulou, T., Spiliopoulou, C., Tsolia, M., Sergeantanis, T. N., et al. (2021) Domestic violence during the COVID-19 pandemic: a systematic review, *Trauma, Violence & Abuse*, available from <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/15248380211038690> (accessed 27.09.2021).
- Krishnakumar, A., Verma, S. (2021) Understanding domestic violence in India during COVID-19: a routine activity approach, *Asian Journal of Criminology*, vol. 16, no. 1, pp. 1—17.
- Leslie, E., Wilson, R. (2020) Sheltering in place and domestic violence: evidence from calls for service during COVID-19, *Journal of Public Economics*, vol. 189, pp. 1—7.
- MacGregor, J. C. D., Oliver, C. L., MacQuarrie, B. J., Wathen, C. N. (2019) Intimate partner violence and work: a scoping review of published research, *Trauma, Violence & Abuse*, vol. 22, no. 4, pp. 717—727.
- Maji, S., Bansod, S., Singh, T. (2020) Domestic violence during COVID-19 pandemic: the case for Indian women, *Journal of Community & Applied Social Psychology*, available from [https://www.researchgate.net/publication/348416108\\_Domestic\\_violence\\_during\\_COVID-19\\_pandemic\\_The\\_case\\_for\\_Indian\\_women](https://www.researchgate.net/publication/348416108_Domestic_violence_during_COVID-19_pandemic_The_case_for_Indian_women) (accessed 27.09.2021).
- Mazza, M., Marano, G., Lai, C., Janiri, L., Sani, G. (2020) Danger in danger: interpersonal violence during COVID-19 quarantine, *Psychiatry Research*, vol. 289, pp. 1—2.
- McLay, M. M. (2021) When “shelter-in-place” isn’t shelter that’s safe: a rapid analysis of domestic violence case differences during the COVID-19 pandemic and stay-at-home orders, *Journal of Family Violence*, available from <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s10896-020-00225-6.pdf> (accessed 27.09.2021).
- Naghizadeh, S., Mirghafourvand, M., Mohammadirad, R. (2021) Domestic violence and its relationship with quality of life in pregnant women during the outbreak of COVID-19 disease, *BMC Pregnancy & Childbirth*, vol. 21, no. 1, pp. 1—10.
- Nicola, M., Alsafi, Z., Sohrabi, C., Kerwan, A., Al-Jabir, A., Iosifidis, C., Agha, M., et al. (2020) The socio-economic implications of the coronavirus pandemic (COVID-19): a review, *International Journal of Surgery*, vol. 78, pp. 185—193.
- Nix, J., Richards, T. N. (2021) The immediate and long-term effects of COVID-19 stay-at-home orders on domestic violence calls for service across six U.S. jurisdictions, *Police Practice and Research*, vol. 22, no. 21, pp. 1—9.
- Øverlien, C. (2020) The COVID-19 pandemic and its impact on children in domestic violence refuges, *Child Abuse Review*, vol. 29, no. 4, pp. 379—386.
- Piquero, A. R., Jennings, W. G., Jemison, E., Kaukinen, C., Knaul, F. M. (2021) Domestic violence during the COVID-19 pandemic — evidence from a systematic review and meta-analysis, *Journal of Criminal Justice*, vol. 74, pp. 1—10.
- Piquero, A. R., Piquero, N. L., Kurland, J. (2021) A case study of domestic violence arrests during the COVID-19 pandemic in Miami-Dade County, *Victims & Offenders*, vol. 16, iss. 8, pp. 1077—1088.
- Porter, C., Favara, M., Sánchez, A., Scott, D. (2021) The impact of COVID-19 lockdowns on physical domestic violence: evidence from a list randomization experiment, *SSM — Population Health*, vol. 14, pp. 1—10.

- Sharma, A., Borah, S. B. (2020) COVID-19 and domestic violence: an indirect path to social and economic crisis, *Journal of Family Violence*, available from <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s10896-020-00188-8.pdf> (accessed 27.09.2021).
- Sidpra, J., Abomeli, D., Hameed, B., Baker, J., Mankad, K. (2021) Rise in the incidence of abusive head trauma during the COVID-19 pandemic, *Archives of Disease in Childhood*, vol. 106, no. 3, p. e14.
- Soron, T. R. et al. (2021) Domestic violence and mental health during the COVID-19 pandemic in Bangladesh, *JMIR Formative Research*, vol. 5, no. 9, p. e24624.
- Sower, E. A., Alexander, A. A. (2021) The same dynamics, different tactics: domestic violence during COVID-19, *Violence and Gender*, vol. 8, no. 3, pp. 154—156.
- Yari, A., Zahednezhad, H., Gheshlagh, R. G., Kurdi, A. (2021) Frequency and determinants of domestic violence against Iranian women during the COVID-19 pandemic: a national cross-sectional survey, *BMC Public Health*, vol. 21, no. 1, pp. 1—10.

*Статья поступила в редакцию 23.10.2021; одобрена после рецензирования 02.11.2021; принята к публикации 10.01.2022.*

*The article was submitted 23.10.2020; approved after reviewing 02.11.2021; accepted for publication 10.01.2022.*

#### ***Информация об авторе / Information about the author***

**Казун Антон Павлович** — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Международного центра изучения институтов и развития, доцент департамента прикладной экономики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), г. Москва, Россия, akazun@hse.ru (Cand. Sc. (Sociology), Senior Research Fellow at the International Center for the Study of Institutions and Development, Associate Professor at the Department of Applied Economics, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), Moscow, Russian Federation).

---

---

*Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 87—97.*

*Woman in Russian Society. 2022. No. 1. P. 87—97.*

Научная статья

УДК 821.161.1.09"18"

DOI: 10.21064/WinRS.2022.1.7

## К ПОРТРЕТУ АПОЛЛИНАРИИ СУСЛОВОЙ: СМЕЩЕНИЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

*Николай Венальевич Капустин*

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, nkapustin@mail.ru

**Аннотация.** Аполлинария Сулова известна прежде всего как самое сильное увлечение Ф. М. Достоевского и как прототип его героинь. Достаточно много написано и о ее сложных отношениях с В. В. Розановым. Но личность Суловой интересна не только в соотнесенности ее судьбы с судьбами двух гениев русской литературы. По мнению А. С. Долинина, по сути первого биографа Суловой, она принадлежит к «типичнейшим представительницам своего времени». С тех пор, с 1920-х гг., мнение о ней как шестидесятнице прочно вошло в научный и читательский обиход. Однако сохранившийся дневник и письма Суловой 1860-х гг., ее отношения с современниками, наконец тот факт, что она стала прототипом героинь Достоевского, никак не ассоциирующихся с шестидесятницами, серьезно осложняют этот бесспорный, казалось бы, вывод. В статье показано, что Сулова, действительно связанная с движением шестидесятников, являясь носителем ряда характерных для русской интеллигенции тех лет представлений о жизни, вместе с тем не столько типическая, сколько уникальная фигура в общественной атмосфере того времени. Мировоззрение, изломы характера, высочайшая степень рефлексии, как правило не свойственная разночинцам, — все это заметно выделяет ее на фоне «новых людей», появившихся в 1860-х гг.

**Ключевые слова:** А. П. Сулова, разночинцы-шестидесятники, нигилизм, любовь, брак, рефлексия

**Для цитирования:** Капустин Н. В. К портрету Аполлинарии Суловой: смещение точки зрения // *Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 87—97.*

---

---

Original article

## TO THE PORTRAIT OF APOLLINARIIA SUSLOVA: CHANGING THE PERCEPTION

*Nikolay V. Kapustin*

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, nkapustin@mail.ru

**Abstract.** Apollinariia Suslova is mostly famous as the strongest passion of Fyodor Dostoevsky as well as the prototype of his female literary characters. She is also known for her difficult relations with her husband Vasiliy V. Rozanov. But the personality of Suslova is interesting not only because of her connection with two geniuses of the Russian literary world. Arkadiy S. Dolinin, Suslov's first biographer, called her "the most typical representative of her time". Since then, from the 1920s, Apollinariia was associated by the critics and readers with a certain type of women in the 1860s ("shestidesyatnitsi" — "women of the 1860s"). However, Suslova's diary and letters of the 1860s, her relations with the contemporaries, and at last, the fact that she served as a prototype of Dostoevsky's literary characters (who are in no way similar to the people of the 1860s) make Dolinin's statement debatable. The author of the given article agrees, on the one hand, that Apollinariia Suslova shared the views typical for Russian intelligentsia of the 1860s. On the other hand, she was more of a unique figure in the social atmosphere of that time. Her worldview, extremes of character, very strong reflection (as a rule not typical for raznochintsi) — all that distinguishes Apollinariia Suslova among the "new people" of the 1860s.

**Key words:** Apollinariia P. Suslova, raznochintsi of the 1860s, nihilism, love, marriage, reflection

**For citation:** Kapustin, N. V. (2022) К портрету Аполлинии Суловой: смещение точки зрения [To the portrait of Apollinariia Suslova: changing the perception], *Zhenshchina v Rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 87—97.

Имя Аполлинии Прокофьевны Суловой обычно называется рядом с именем Ф. М. Достоевского, самой страстной любовью и прототипом героинь которого (начиная с романа «Игрок» и кончая «Братьями Карамазовыми») она являлась. Биографами, разумеется, не забыто и то, что позже Аполлиния была женой В. В. Розанова, другой знаковой фигуры русской культуры, отношения с которым, как, впрочем, и с Достоевским, полны острого драматизма и сложности. Но личность Суловой интересна не только в соотнесенности ее судьбы с судьбами двух гениев русской литературы.

Принадлежа к разночинной интеллигенции, Сулова «много и глубоко жила: жизнью в высшей степени напряженной, тело и душу свою несла на заклятие чарующему идеалу свободной творческой личности» [Долинин, 1992: 6]; «обладала тем беспокойным активным мироощущением, которое настойчиво требовало действительного участия в создании новых форм жизни» [там же: 9]. Именно поэтому А. С. Долинин был склонен считать ее «одной из типичнейших представительниц своего времени» [там же: 6]. С тех пор представление о ней как шестидесятнице прочно вошло в научный и читательский обиход. Однако

дневник и особенно опубликованные Л. И. Сараскиной письма Сусловой к Е. А. Салиас (Евгений Тур) [Сараскина, 1994], ее отношения с современниками, наконец тот факт, что она стала прототипом героинь Достоевского, никак не ассоциирующихся с шестидесятницами, серьезно осложняют этот бесспорный, казалось бы, вывод. Действительно связанная с движением шестидесятников, являясь носителем ряда характерных для русской интеллигенции тех лет представлений о жизни, Сулова вместе с тем не столько типическая, сколько уникальная фигура в общественной атмосфере того времени. Мироззрение, изломы характера, высочайшая степень рефлексии, как правило не свойственная разночинцам, — все это заметно выделяет ее на фоне «новых людей», появившихся в 1860-х гг.

В то же время нами описывается и особый случай свойственной женской среде тех лет «автономизации индивида» [Айвазова, 1995: 123] — случай, выходящий за пределы женского движения, под которым вслед за современными авторами целесообразно понимать «совокупность женских организаций, групп и объединений с фиксированным и нефиксированным членством...» [Хасбулатова, Гафизова, 2003: 10]. Здесь же, вероятно, будет нелишним заметить, что статья принадлежит женской, а не гендерной истории (о различиях этих подходов см.: [Пушкарева, 2010]).

Наиболее наглядный пример своеобразия взглядов Сусловой — ее отношение к нигилизму, одному из самых характерных явлений середины XIX в.

Выяснено, что в сентябре 1865 г. за Аполлинару и ее братом Василием был установлен негласный надзор за принадлежность к «партии нигилистов», а в июне 1866 г. в Лебедяни, куда она приехала навестить брата, у них был произведен обыск. Имеющиеся у Аполлинару бумаги, тетради с адресами знакомых и все письма были отобраны. Комментируя это, Л. И. Сараскина пишет, что «самым обидным, наверное, была для нее не потеря рукописей и дорогих ей писем. Если бы она была уверена, что пострадала за убеждения, все было бы проще. Но прежних убеждений не было. Ее шестидесятнический нигилизм, значительно смягчившийся за границей, в России вскоре обернулся почти полной своей противоположностью» [Сараскина, 1994: 278]. Столь кратко сформулированный тезис, достаточный, впрочем, для Л. И. Сараскиной, в полифонической монографии которой обильно цитируются дневник и письма Сусловой, в нашем случае нуждается в более обстоятельном изложении.

Дистанцированность Сусловой от проявлений нигилизма, по-видимому, впервые обнаруживается в марте 1864 г. Посещавшая в то время в Париже лекции, она оставляет в дневнике характеристики других слушательниц, среди которых особенно примечательна следующая: «Есть женщины и серьезные, особенно одна — нигилистка совершенная».

Я-то веду себя хорошо, а она хлопает, топает и кричит “браво”, и одета дурно; приходит одна, но на нее никто не обращает внимания, потому что немолода. Всем кажется естественным, что состарившаяся в ожидании судьбы дева соскучилась и от нечего делать ударилась в науки» [Сулова, 1991: 80—81]. Дистанцированность очевидна и при описании состоявшейся в апреле 1864 г. встречи с оппозиционно настроенной А. Н. Якоби, тогда еще не столь знаменитой,

как впоследствии, но уже достаточно известной: «... скоро пришла хорошенькая женщина. Я догадалась, что это Якоби. Мы разговорились. Она либеральничала, пускала мне пыль в глаза фразами очень неудачно. <...> ... Я, наконец, сказала ей, что знаю эту фамилию (Якоби. — *Н. К.*), при этом я не могла удержаться от улыбки... <...> Мне было ужасно грустно смотреть на этих “ликующих”, “праздно болтающих”» [там же: 85]. Последняя характеристика с цитацией Некрасовского «Рыцаря на час» в данном контексте (речь идет о Якоби и Марко Вовчок) неоправданно резка, но это в духе Аполлинарии, по словам Достоевского, требующей «от людей всего, всех совершенств» и не прощающей «ни единого несовершенства» [Сараскина, 1994: 242].

Таковы дневниковые записи, проводящие заметную границу между Сусловой и нигилизмом. Однако наиболее отчетливо эта граница видна в ее письмах к графине Е. А. Салиас. В одном из них, от 12 июня 1865 г., содержится вполне определенная информация: «Не самый Цюрих и не Швейцария, а российский нигилизм выживает меня из Цюриха. Еще можно было бы согласиться выносить это российское произведение у себя дома, а то за границей... перед чужими людьми. Нет, это слишком тяжело, уверяю Вас.

Вы, Графиня, иногда попрекали меня нигилизмом и коммунистами, но уверяю Вас, что “я с ними не служила”. Ибо эта служба, как и всякая другая, казенная служба с бесчисленными обрядами. Но я вдвойне виновата, что, не зная всех таинств нигилистического ордена, стояла за его служителей перед Вами...» [там же: 248].

Признавая близость к «служителям нигилизма» в прошлом, что, впрочем, противоречиво сочетается с неточной цитатой из «Горя от ума» («я с ними не служила»), Сулова недвусмысленно говорит о своих расхождениях с нигилизмом. И эти разногласия — не результат кратковременного эмоционального состояния, а выношенное, устойчивое убеждение, что видно из других писем к Е. А. Салиас, отправленных уже из России.

Показательно, например, описание поведения петербургских нигилисток: «На улицах встречаются барышни в мужских шляпах, надетых набок, с дерзкими физиономиями, короткими волосами, торчащими щетиной. Эти барышни (я с некоторыми встречалась по делу) необыкновенно развязны в обращении и с первой встречи говорят вам: голубчик, душенька и пр.» [там же: 267]. Столь же отрицательное отношение к проявлениям нигилизма содержит и письмо к Е. А. Салиас от 14 декабря 1865 г., посланное из провинциального Иванова: «Здесь есть и такие дамы, что рассуждают насчет прогресса, эмансипации женщин и прочих высоких вещей не хуже питерских нигилисток, жизнь свою коверкают наподобие “Подводного камня” (роман М. В. Авдеева. — *Н. К.*) и других новейших сочинений...» [там же: 273—274]. В письме от 28 марта 1866 г., посланном тому же адресату из Лебедяни, Сулова проводит еще более глубокую границу, отделяющую ее от нигилизма: «... а мне говорить и делиться мыслями захочешь, но не с кем, с нигилистами я слишком расхожусь, да из тех мало встречается таких, которые чему-нибудь учились бы и что-нибудь читали или знали» [там же: 281]. Симптоматично, что в этом письме говорится не только о расхождениях с братом, с которым она расходится «более, чем ожидала», но и о скуке от разговоров о проблемах, лично для себя ею уже решенных.

При этом отрицанию подвергается распространенная в русской демократической журналистике идея, согласно которой человеческая природа целиком определяется общественными отношениями: «Спор обыкновенно начинается из-за слов, если я говорю: злой человек, мне возражают, что злых людей не бывает, а причина зла — общественное устройство и пр. Словом, все то, что прежде я читывала в “Современнике”. <...> Все эти несчастные люди забили себе голову до того, что небольшой запас ума, который если был, — заглох совершенно» [там же: 281—282].

В карикатурно-ироническом виде предстают под пером Сусловой (письмо к Е. А. Салиас от 24 сентября 1866 г.) и вырастающие на нигилистической почве студенческие идеи создания колоний. Ирония особенно ощутима при описании «отношений» между мужчинами и женщинами: «Теперь рассуждалось: каким образом устроить любовные дела? (Половые отношения, как говорят они, ибо слова: брак и любовь — между ними, всеми нигилистами вообще, — не существуют, все заменяется отношениями, на словах и на деле.) Решено было взять каждому по женщине, которая могла бы работать вместе с мужчинами полевые работы <...> Но когда подумали, что через год народонаселение может увеличиться на двадцать человек и работы двадцати женщин прекратятся, — задумались, но не подумайте, что смутились и упали духом, — нисколько. После разных вычетов и соображений решили ограничить количество женщин: приходилось взять одну женщину, и такая женщина, которая решилась пожертвовать собой для пользы общей, нашлась» [там же: 290—291].

Резко отрицательную характеристику получают нигилисты и в письме к Е. А. Салиас от 14 декабря 1866 г.: «Эти господа, оставшиеся на свободе нигилисты, лгут и сочиняют факты довольно бесцеремонно, и все сходит с рук. <...> Вы знаете, Графиня, теперь “Современник” уж отсталый журнал, нигилисты говорят, что он идеальничает... Нигилисты читают “Русское слово”, а больше ничего не читают, ибо всего “не перечитаешь”» [там же: 294—295]. Задев мимоходом сформулированный в романе Чернышевского «Что делать?» принцип «экономии умственных сил» («всего “не перечитаешь”»), основной критический акцент Сулова переносит на журнал «Русское слово»: «Я не читала русских журналов, кроме газет, особенно “Русского слова” не думала читать, потому что слышала о его безобразии в Петербурге от умеренных нигилистов, которые еще держатся “Современника”. Но, видя его необыкновенный успех и спрашивая суждения его поклонников, решилась посмотреть, что за журнал, и увидела очень скоро. Эх, Графиня, что это за безобразие! Попадается ли Вам когда-нибудь “Русское слово”? Прочтите для курьезу. Ведь четырнадцатилетние гимназисты разве могут так рассуждать, как там рассуждают о Пушкине и Белинском» [там же: 295].

Таким образом, если и можно говорить о нигилизме Сусловой, то лишь применительно к более раннему этапу ее биографии. Вероятнее всего, это тот отрезок времени, который приходится на начало 1860-х гг. и продолжается до весны 1864 г., когда возникает уже отмеченная нами ранее дистанцированность от проявлений нигилизма. Она усилится после знакомства с Е. А. Салиас (апрель 1864 г.), хотя в письме к ней от 12 июня 1865 г. Сулова признает свою вину

в том, что и после знакомства она некоторое время, «не зная всех таинств нигилистического ордена, стояла за его служителей...» [там же: 248].

Но, говоря о нигилизме Сусловой начала 1860-х гг., нужно отделять вымысел от реальных фактов. Так, ни в коей мере нельзя доверять в высшей степени пристрастной Л. Ф. Достоевской (дочери писателя), говорившей о том, что Аполлинария «...принимала участие во всех политических манифестациях, шагала во главе студентов, неся красное знамя, пела Марсельезу, ругала казаков и вела себя вызывающе, била лошадей полицейских, полицейские, в свою очередь, избивали ее, проводила ночь в арестантской, а когда возвращалась в университет, студенты с триумфом несли ее на руках как жертву “ненавистного царизма”» [Достоевская, 1992: 86]. Не менее пристрастен пассаж Л. Ф. Достоевской, касающийся любовных увлечений Аполлинарии: «Тогда в моду вошла свободная любовь. Молодая и красивая Полина усердно следовала веянию времени, служа Венере, переходила от одного студента к другому и полагала, что служит европейской цивилизации» [там же]. Между тем, как свидетельствуют дневник и письма Сусловой, она далека от таких «свободных» отношений, как далека и от других свойственных 60-м гг. XIX в. решений проблем любви, семьи и брака.

По-своему показательно, что в ее размышлениях об этих вопросах мы не находим воздействия романа Чернышевского «Что делать?» (по словам М. Н. Каткова, «Корана нигилизма»), оказавшего, как известно, громадное влияние на современников. Иным оказывается у Сусловой и сам процесс принятия решений. По наблюдениям Т. А. Богданович, шестидесятники «поступали согласно своим идеям и убеждениям без малейшего насилия над собой, почти инстинктивно, и это даже в тех областях, куда идеи и теории имеют вообще слабый доступ. Они были рационалистами, но, так сказать, “непосредственными рационалистами”, разум как бы исполнял у них функцию чувства» [Богданович, 1929: 13]. Иначе у Сусловой, у которой разум и чувство вступают в более сложные, противоречивые отношения друг с другом и победу, как правило, одерживает чувство.

Вот, казалось бы, характерное для шестидесятницы размышление от 24 ноября 1863 г.: «...любовь и самолюбие могут быть, но смешно их обрабатывать, когда у нас так много дела, дела необходимого... куда нам такая роскошь, когда мы нуждаемся в хлебе, умираем с голода, а если едим, то должны защищать эти права миллионами солдат и жандармов и прочая» [Сулова, 1991: 71]. Итогом размышления оказывается приоритет общественного над личным, однако третируемые «любовь и самолюбие», которые «смешно обрабатывать» (культивировать), вопреки своему же утверждению Аполлинария вдруг выносит на первый план, вспоминая об оставившем ее Сальвадоре. Ср.: «С некоторого времени я опять начинаю думать о Сальвадоре. Я была довольно спокойна, хорошо занималась, но вдруг иногда я припоминала оскорбление, и чувство негодования подымалось во мне. Теперь как-то особенно часто я об нем вспоминаю, и убеждение, что я осталась в долгу, не выходит у меня из головы. Я не знаю, чем и как заплачу я этот долг, только знаю, что заплачу наверное или погибну с тоски» [там же: 77]. «Обработка» самолюбия достигает тех пределов, когда не разум, а «внутреннее чувство» начинает подсказывать единственное, по мнению Аполлинарии, правильное решение: «Знаю, что пока

существует этот дом, где я была оскорблена, эта улица, пока этот человек пользуется уважением, любовью, счастьем — я не могу быть покойна; внутреннее чувство говорит мне, что нельзя оставить это безнаказанно» [там же]. В итоге приходит окончательное решение, характер которого живо напоминает не о мировоззрении эмансипированной шестидесятницы, а об изломах героинь Достоевского: «Я не хочу его убить, потому что это слишком мало. Я отравлю его медленным ядом. Я отниму у него радости, я его унижу» [там же].

О том, что чувство, а не разум диктует свои условия, свидетельствует и другая дневниковая запись о встрече с Сальвадором: «...после этого я целый день взволнованна. Мне было досадно на себя за это волнение. Неужели я его забуду? И я приходила в отчаяние» [там же: 92]. И вновь не разумом, а оскорбленным чувством определяется здесь упрек Достоевскому, которому ставится в вину характер интимных отношений: «Мне говорят о Ф[едоре] М[ихайловиче]. Я его просто ненавижу. <...> Теперь я чувствую и вижу ясно, что не могу любить, не могу находить счастья в наслаждении любви, потому что ласка мужчин (так у Сусловой. — Н. К.) будет напоминать мне оскорбления и страдания» [там же: 92—93].

Из дневника и писем Сусловой явствует, что она отнюдь не сторонница «свободной любви» (это, в частности, видно из дневниковой записи от 17 сентября 1865 г., воспроизводящей ее объяснение с П. С. Усовым), что она последовательно различает «любовь» и «отношения» (ср. в черновике письма Достоевскому: «...за любовь свою никогда не краснела: она была красива, даже грандиозна. Я могла тебе писать, что краснела за наши прежние отношения» [там же: 170]) и немало думает о том, на какой основе должен строиться брак. При этом, в отличие от шестидесятников, ответы на подобные вопросы у которых были, как правило, однозначными, Сулова их проблематизирует. Показательна, в частности, дневниковая запись от 6 мая 1865 г.: «Вчера был Gault и у нас с ним был сантиментальный разговор: о любви, браке и пр. <...> Несколько назад он мне говорил, что брак хоть и полезное учреждение, но для некоторых людей, особенно тех, которые свободы вкусили — не годится... тому, кто живет своим умственным трудом, хочет многое видеть и знать, нельзя себя связывать. <...> “Занимайтесь литературой, окружите себя дельными людьми и только”».

Я с ним согласилась. А на другой день мне говорил мой учитель, обожающий свою молодую жену и ребенка, что в любви только и есть счастье. <...> Кого же слушать?» [там же: 122]. Способность ощущать проблемность там, где ее не чувствовали другие, заметно выделяет Сулову на общем разночинском фоне.

Но отличает ее не только это. Еще А. С. Долинин, говоря о беллетристике Сусловой, подметил, что в хоре голосов публицистов и писателей, обратившихся к теме женской эмансипации, «звучит и ее несильный голос. И — заметим сейчас же эту особенность — звучит как-то исключительно заунывно, без тени того молодого задора, который, независимо от темы или сюжета, все же чувствовался у большинства переживавших эту раннюю весну русской гражданственности начала 60-х годов» [Долинин, 1991: 172]. Не менее заметны и отличающие Сулову на общем фоне мотивы скуки, тоски, бесцельности существования, которые часто встречаются на страницах ее дневника и писем. А. С. Долинин связывал это настроение с 1864 г., однако оно проявляется раньше.

Характерные переживания встречаются уже в 1863 г. Показательно, в частности, признание в посланном 11 апреля из Парижа письме Я. П. Полонскому, содержащее предощущение скуки: «Если вздумаете писать мне, я буду очень рада, тем более что, кажется, скоро начну очень скучать» [Сараскина, 1994: 89]. Здесь же косвенно указывается и причина возможной скуки, связанная не только с переездом из России во Францию: «Если общий смысл жизни не дается (здесь и далее курсив мой. — Н. К.), так что по пути к его пониманию встречается бездна сомнений, нужно брать то, в чем уверен» [там же: 90]. Мотив скуки обнаруживается и в письме к Полонскому от 19 июля 1863 г.: «Собственно, моя жизнь устроилась довольно скучно: занятия и встречи одни и те же каждый день...» [там же: 91], «Я только что начинаю скучать и все собираюсь куда-нибудь ехать, хоть на неделю...» [там же]. В этом контексте примечательна и сделанная в 1863 г. дневниковая запись: «Сегодня я много думала и осталась почти довольна, что Сальвадор меня мало любит; я более свободна. У меня явилось желание видеть Европу и Америку, съездить в Лондон посоветоваться и после поступить в секту бегунов» (одно из направлений старообрядчества, выражавшее протест в форме бегства от мира) [Сулова, 1991: 49]. Мысль о встрече с А. И. Герценом и его советах (то, что имеется в виду под поездкой в Лондон) противоречиво соединяется с желанием «поступить в секту бегунов». Это объясняется тем, что жизненная позиция не выработана, что формируется она в мучительных колебаниях. Не вполне точно цитируемые далее Суловой строки [там же] из стихотворения Н. П. Огарева «Чего хочу?.. Чего?.. О! так желаний много...» проясняют ее состояние:

Чего хочу?.. О как желаний много!  
Как к выходу их силам нужен путь!  
Что кажется порой — их внутренней тревогой  
Сожжется мозг и разорвется грудь.

В том же ряду дневниковая запись от 24 ноября 1863 г.: «Ненавижу Париж и не могу оторваться от него. Может быть, потому, что этот город действительно имеет что-то для тех, у кого нет определенного места и цели. Желание видеть Америку не покидает меня...» [там же: 72]. В этом контексте становится понятным и мотив тоски, соединенный с мотивом дороги, оформляемым при помощи некрасовского «Рыцаря на час»: «Глубокая тоска схватила мое сердце, я стала громко читать: “Выводи на дорогу тернистую” и т. д. — так, как читают молитву от наваждения бесов. Мне стало легче» [там же: 70].

В 1864-м и в более поздние годы подобные настроения не ослабевают: «Скука одолевает до последней крайности. <...> Ни английские глаголы, ни испанские переводы — ничто не помогает заглушить чувство тоски» [там же: 81]. Ср.: «...ужасная тоска и безнадежность давит меня» [Сараскина, 1994: 297]; «В Иванове мне ужасная скука...» [там же: 313] и др. Наряду с прежними начинают фиксироваться мысли, которые, хотя и возникали раньше, но выхода в текст не имели: «Теперь я всего более занята делами сестры, относительно ее образования. <...> А то я начала уже возвращаться к моему убеждению, что жить незачем...» [там же: 170]. Ср.: «...я нахожу жизнь так грубой и так печальной, что я с трудом ее выношу. Боже мой, неужели так будет всегда!

*И стоило ли родиться!»* [Суслова, 1991: 129]. Спасительным началом, по собственному признанию Аполлинару, была для нее графиня Е. А. Салиас, которая, хотя и находилась под надзором полиции, занимала особую, далекую от радикальных шестидесятников позицию. В письме от 6 сентября 1866 г. Суслова признается ей: «Если в припадке сумасшедшей грусти или отчаяния, на которое так склонны несчастные современные люди, я не бросаюсь в какой-нибудь омут, то это потому, что я Вас люблю и уважаю» [Сараскина, 1994: 289]. Интересно, что в некоторых письмах Сусловой не без влияния Е. А. Салиас появляются религиозные мотивы. Они не были устойчивы, однако в какие-то трудные моменты обращение к Богу помогало Аполлинару найти успокоение: «Если б Вы были близко, то просила бы Вас перекрестить меня, но образок Ваш со мной, я с ним не расстаюсь и часто на него смотрю» [там же].

Таким образом, недовольство окружающим, мотивы скуки, тоски, беспечности существования, мысли о смерти как избавлении от владеющего ею часто отчаяния многократно повторяются как в дневнике, так и в письмах Сусловой. Эти проблемы хорошо знакомы и персонажам ее прозы, которая, как зачастую бывает у писателей ее масштаба дарования, во многом имела автобиографическую основу.

Как известно, в 1868 г. в селе Иваново Суслова откроет школу (пансион) для девочек и, кажется, отыщет занятие в духе просветительских 60-х гг. Однако это начинание в контексте ее судьбы стоит, кажется, расценить не как наконец найденную, замкнутую на себе цель, но скорее как средство преодоления тяжелого, усталого от рефлексии и тягот бездеятельности умонастроения. В письме к Е. А. Салиас от 22 января 1869 г. она без особого энтузиазма напишет: «Утешаюсь тем, по крайней мере, что тружусь не даром; в настоящее время у меня 14 учениц и есть надежда на большее количество» [там же: 317].

Невольно встает вопрос о причинах такого умонастроения. Ответ на него сложен и должен выстраиваться с учетом целого ряда факторов. Однако можно сказать, что это связано не только с особенностями самоопределения в демократическом движении 1860-х гг., в результате чего Суслова меняет свое раннее отношение к нигилистам или иронична по отношению к эмигрантской среде, с которой судьба сводила ее во Франции (см. об этом: [Долинин, 1991: 32]). Один из главных моментов тревожной рефлексии Сусловой — свойства ее психологической организации, необыкновенно острая реакция как на личные, так и на общественные обстоятельства. На страницах ее дневника не раз будет заходить речь о «нервах», пролитых слезах, и тут не без некоторого удивления нужно заметить, что «раскольница поморского согласия», «хлыстовская богородица», «Екатерина Медичи» (характеристики Сусловой, принадлежащие В. В. Розанову), «черт в юбке» (так назвал ее философ В. А. Тернавцев) вдруг скажет о себе: «Когда он [К. И. Бенни] ушел, я плакала. Бедное сердце! Не выносит грубых прикосновений» [Суслова, 1991: 97]. Ср. также с ее признанием, сделанным Достоевскому: «Я никогда не была счастлива. Все люди, которые меня любили, заставляли меня страдать, даже мой отец и моя мать» [там же: 52].

В свое время С. Д. Дурьлин, во многом под влиянием В. В. Розанова, резко противопоставил Суслову розановскому идеалу женщины: «Вместо греющего добрую плоть нежной семейственности “Бога Авраама, Исаака и Иакова”

оказалось озлобленное безбожие шестидесятницы с постелью “принципиально” бездетной; вместо возлюбленной и нежной — озлобленная, умная, как бес, и злая, как бес, полунигилистка, полу-Настасья Филипповна (из “Идиота”), кому-то и чему-то непрерывно мстящая...» [Дурылин, 1992: 47]. Однако беспристрастное прочтение дневника и писем Суловой существенно усложняет этот ставший привычным образ.

#### Список источников

- Айвазова С. Г. Женское движение в России: традиции и современность // Общественные науки и современность. 1995. № 2. С. 121—130.
- Богданович Т. А. Любовь людей шестидесятых годов. Л.: Academia, 1929. 447 с.
- Долинин А. С. Достоевский и Сулова // Ф. М. Достоевский: статьи и материалы. М.; Л.: Мысль, 1924. Сб. 2. С. 151—258.
- Долинин А. С. [Вступительная статья] // Сулова А. П. Годы близости с Достоевским: дневник — повесть — письма. М.: РУССЛИТ, 1991. 192 с. Репринт. изд. 1928 г.
- Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 246 с.
- Дурылин С. Н. В. В. Розанов / публ. В. А. Десятникова // Начала. 1992. № 3. С. 45—51.
- Пушкарева Н. Л. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Историческая психология и социология истории. 2010. № 2. С. 51—64.
- Сараскина Л. Возлюбленная Достоевского: Аполлинария Сулова: биография в документах, письмах, материалах. М.: Согласие, 1994. 456 с.
- Сулова А. П. Годы близости с Достоевским: дневник — повесть — письма. М.: РУССЛИТ, 1991. 192 с. Репринт. изд. 1928 г.
- Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б. Женское движение в России (вторая половина XIX — начало XX века). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 256 с.

#### References

- Aivazova, S. G. (1995) Zhenskoe dvizhenie v Rossii: traditsii i sovremennost' [Women's movement in Russia: traditions and modern time], *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 121—130.
- Bogdanovich, T. A. (1929) *Liubov' liudei shestidesiatykh godov* [Love in the 1860s], Leningrad: Akademia.
- Dolinin, A. S. (1924) Dostoevskii i Suslova [Dostoevsky and Suslova], in: *F. M. Dostoevskii: Stat'i i materialy*, vol. 2, Moscow, Leningrad: Mysl', pp. 151—258.
- Dolinin, A. S. (1991) Vstupitel'naia stat'ia [Introduction], in: Suslova, A. P., *Gody blizosti s Dostoevskim: Dnevnik — povest' — pis'ma*, Moscow: RUSSLIT.
- Dostoevskaya, L. F. (1992) *Dostoevskii v izobrazhenii svoei docheri* [Dostoevsky depicted by his daughter], St. Petersburg: Andreev i synov'ia.
- Durylin, S. N. (1992) V. V. Rozanov [V. V. Rozanov], *Nachala*, no. 3, pp. 45—51.
- Khasbulatova, O. A., Gafizova, N. B. (2003) *Zhenskoe dvizhenie v Rossii (vtoraia polovina XIX — nachalo XX veka)* [Women's movement in Russia (second half of the XIX century — the early XX century)], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.

- Pushkareva, N. L. (2010) Zhenskaia i gendernaia istoriia: itogi i perspektivy razvitiia v Rossii [Women's and gender history: results and prospects for development in Russia], *Istoricheskaia psikhologiiia i sotsiologiiia istorii*, no. 2, pp. 51—64.
- Saraskina, L. (1994) *Vozliublennaia Dostoevskogo: Apollinariia Suslova*: Biografiia v dokumentakh, pis'makh, materialakh [Dostoevsky's ladylove: Apollinariia Suslova: Biography in documents, letters, materials], Moscow: Soglasie.
- Suslova, A. P. (1991) *Gody blizosti s Dostoevskim: Dnevnik — povest' — pis'ma* [Years of closeness with Dostoevsky: Diary — novel — letters], Moscow: RUSSLIT.

*Статья поступила в редакцию 15.09.2021; одобрена после рецензирования 19.11.2021; принята к публикации 30.11.2021.*

*The article was submitted 15.09.2021; approved after reviewing 19.11.2021; accepted for publication 30.11.2021.*

***Информация об авторе / Information about the author***

**Капустин Николай Венадьевич** — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, nkapustin@mail.ru (Dr. Sc. (Philology), Professor at the Native Philology Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

---

---

*Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 98—107.*

*Woman in Russian Society. 2022. No. 1. P. 98—107.*

Научная статья

УДК 61(091)(470+571).084.3

DOI: 10.21064/WinRS.2022.1.8

## ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-х гг.: ОПЫТ БАШКИРИИ

*Рима Нугамановна Сулейманова*

Уфимский федеральный исследовательский центр, Российская академия наук,  
г. Уфа, Россия, rnsulejman@mail.ru

**Аннотация.** С привлечением широкого круга архивных документов и различных источников рассматривается становление общей системы охраны материнства и младенчества в автономной Башкирской республике в 1920-х гг., а также принимавшие местными органами меры по охране и укреплению здоровья детей и женщин-матерей в сложных условиях того времени. Впервые показывается влияние объективных и субъективных факторов на организацию учреждений этой системы, выполнение поставленных задач и проведение необходимой работы. Раскрывается роль в деле создания системы охраны материнства и младенчества женского актива — работниц организованного при обкоме партии отдела по работе среди женщин и делегаток. При анализе его деятельности особое внимание обращается на возникавшие трудности, упущения, просчеты, реакцию женского населения на нововведения в этой области. Поднимаются многие вопросы изучаемой темы, которые в современных условиях имеют актуальное значение.

**Ключевые слова:** охрана материнства и младенчества, государственная политика, власть, решения, мероприятия, здоровье матери и ребенка, женотдел, делегатка, 1920-е гг., регион

**Для цитирования:** Сулейманова Р. Н. Охрана материнства и детства в Советской России в 1920-х гг.: опыт Башкирии // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 98—107.

Original article

## PROTECTION OF MATERNITY AND INFANCY IN SOVIET RUSSIA OF THE 1920s: REGIONAL EXPERIENCE

*Rima N. Suleimanova*

Ufa Federal Research Centre, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation,  
rnsulejman@mail.ru

**Abstract.** The article, drawing on a wide range of archival documents and various sources, examines the formation of a general system for the protection of mothers and babies in the autonomous Bashkir republic in the 1920s. It examines the measures taken by local authorities to protect and promote the health of children, women-mothers in the difficult conditions of that time. For the first time, the influence of objective and subjective factors on the organization of the institutions of this system, the implementation of the assigned tasks and the implementation of the necessary work in this area is shown. A significant role in this matter was played by women's activists — employees of the department for work among women organized under the regional committee of the party (zhenotdel). The author, when analyzing the work carried out by them in this direction, pays special attention to the difficulties that arose, omissions, miscalculations, and the reaction of the female population to innovations in this area. The article raises many questions of the topic under study, which in modern conditions are relevant.

**Key words:** protection of maternity and infancy, public policy, authorities, decisions, activities, maternal and child health, zhenotdel, delegate, 1920s, region

**For citation:** Suleimanova, R. N. (2022) Okhrana materinstva i detstva v Sovetskoï Rossii v 1920-kh gg.: opyt Bashkirii [Protection of maternity and infancy in Soviet Russia of the 1920s: regional experience], *Zhenshchina v rossiïskom obshchestve*, no. 1, pp. 98—107.

Организация системы охраны материнства и младенчества в Советской России приходится на первые послереволюционные годы. На примере одного из регионов страны — Башкирии в статье рассматриваются становление этой системы в 1920-х гг., основные направления государственной политики, проводимые мероприятия по поддержке женщины и ребенка, специфические условия их реализации.

Нужно заметить, что данная тема привлекала внимание исследователей. Однако она является междисциплинарной, включает достаточно широкий круг вопросов, охватывающих историю здравоохранения, «женского» и детского вопросов, регионов и пр. [Мананникова, 1973; Чирков, 1978; Мирошниченко, 2013; Смирнова, 2015; Щербинин, 2019]. У башкирских исследователей эта тема интерес пока не вызывала, что явилось основанием для нашего обращения к ней.

Создание целостной системы охраны материнства и младенчества в Советской России стало осуществляться в первые послереволюционные годы. Новой властью были определены следующие задачи: разработать нормативно-правовую базу по защите здоровья матери и ребенка, организовать лечебно-профилактическую помощь женщине и воспитание детей в детских учреждениях,

сформировать специальные структуры для выполнения этих задач при государственной поддержке, прежде всего финансовой.

Первым шагом в этой области явилось создание специального органа, на который были возложены задачи по охране материнства и младенчества. Декрет Наркомата государственного призрения (позднее переименован в Наркомат социального обеспечения) от 28 декабря 1917 г. утвердил организацию особой коллегии, которая должна была разработать неотложные мероприятия по охране здоровья матери и ребенка. С 1 января 1918 г. в системе Наркомата начал функционировать Отдел охраны материнства и младенчества, задачей которого явилось объединение всех учреждений в единую систему. Затем в регионах были организованы его подотделы. Материнство признавалось важной социальной функцией женщины, заботу о здоровье матери и ребенка взяло на себя государство [Коллонтай, 1974: 338]. Последовало издание ряда правительственных декретов, направленных на улучшение жизни матери и ребенка [Декреты... , 1964: 311—312; 1971: 196—198; 1989: 48—49]. В марте 1920 г. дело охраны материнства и младенчества было передано в систему Народного комиссариата здравоохранения [Декреты... , 1975: 322].

Такова была общая ситуация в России в первые послереволюционные годы. Что же предпринималось в Башкирии для создания системы охраны материнства и младенчества? С учетом того, что эта сфера охватывала многие важные направления социальной политики, остановим внимание на одном из них — охране здоровья матери и ребенка. Немалую роль в этом направлении сыграл женский актив — работницы организованного при обкоме партии отдела по работе среди женщин и делегатов (женотдел). Проанализируем его деятельность и реакцию женского населения на нововведения в данной области.

Нужно заметить, что до образования Большой Башкирии в июне 1922 г. отделы по работе среди женщин действовали при партийных комитетах Уфимской губернии и Малой Башкирии. На начальном этапе их деятельности обстановка в регионе была весьма удручающей, что объяснялось последствиями войн и хозяйственной разрухи, начинавшимся голодом, свирепствовавшими эпидемиями, проявлением недовольства населения поборами продотрядов. Все это отражалось на организации и проведении работы. На женотделы возлагались задачи по «склонению на сторону новой власти» женского населения, в первую очередь работниц и крестьянок, и выдвижению с этой целью из числа наиболее активных женщин делегатов, на которых можно было опираться при проведении агитационно-пропагандистской работы. Для создания системы охраны материнства и детства необходимым являлось установление тесных контактов с Наркоматами социального обеспечения, образования, здравоохранения, труда, в ведении которых находились многие вопросы. Женотделы должны были осуществлять инструктаж женработниц, делегатов, направлять их в отделы по охране материнства и младенчества соответствующих ведомств в качестве ассистенток «для тесного соприкосновения» с принятием необходимых решений, вовлекать основную массу женского населения в проводимые кампании по сбору денежных и материальных средств на нужды матери и ребенка.

Однако имелось немало причин, тормозивших проведение работы. Прежде всего это объяснялось сложностями послевоенной обстановки и стоявшими

перед новой властью задачами, требовавшими незамедлительного решения. Ассигнования центральных органов на цели охраны здоровья матери и ребенка были скудными, в местном бюджете вовсе не были предусмотрены, отсутствовал опыт, катастрофически не хватало работников, особенно подготовленных. Но основная причина заключалась в том, что сами женработницы зачастую не понимали сути проводимой работы. На это обращалось внимание в отчетах женотделов: «Работа в женотделе совершенно падает за недостатком работников...»; «...не знаем, сколько человек должен иметь отдел женщин? имеем ли мы право проверять приюты, детсады, столовые для детей? летом имеем мы право для женщин открыть курсы для акушерок?» и пр. [НА РБ, ф. 1, оп. 1, д. 105а, л. 28; ф. 22, оп. 1, д. 211, л. 1]. Работница женотдела ЦК ВКП(б) С. Т. Любимова, не раз бывавшая в республике, с сожалением говорила об остроте кадрового вопроса в Башкирии: «...для работы среди башкирских женщин приходилось выделять мужчин». Возглавлявшая женотдел республики А. И. Нухрат отмечала: «В некоторых кантонах из-за полного отсутствия коммунисток руководство женотделами возлагалось на мужчин. Приходилось вовлекать беспартийных учительниц, чтобы вели практическую работу среди женщин. В то время башкирки и татарки не стали бы слушать докладчика мужчину, да и мужья не пустили бы их» [Женщины... , 1968: 55, 70].

Имевшиеся трудности в работе отделов были также связаны с отсталостью и пассивностью женщин, которые не понимали происходивших изменений в общественной жизни и декларированных властями новых законов, особенно это касалось националок, поскольку законы излагались на русском языке. Женотделам приходилось прилагать немалые усилия в этом направлении. Среди используемых форм работы основными являлись разъяснение, убеждение в ходе бесед, лекций, собраний и пр. На проходившей в сентябре 1920 г. женской конференции, организованной обкомом партии, впервые женщины обсуждали вопросы, касающиеся их положения в семье и обществе, принятия мер по облегчению жизни. Так, при рассмотрении вопроса об охране материнства и младенчества организаторы были вынуждены признать, что женщины из разных кантонов Башкирии «собрались для того, чтобы услышать, что значит “охрана материнства и младенчества”». Согласившись с основной задачей в этой области — «нужно охранять как мать, так и ребенка», участницы конференции предложили внести в решение следующий пункт: «Прежде всего каждую женщину нужно избавить от работ за 2 месяца до... родов, дабы дать ей возможность знать, как обязанности матери поняты и проводятся в жизнь, так и нам, женщинам молодой Башкирии необходимо взяться за проведение и восстановление таковых правил здесь, в Башкирии». Участницы конференции заверили, что по приезде на места обещают «разъяснить своим товаркам значение и пользу для них принимаемых по охране материнства и младенчества мер, а также убедить их и самим постараться разумно пользоваться этими мерами и всеми силами помогать при проведении их в жизнь» [НА РБ, ф. 22, оп. 4, д. 131, л. 8, 8 об.].

Однако создавать систему охраны материнства и младенчества (охматмлад) в регионе приходилось в сложных условиях. Ситуацию усугубляли голод 1921—1922 гг. и распространившиеся эпидемии тифа и холеры. Малая Башкирия и Уфимская губерния относились к наиболее пострадавшим регионам,

численность голодающих составляла около 2 млн [История... , 2005: 254, 255]. Возрастают показатели смертности, особенно в детском и молодом возрастах. Получившие массовое распространение остроинфекционные заболевания уносили жизни сотен тысяч людей, ослабленных голодом, в том числе детей. С началом голода в местные органы поступали сообщения о росте числа детей-подкидышей в детдомах, это вело к снижению в них санитарно-гигиенических норм и увеличению случаев смертности. Так, в уфимском доме грудного ребенка за 1921 г. смертность составила 64 % против 39 % в 1920 г. [НА РБ, ф. 107, оп. 1, д. 82, л. 150 об.]. Последствиями голода и эпидемий явились детская беспризорность и рост в среде детей преступности.

Ухудшалось положение женского населения, росло число случаев проституции. Так, в волостях Белебеевского уезда некий предприниматель «закупал, пользуясь голодом крестьян, молодых девушек и женщин, в специальном вагоне отвозил их на продажу в Ташкент» [Василевская, Василевский, 1922: 17]. Ввиду этого в инструкциях, направляемых женотделом республики в кантоны, обязательными являлись указания на важность проведения разъяснительной работы среди женщин с участием работников партийных, советских и профсоюзных органов под лозунгом «Все на борьбу с проституцией», решения вопросов трудоустройства женщин и вовлечения их в общественную работу. Однако борьба с этой «социальной болезнью» затруднялась в связи с недостаточностью финансовых средств, кадров и необходимостью решения первоочередных хозяйственно-политических проблем.

Безусловно, трудности данного периода оказывали серьезное влияние на постановку и решение задач по охране материнства и детства. Несмотря на это, в регионе складывались условия для налаживания мирной жизни, создания системы охматмлада. В конце октября 1919 г. при Уфимском отделе социального обеспечения был организован подотдел охраны материнства и младенчества. Усилиями его работников в городе были открыты дом ребенка (Гоголевская ул., 24), дом матери и ребенка (ул. Случевская, 4), детские ясли на 30 детей от 3 лет, консультация и при ней молочная кухня (ул. Центральная, 73), реорганизованы дом ребенка (Приютская ул.) и железнодорожные ясли на Семеновской площади. На подотдел также была возложена обязанность оказывать незамедлительную помощь беспризорным детям. Вопрос о «правильной постановке дела» пока не стоял в связи с отсутствием врачей и опытного персонала по уходу за детьми [Детская беспризорность... , 2013: 16, 17]. Показательно воспоминание женработницы из Стерлитамака А. Я. Моисеевой о деятельности в «жутких условиях голода, тифа и холеры»: «Заботу о детях поручили женотделу. Коммунистки и делегатки в первую очередь взялись за детские дома. Мыли, стригли детей, изгоняли грязь и вошь — носительницу эпидемии. Врачи читали нам лекции, учили делать перевязки, уколы, обрабатывать раны. Вышли мы из госпиталя с удостоверением об окончании курсов красных сестер» [Женщины... , 1968: 43].

Организация охраны детства как «и принципиально, и практически совершенно новое дело» нуждалась в инструкциях, имеющих опыт работы сотрудников. Постепенно определялись конкретные нормы охраны детства, стали приходить инструкции от центральных органов, на их основе разрабатывались местные, которые нередко исключали одна другую. Заботу о детях передавали

от ведомства к ведомству, зачастую осуществление направленных указаний задерживалось на местах по объективным причинам [Кишинский, 1920: 70]. Историк Т. М. Смирнова также замечала, что «представители местной власти реализовывали декларируемые центром принципы в меру своего понимания и по собственному усмотрению» [Смирнова, 2015: 49].

Для упорядочения работы и выполнения поставленных задач возникла необходимость в создании специального органа. В январе 1921 г. Президиум ЦИК Башкирии, рассмотрев проект положения о Совете охраны материнства и младенчества, передал его на утверждение коллегии Наркомата просвещения. Вскоре после утверждения принимается постановление об организации при правительстве республики Совета по защите детей [НА РБ, ф. 394, оп. 5, д. 7, л. 9, 100]. Однако деятельность этого органа была кратковременной и потому малорезультативной.

За постепенной стабилизацией общественной жизни в республике последовали перемены в организационном становлении и развертывании деятельности здравоохранения, в том числе касающейся охматмлада. Стало больше внимания уделяться охране здоровья детей. В 1920 г. в Уфе начинают функционировать родильный приют, глазная лечебница, туберкулезный диспансер и детская больница, два санатория, один из них детский [Здравоохранение... , 1934: 88, 89]. Были открыты дом грудного ребенка на 30 детей, дом для детей 1—3 лет на 30 мест, дом матери и ребенка на 20 матерей и 10 детей, ясли на 20 детей, консультации для грудных детей с молочной кухней. Появились они в городах Стерлитамак, Бирск и Белебей [Медицина... , 1923: 23].

Жизнь требовала новых форм проявления заботы о детях, охраны материнства и младенчества. По спускаемым из центра указаниям в республике организуются мероприятия, направленные на пропаганду политики власти. Эти кампании объявлялись днями, неделями, месячниками и посвящались голодному, больному, беспризорному ребенку, матери и ребенку. Целью данных мероприятий являлось разъяснение идей охматмлада, сбор денежных средств для открытия новых учреждений. В деле их подготовки обязательным условием было привлечение работниц женотделов и делегатов. Перед женским активом ставилась задача проведения разъяснительной работы среди женского населения. Так, накануне Недели ребенка в Уфимской губернии в августе 1920 г. губкомиссия объявила об организации «недели агитации с привлечением сил из отдела здравоохранения, подотдела материнства и младенчества» [НА РБ, ф. 1, оп. 1, д. 238, л. 1]. Эти кампании давали возможность приступить к развертыванию борьбы с невежеством и предрассудками женщин, особенно сельчанок. При их проведении женработницы с привлечением врачей, участвующих в санитарно-просветительной работе, читали лекции, беседовали на темы воспитания ребенка, укрепления здоровья ребенка и матери, поддержания чистоты и гигиены в доме, в семье и пр. Серьезное значение придавалось вопросам здоровья женщин, объяснялось, какой вред ему наносится в случае использования услуг знахарей, производства аборт, применения средств контрацепции и пр. [Детская беспризорность... , 2013: 18].

После образования Большой Башкирии в отвечавшем за охрану материнства и детства ведомстве в июле 1922 г. произошло слияние губернского отдела здравоохранения и республиканского наркомата. Теперь усилия единого органа

необходимо было направить на решение первоочередных задач. И вскоре правительство республики поставило перед ним задачу «воскресить действие института по защите детей и материнства» [НА РБ, ф. 933, оп. 1, д. 132, л. 81]. В процессе ее выполнения были заложены основы общедоступной бесплатной медицинской помощи, приняты определенные меры по развертыванию, кроме лечебной, санитарно-профилактической деятельности, борьбе с социальными болезнями, охране материнства и детства. К ноябрю 1922 г. функционировало 13 учреждений охматмлада, в их числе дом матери и ребенка на 15 мест, 9 домов ребенка на 350 мест, 3 учреждения охраны здоровья детей на 210 коек, санаторий-колония на 260 коек в Уфе [НА РБ, ф. 444, оп. 1, д. 10, л. 241].

Общая сеть охматмлада в республике продолжала расширяться, чему способствовало увеличение финансирования. Впервые в 1924 г. организуются две консультации для беременных женщин, молочная кухня и детская комната, открывается дом для беспризорной матери, появляются первые ясли [Здравоохранение... , 1934: 59]. Но и здесь возникали сложности. Проведение политики вовлечения женщин в сферу производства создавало проблему дефицита дошкольных учреждений. Из кантонов в женотдел поступали сообщения, что среди женщин «растет стремление к абортам, главная причина этого — нет яслей для детей» [НА РБ, ф. 122, оп. 5, д. 204, л. 36]. Это было связано не только с ограниченностью финансовых средств, но прежде всего с устойчивостью предрассудков и отсталостью самих женщин. Так, как вспоминала одна из работниц областного женотдела — Михеева, при попытке организовать по инициативе Бирского кантонного женотдела в селе Мишкино «показательные детские ясли» пришлось встретить серьезное сопротивление со стороны сельчанок. Причиной был главным образом страх перед нововведением. Выяснилось, что в селе распустили слухи, «будто детей хотят увезти в город и там сделать из них коммунистов, будто с ребятами в яслях плохо обращаются, бьют», и потому марийки отказались отдавать детей в ясли. Только после убеждения их в нужности яслей они согласились. При этом женотделом преследовалась и другая цель, заключающаяся в «подготовке почвы для создания института делегатов» в этой волости [Женщины... , 1968: 98, 99].

В 1929 г. состоялось 1-е Всебашкирское совещание работников по охране материнства и младенчества, где подводились итоги, выявлялись серьезные просчеты [Десять лет... , 1929: 375]. Сам факт его проведения свидетельствовал, что в реальности многие из числа принимавшихся решений оставались лишь на бумаге. Вопросам охматмлада было уделено внимание на юбилейном Всебашкирском съезде Советов, посвященном 10-летию образования республики. В этом плане показательными стали выступления делегатов. Представлявшая один из отдаленных кантонов республики Батолина заявила: «Я недовольна по охране материнства, мало внимания обращается, особенно по деревням. Меня поразило, когда пришлось слышать из доклада правительства, насколько увеличен процент по Уфимскому кантону, по Уфе, что в городах имеются ясли, приюты, все на свете по охране материнства, чего нет в деревне. У нас в Месягутовском кантоне нет ни яслей, ни приютов и нет возможности деревенской бабе иметь отдых. Я не знаю, как смотрит правительство на деревенскую массу, или оно не считает нужным». Выступавшая работница Ирнарзова из Баймака

с сожалением отмечала: «Постановления относительно поддержки женщины-башкирки остаются лишь на бумаге, а в жизнь не проводятся, что мы просим — нам не дается, говорят нужно привлечь женщин-башкирок к производству, тем не менее никакого стимула к привлечению их не имеется» [НА РБ, ф. 394, оп. 5, д. 55, л. 211, 284].

Немалые проблемы существовали в сети родовспоможения. Не хватало родильных мест в больницах, особенно в сельской местности. В Месягутовском кантоне в действовавших 5 больницах имелось всего 2 родильные койки [НА РБ, ф. 394, оп. 2, д. 599, л. 17]. Медицинской помощью пользовались около 5 % всех беременных женщин. Слабым был охват националок. В 1928 г. Наркомздрав сообщал в обком партии, что в некоторых кантонах нет ни одной родильной койки. Из 100 женщин в деревне только 6 рожали в специализированных лечебных заведениях [НА РБ, ф. 444, оп. 1, д. 421, л. 10]. Высокими оставались показатели младенческой смертности в республике [Десять лет... , 1929: 374, 375].

Таким образом, в рассматриваемый период охрана материнства и детства стала основным направлением государственной политики в Советской России. В Башкирии этим вопросам также уделялось серьезное внимание. Усилиями ведомств и учреждений, общественных организаций при поддержке местных и центральных органов в сложных условиях проводилась большая работа по созданию системы охматмлада, обеспечению кадрами, принимались меры по защите интересов матери и ребенка. В этом деле участвовали работницы женотделов, делегатки, которые выполняли поставленные перед ними стратегические задачи — проводили работу среди женщин, направленную на приобщение их к новой жизни, поддержку ими новой власти и ее политики, вовлечение в практическую работу для улучшения жизни. Как пишет уральский историк М. И. Мирошниченко, «возведение идеи охраны материнства и младенчества в ранг государственной политики... способствовало популяризации большевизма» [Мирошниченко, 2013: 39]. В то же время нужно признать, что задачи по охране материнства и младенчества в республике не всегда решались своевременно, зачастую отодвигались на второй план ввиду важности других. Кроме того, для этого не имелось достаточных финансовых ресурсов, кадров, необходимого опыта и пр. Наблюдавшееся в конце 1920-х гг. расхождение между обещанным освобождением женщины от «семейной и домашней кабалы», провозглашенной защитой здоровья матери и ребенка и действительным положением в области охматмлада — тому подтверждение.

#### *Список источников*

- Василевская Л. А., Василевский Л. М.* Голодание: популярный медико-санитарный очерк. Уфа: Уфим. отд. гос. изд-ва, 1922. 46 с.  
Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1964. Т. 3. 665 с.  
Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1971. Т. 5. 702 с.  
Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1975. Т. 7. 676 с.  
Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1989. Т. 13. 574 с.  
Десять лет Советской Башкирии, 1919—1929 гг.: материалы к юбилейному съезду Советов. Уфа: Окт. натиск, 1929. 430 с.

- Детская беспризорность на Южном Урале в 1920-е годы: сборник документов и материалов / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Уфа: Гилем, 2013. 384 с.
- Женщины Башкирии. Уфа: Башкнигоиздат, 1968. 452 с.
- Здравоохранение: к XV-летию Башкирской АССР: юбилейный сборник. Уфа: Нар. ком. здравоохранения БАССР, 1934. 96 с.
- История Башкортостана, 1917—1990-е годы: в 2 т. / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Уфа: Гилем, 2005. Т. 2: 1917—1945. 313 с.
- Кишинский Ф. Забота о детях // Уфимский Октябрьский сборник. Уфа: Уфим. губ. ком. РКП(б), 1920. № 2. С. 69—74.
- Коллонтай А. М. Из моей жизни и работы: воспоминания и дневники. М.: Сов. Россия, 1974. 416 с.
- Мананникова Н. В. Охрана здоровья детей в СССР. М.: Медицина, 1973. 280 с.
- Медицина в Башкирии: (краткий очерк деятельности Башнаркомздрава в пределах Малой Башкирии за время 1918—1922 гг.). Уфа: Башнаркомздрав, 1923. 38 с.
- Мирошниченко М. И. Женщины на Урале в 1920—1935 гг. Челябинск: Юж.-Урал. гос. ун-т, 2013. 269 с.
- НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан).
- Смирнова Т. М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни, 1917—1940 гг. М.: Ин-т рос. истории РАН; СПб.: Центр гуманист. инициатив, 2015. 384 с.
- Чирков П. М. Решение женского вопроса в СССР (1917—1937 гг.). М.: Мысль, 1978. 255 с.
- Щербинин П. П. Охрана материнства и младенчества в первое десятилетие Советской власти на Тамбовщине (1918—1928 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24, № 179. С. 186—197.

### References

- Chirkov, P. M. (1978) *Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR (1917—1937 gg.)* [The solution of the women's issue in the USSR (1917—1937)], Moscow: Mysl'.
- Dekrety Sovetskoi vlasti* (1964) [Decrees of the Soviet government], vol. 3, Moscow: Politizdat.
- Dekrety Sovetskoi vlasti* (1971) [Decrees of the Soviet government], vol. 5, Moscow: Politizdat.
- Dekrety Sovetskoi vlasti* (1975) [Decrees of the Soviet government], vol. 7, Moscow: Politizdat.
- Dekrety Sovetskoi vlasti* (1989) [Decrees of the Soviet government], vol. 13, Moscow: Politizdat.
- Desiat' let Sovetskoi Bashkirii, 1919—1929 gg.*: Materialy k iubileinomu s'ezdu Sovetov (1929) [Ten years of Soviet Bashkiria, 1919—1929: Materials for the anniversary congress of Soviets], Ufa: Oktiabr'skii natisk.
- Kishinskiĭ, F. (1920) *Zabota o detiakh* [Caring for children], *Ufimskii Oktiabr'skii sbornik*, no. 2, pp. 69—74.
- Kollontaĭ, A. M. (1974) *Iz moei zhizni i raboty: Vospominaniia i dnevniki* [From my life and work: Memoirs and diaries], Moscow: Sovetskaia Rossiia.
- Manannikova, N. V. (1973) *Okhrana zdorov'ia detei v SSSR* [Children's health protection in the USSR], Moscow: Meditsina.
- Meditsina v Bashkirii: (Kratkii ocherk deiatel'nosti Bashnarkomzdrava v predelakh Maloi Bashkirii za vremia 1918—1922 gg.)* (1923) [Medicine in Bashkiria: (A brief outline of the activities of Bashnarkomzdrav within the Lesser Bashkiria during 1918—1922)], Ufa: Bashnarkomzdrav.

- Miroshnichenko, M. I. (2013) *Zhenshchiny na Urale v 1920—1935 gg.* [Women in the Urals in 1920—1935], Chelyabinsk: Iuzhno-Ural'skii gosudarstvennyi universitet.
- Shcherbinin, P. P. (2019) *Okhrana materinstva i mladenchestva v pervoe desiatiletie Sovetskoï vlasti na Tambovshchine (1918—1928 gg.)* [Protection of motherhood and infancy in the first decade of Soviet power in the Tambov region (1918—1928)], *Vestnik Tambovskogo universiteta*, seriiia Gumanitarnye nauki, vol. 24, no. 179, pp. 186—197.
- Smirnova, T. M. (2015) *Deti strany Sovetov: Ot gosudarstvennoï politiki k realiiam povsednevnoï zhizni, 1917—1940 gg.* [Children of the country of the Soviets: From public policy to the realities of everyday life, 1917—1940], Moscow: Institut rossiïskoï istorii Rossiïskoï akademii nauk, St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
- Suleïmanova, R. N. (ed.) (2005) *Istoriia Bashkortostana, 1917—1990-e gody*: in 2 vols [History of Bashkortostan, 1917—1990s], vol. 2: 1917—1945, Ufa: Gilem.
- Suleïmanova, R. N. (ed.) (2013) *Detskaia besprizornost' na Iuzhnom Urale v 1920-e gody*: Sbornik dokumentov i materialov [Children's homelessness in the South Urals in the 1920s: Collection of documents and materials], Ufa: Gilem.
- Vasilevskaia, L. A., Vasilevskii, L. M. (1922) *Golodanie*: Populiarnyi mediko-sanitarnyi ocherk [Starvation: Popular health essay], Ufa: Ufimskii otdel gosudarstvennogo izdatel'stva.
- Zdravookhranenie: K XV-letiiu Bashkirskoï ASSR: Iubileinyi sbornik (1934)* [Healthcare: To the 15th anniversary of the Bashkir ASSR: Jubilee collection], Ufa: Narodnyi komitet zdravookhraneniia BASSR.
- Zhenshchiny Bashkirii* (1968) [Women of Bashkiria], Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo.

*Статья поступила в редакцию 16.06.2021; одобрена после рецензирования 06.10.2021; принята к публикации 13.12.2021.*

*The article was submitted 16.06.2021; approved after reviewing 06.10.2021; accepted for publication 13.12.2021.*

#### ***Информация об авторе / Information about the author***

**Сулейманова Рима Нугамановна** — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующая отделом новейшей истории Башкортостана, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, г. Уфа, Россия, rnsulejman@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Head of the Department of Recent History of Bashkortostan, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation).

---

---

*Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 108—120.*

*Woman in Russian Society. 2022. No. 1. P. 108—120.*

Научная статья

УДК 33(091)(470+571).084.3

DOI: 10.21064/WinRS.2022.1.9

## ЖЕНЩИНЫ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНАХ УПРАВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ: С ЧЕГО ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ (ПЕТРОГРАД, 1923 г.)

*Владимир Валентинович Fortunatov<sup>1</sup>,  
Альбина Ахметовна Бесчасная<sup>2</sup>*

<sup>1</sup> Петербургский государственный университет путей сообщения  
Императора Александра I, г. Санкт-Петербург, Россия, elena.fortunatov@mail.ru

<sup>2</sup> Северо-Западный институт управления — филиал, Российская академия  
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,  
г. Санкт-Петербург, Россия

**Аннотация.** Исторические события конца XIX — начала XX в. были знаковыми для вхождения женщин в систему государственного управления. У женщин появилась возможность проявления себя не только в быту и домашнем хозяйстве, но и в общественной деятельности. Пример формирования новой управленческой структуры в начале XX в. с участием женщин — исполнительный комитет Петроградского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. На основании анализа анкет женщин городских и уездных Советов Петроградской губернии, объединенных работой в исполкоме, авторами составлен их социальный портрет, отражающий не только их собирательные социальные характеристики, но и специфику исторического периода. Привлечение женщин к публичной работе соответствовало росту женского активизма в мировом сообществе и отвечало интересам широкого охвата населения идеями смены старой власти и укрепления новой. Делая максимальную ставку на представителей ранее угнетенного класса, Советская власть получила особенно большое количество сторонников в свои ряды.

**Ключевые слова:** делегатка, исполнительный комитет Петроградского губернского Совета, государственное управление, социальный портрет

**Для цитирования:** *Фортунатов В. В., Бесчасная А. А. Женщины в государственных органах управления Советской России: с чего все начиналось (Петроград, 1923 г.) // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 108—120.*

Original article

## WOMEN IN THE GOVERNMENT BODIES OF SOVIET RUSSIA: HOW IT ALL BEGAN (PETROGRAD, 1923)

*Vladimir V. Fortunatov*<sup>1</sup>, *Albina A. Beschasnaya*<sup>2</sup>

<sup>1</sup> St. Petersburg State University of Railways of Emperor Alexander I,  
St. Petersburg, Russian Federation, elena.fortunatov@mail.ru

<sup>2</sup> North-West Institute of Management — Branch, Russian Presidential Academy  
of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation

**Abstract.** Despite the numerical superiority in society, women have hard won leading positions in public production, public space, and government. The historical events of the late XIX — early XX c. were significant for the entry of women into public administration. Women had the opportunity to express themselves not only in everyday life and in the household, but also in social activities. An example of the formation of a new management structure in the early twentieth century with the participation of women was the Executive Committee of the Petrograd Regional Duma of Workers', Peasants' and Red Army Deputies. We analyzed the questionnaires of women of the city and district councils of the Petrograd region, united by their work in the Executive Committee. The questionnaires are stored in the Central State Archive of St. Petersburg and have not been studied before. On the basis of this analysis, a social portrait of women who worked in the first elected bodies of Petrograd and the province was compiled. It reflects not only their collective social characteristics, but also the specifics of the historical period. The broad participation of women in public work corresponded to the growth of women's activism in the world community and was in the interests of a wide coverage of the population with ideas of changing and strengthening the new government. The Soviet government made the maximum bet on the representatives of the previously oppressed class and received a large number of supporters in its ranks. For all their innovation, the deputies were representatives of the problems that women faced on a daily basis, so the range of issues entrusted to them was limited. The new living conditions required women to show adaptive actions in order to ensure survival and successful construction of a life path in the new state. The result of the changes was that the USSR for the first time realized the idea of actively involving women in public and political life.

**Key words:** delegate, Executive Committee of the Petrograd Regional Council, government administration, social portrait

**For citation:** Fortunatov, V. V., Beschasnaia, A. A. (2022) Zhenshchiny v gosudarstvennykh organakh upravleniia Sovetskoi Rossii: s chego vsë nachinalos' (Petrograd, 1923 g.) [Women in the government bodies of Soviet Russia: how it all began (Petrograd, 1923)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 108—120.

### Постановка задачи

На протяжении последнего столетия женщины преобладают в составе населения России. По результатам Всероссийских переписей населения 1920 и 1926 гг., превышение количества женщин над мужчинами составляло 9,5 и 10,8 % соответственно [Борисов, 2001: 54]. В настоящее время женщин в России больше, чем мужчин, на 10 млн, т. е. на 8 % (по данным Росстата, июнь 2020 г.) [Федеральная служба...], что заслуживает специального анализа.

Борьба женщин России за достойное место в общественном производстве, публичном пространстве, в управлении государством, начавшаяся в последней трети XIX в., получила мощный импульс после Великой Октябрьской социалистической революции. В годы строительства социализма и защиты его завоеваний в 1941—1945 гг. женщины в полной мере проявили себя не только в быту и хозяйстве, но и в общественном производстве, государственном управлении, общественной деятельности.

В отличие от Запада, где борьбу за равные права мужчин и женщин вели суфражистки и феминистки, в России интересы женского населения активно поддерживали как женщины, так и мужчины не только из революционных партий, но и из широких демократических кругов. Еще до 1917 г. женщины получили доступ в высшие учебные заведения. В 1906 г. впервые в Европе избирательное право реализовали женщины Великого княжества Финляндского в составе Российской империи. 12 ноября 1917 г. женщины всей России приняли участие в выборах в Учредительное собрание.

Большевики, пришедшие к власти в октябре 1917 г., руководствовались подходом лидера и теоретика партии В. И. Ленина, который категорически утверждал, что каждая кухарка может *научиться* управлять государством. Многие недобросовестные критики Ленина опускали слово «научиться», из-за чего фраза приобретала совсем другой смысл.

Следует подчеркнуть, что большевики (коммунисты) после прихода к власти в соответствии со своими взглядами на равноправие стали выдвигать женщин на авансцену общественно-политической жизни не только в качестве участников массовых акций, но и на роли руководителей. Не будет преувеличением утверждать, что именно Российская коммунистическая партия (большевиков) первой в мировой практике выработала методы квотирования определенного процента мест для различных групп населения, в том числе и для женщин, что обеспечивало их гарантированное представительство во властных структурах. Только через десятилетия подобная практика появилась в Дании, Норвегии, Швеции и некоторых других странах.

В Советской России (с января 1918 г. — РСФСР) одним из свидетельств участия женщин в управлении государством являлись Советы разного уровня, образовавшиеся в результате революции 1917 г. Примером формирования новой управленческой структуры, в работе которой принимали участие женщины, являлся Исполнительный комитет Петроградского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В действительности этот орган управления был примером политической мобилизации женщин в советские органы управления. Этот опыт представляет особый интерес для изучения как специфики кадрового состава первых структур власти, так и особенностей этой исторической эпохи вообще.

### Методы исследования

В статье приводятся результаты количественного и качественного анализа анкет женщин, которые входили в исполнительный комитет Петроградского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Анкеты, сохранившиеся в Центральном государственном архиве (ЦГА) Санкт-Петербурга, являются ценнейшим источником для формирования представления о социальном

облике женщин, участвовавших в государственном управлении на заре становления Советской России. Эти депутатки не являлись «активистами первого часа», так как речь идет о конце 1923 г. Важность данных сведений обусловлена тем, что они говорят о результатах определенного этапа в работе по выдвижению женщин на руководящие позиции в Петрограде, «колыбели трех революций».

Реконструкция коллективного социального портрета представляется эффективным исследовательским приемом, поскольку позволяет изучить не только субъектов — носителей обобщенных характеристик, но и исторический и социокультурный контекст, моделировавший эти характерные черты. Социальный портрет — это собирательный образ социальной группы, в котором происходит «переплавка» лично-индивидуальных и коллективных социально-демографических, социально-психологических, социально-средовых характеристик. В социальном портрете формируется типология как результат выделения наиболее часто встречающихся и распространенных черт какой-либо социальной категории, представители которой объединены образом и стилем жизни, ценностными установками и взглядами на жизнь, манерами поведения и другими социально-значимыми качествами. Как показывают многочисленные современные исследования, изучение социального портрета широко применяется с целью познания специфики функционирования какой-либо сферы социума [Бесчасная, 2019; Пасовец, 2010; Писарева, 2010].

### **История вопроса**

В советский период решение женского вопроса считалось одним из важнейших завоеваний социализма [Опыт КПСС... , 1981; Чирков, 1978]. В РКП(б) было немало активных женщин-революционерок [Октябрем мобилизованные, 1987], которые служили примером для миллионов обычных женщин. В советской послеоктябрьской идеологии женщины считались наиболее угнетаемыми и бесправными людьми в самодержавной России. Советская власть обещала решить не только аграрный, но и национальный, рабочий, женский и другие вопросы.

Женщин активно привлекали к решению политических и экономических проблем страны. Ряд исследователей обозначил этот процесс как политическую мобилизацию [Долидович, Карчаева, 2020: 130]. Немало женщин были призваны в структуры новой, Советской власти.

В период с 1919 г. до конца 20-х гг. прошлого столетия для «подъема политического сознания женщин и привития им навыка действия в публичной сфере» стали создаваться женотделы [Горылев, Кокорева, 2007: 209]. Женотделы образовывались при исполкомах или партийных и комсомольских органах согласно административным решениям «сверху», а не «снизу» и были подчинены решению государственных задач. Эти структуры не были самостоятельными организациями по выражению интересов всей женской части населения [Хасбулатова, 2005: 346], как, впрочем, и большинство других самостоятельных объединений. Руководство страны отслеживало ситуацию на местах с решением проблем женщин, которые являлись преобладающей частью электората того времени. Большим достижением была организация делегатских собраний, которые позволили многим женщинам включиться в общественную жизнь. Делегатские собрания были созданы в 1919-м и существовали до 1933 г. [Иевлев, 2010: 71].

Становление нового государства ознаменовалось многими социальными инновациями. Смена социально-экономического строя и политических отношений потребовала новые идеалы, ценности и социальные нормы, призванные формировать и регулировать новые социальные отношения. В соответствии с ними формировались новые паттерны жизни: образы граждан нового государства, образы действий и деятельности, модели потребления и поведения, семьи, в том числе «матери нового типа» [Васеха, 2019]. Идеология нового государства активно привлекала к себе новых сторонников в лице женщин, «играя на струнах» прежнего бесправия и закрытости от внешнего мира.

Женщина 20—30 гг. XX в., освободившаяся от пут патриархата, характеризовалась следующим образом [Кривуля, 2016: 99—100]:

— по физическим данным: среднего роста, с широкими бедрами для рождения детей, физически выносливая, с сильными руками, потому что она не только качала ребенка и варила обеды, но и трудилась на шахте, замешивала бетон и выполняла другую тяжелую работу;

— по одежде: носила платья, изготовленные в домашних условиях, юбки ниже колена, блузки простые из неприглядной ткани, жакет. Обувь — простая, из парусиновой ткани, на низком каблучке. На голове платок, обычно красный, как символ принадлежности к пролетариату (за исключением прослойки так называемых «совбар» — советских барышень);

— по партийной принадлежности: самоотверженная коммунистка или комсомолка, фанатичная последовательница идей ленинизма-сталинизма;

— по социальному происхождению: из рабочей или крестьянской семьи;

— по занятиям: активный общественно-политический деятель, работница, крестьянка, спортсменка, мать, домохозяйка, жена.

Большую часть женщин, продвигаемых Коммунистической партией во власть, можно отнести к категории выдвиженцев [Выдвиженчество... , 1987: 36—39]. Данный процесс относится прежде всего к обновлению состава интеллигенции, но пополнение «служилого класса» в аграрной России имело свои особенности [Сытин, 2010]. В условиях аграрного перенаселения, к примеру, в Петрограде был избыток дешевых крестьянских рабочих рук. К апрелю 1923 г. число безработных составило уже свыше 108 тыс. человек. В большинстве своем это были женщины, чернорабочие и служащие [Социальная история Санкт-Петербурга, 2005: 206—212].

Петроград был флагманом перемен в России. В результате революционных событий здесь осенью 1917 г. был создан новый орган управления. Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов избрал губернский исполком (по решению I Петроградского губернского съезда, 24—25 февраля 1918 г.). В 1920 г. произошло объединение губернского и городского исполкомов, в результате чего губернский исполком стал исполнительным органом Петроградского и губернского Советов (т. е. руководство городом и губернией было возложено на один орган, названный для краткости Петросоветом). Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов имел секретариат, состоявший из нескольких подразделений (приемная, общая, отчетная и протокольная части). В составе Петросовета были продовольственный, тарифно-нормировочный, хозяйственный, коммунальный,

просветительский, школьный, библиотечный отделы (секции), а также отделы здравоохранения, телефонной связи, военный, комендатура и др. Следовательно, исполнительный комитет Петроградского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов по характеру возложенного функционала выполнял роль оперативного управления городом и губернией с целью реализации решений губернского Совета и съездов [Ленинградский губернский Совет... ; Законодательное собрание Ленинградской области; Законодательное собрание Санкт-Петербурга].

Для иллюстрации исторического значения исполкома и масштаба его деятельности обратим внимание на дополнительные исторические факты. В результате переименования в 1924 г. Петрограда в Ленинград Петроградский губернский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов стал именоваться Ленинградским Советом рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В 1927 г. была образована Ленинградская область и как следствие — Ленинградский областной Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, отделившийся от Петроградского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Ленинградский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1927 г.), или, как кратко его называли, Ленсовет, впоследствии, после ряда изменений, был преобразован в Законодательное собрание Санкт-Петербурга (1993 г.). Ленинградский областной Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов первоначально был преобразован в Ленинградский областной Совет депутатов трудящихся (1936 г.), а в итоге стал Законодательным собранием Ленинградской области (1994 г.). Данная информация, сопоставимая с современным положением дел и иерархией органов государственной власти, позволяет представить уровень авторитета и ответственности исполнительного комитета Петроградского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

С целью полной характеристики становления государственной власти необходимо заметить, что исполком изначально формировался из депутатов, которых избирали трудящиеся, обладавшие правом голоса. Новое партийно-государственное руководство страны во главе с В. И. Лениным проводило дифференцированную, гибкую, но достаточно жесткую политику в отношении интеллигенции [Фортунатов, 2018: 178]. Исторические условия, в которых формировался и работал исполнительный комитет Петроградского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, представляются как наиболее сложные. С окончанием Гражданской войны и переходом к новой экономической политике от состава регионального руководящего органа требовался творческий подход и оперативное решение возникавших вопросов.

### **Историко-социологический анализ**

В начале 2020 г. в фондах ЦГА Санкт-Петербурга нами были обнаружены ранее никем не исследованные дела, содержащие 220 анкет женщин\* городских и уездных Советов Петроградской губернии, объединенных работой в исполкоме. Анкеты были собраны осенью и в декабре 1923 г. [ЦГА СПб.]. Сведения,

---

\* Четыре анкеты повторялись, поэтому не были приняты к учету.

отраженные в них, позволяют сформировать социальный портрет женщин, работавших в первых выборных органах Петрограда и губернии.

Создание социального портрета основывается на анализе анкет женщин-депутаток, представлявших город, — 168 шт., и анкет женщин-депутаток, представлявших село, — 52 шт. Анкеты для сельских и городских женщин отличались. Количественные различия выразились в том, что в «сельских» анкетах было 23 вопроса, а в «городских» — 19. В бланках анкет для сельских женщин были, в частности, такие вопросы: «Местная жительница или прибыла из другой местности?», «Грамотная ли и какую школу закончила?», «Имеет ли сельское хозяйство?», «Считается ли зажиточной, средней или бедной по этой местности?». В анализе мы ориентировались на 19 вопросов.

*Демографические характеристики.* Возрастной состав женщин-депутаток — от 18 до 59 лет. Возраст наибольшего количества сельских женщин — 24 года (12,7 %), городских женщин — 27 лет (16,0 %). Средний возраст сельской депутатки исполкома — 31,3 года, городской депутатки — 31,5 года.

Вопрос о семейном положении отсутствовал, но там, где требовалось указать количество детей «при себе», лишь 33 (15,0 %) из 220 женщин отметили замужний статус. У остальных были указаны статусы «девица», «одинокая» и «вдовая». При этом более половины женщин (53,7 %) имели от 1 до 6 детей: 1 ребенка — 21,8 %, 2 детей — 12,3 %, 3 — 14,1 %, 4 — 3,2 %, 5 — 1,8 %, 6 — 0,5 %.

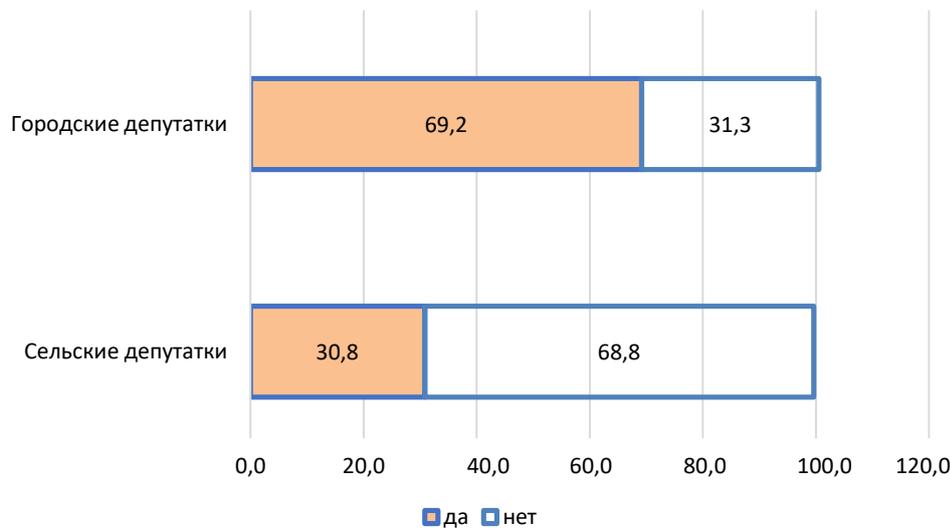
*Национальный состав.* Среди женщин-депутаток около 83 % указали на принадлежность к русской национальности (191 чел.), 4,7 % (9 чел.) составляли финки, 4,5 % (6 чел.) — эстонки, по 1,8 % (по 4 чел.) — белоруски и еврейки. Также были латышки, украинки, немка и полька.

*Социально-профессиональные характеристики.* Среди женщин, входивших в состав исполкома, наибольшее количество составляли работницы — 33,7 %, крестьянки — 31,9 %, служащие — 25,3 %. Далее, по убыванию, шли ремесленницы, домашние хозяйки, учащиеся, инвалидки, безработные.

В числе определений, характеризующих не только профессиональную принадлежность и специфику трудовой деятельности, но и «дух эпохи», встречались и такие: «служащая ГПУ», «крестьянка, вдова лесопромышленника», «интеллигентка, происходящая из крестьян», «информатор уездкома РКП(б)» — по 0,6 % (по 1 чел.).

Наиболее распространенными профессиями, которые имели респондентки до избрания в исполком, были следующие: машинистка, делопроизводитель, конторщица, бухгалтер (т. е. офисные сотрудники) — не менее 12 %, домохозяйка — не менее 8 %, инструктор и заведующая женотделом — не менее 6 %, педагог, учитель, воспитатель (в том числе один педолог) — не менее 6 %. Другие предыдущие профессиональные занятия женщин красноречиво показывают, что и сельское хозяйство, и городские виды труда находились на этапе социально-экономических перемен. Это выразилось в фигурировании как старых и отмирающих традиционно ориентированных профессиональных занятий, так и приходящих им на смену новых видов трудовой деятельности: перчаточница, фальцовщица, укладчица, радиоработник, учетчица, чернорабочая, перевязочница, фрезеровщица, галошница, счетчица-сортировщица, заготовщица обуви, штопальщица, хлебопашец, кашировщица, модистка, трикотажница, кондитер, сверловщица, резинщица.

*Политическая благонадежность.* Смена государственного строя сопровождалась необходимостью личного политического самоопределения граждан, и женщин в частности, — быть сопричастным к политической деятельности или безучастно наблюдать за событиями. Вопрос «Состоите ли в РКП(б) и РКСМ и с какого года?», кроме общественной активности, выявил политическую осведомленность и прозорливость городских женщин и, наоборот, политическую «растерянность» сельских женщин (рис.).



Членство женщин (члены и кандидаты)  
в партийных организациях (РКП(б) и РКСМ), %

Начало вступления депутаток в Коммунистическую партию датируется 1905 г. — 1 чел. Другой крайней временной точкой вступления в партию был 1922 г., в который ее членами стали 4 женщины. И те и другие показатели относятся к горожанкам. Наиболее «урожайными» годами пополнения партийных организаций новыми членами в лице женщин-депутаток были 1918, 1919, 1920 гг. В эти годы в новые политические организации вступили 23, 38 и 22 респондентки соответственно. Наиболее популярным возрастом вступления в ряды партии и комсомола у женщин были 18—20—23 года.

Кроме партийных органов, женщин привлекали профсоюзные организации. Среди городских депутаток членами профсоюза являлись 91,2 % ответивших, начало их участия в профсоюзном движении датируется 1909 г., среди сельских депутаток — 43,2 % ответивших, начало их участия — 1916 г. Пиковыми годами вступления респонденток в профсоюзы стали 1917 и 1918 гг. для горожанок, 1918 и 1921 гг. — для селянок. У подавляющего числа депутаток вступление в профсоюз предшествовало вступлению в политическую организацию. Другими словами, логика жизни и формирования классового сознания подсказывала, что отстаивание насущных интересов в трудовой деятельности закономерно обостряет противоречие интересов собственников производства

и наемных сотрудников. Следствием этого становится уже не решение трудовых споров, а вовлечение в политическую борьбу. Среди «своих» профессиональных союзов респондентки отмечали такие: металлистов, работников просвещения, транспортников, железнодорожников, коммунальных работников, совработников, кожевников, химиков, текстильщиков, лечебников, союз пищевого и др.

В Петроградский губернский Совет респондентки выдвигались различными коллективами: производственными, партийными, профсоюзными. Но были и выдвижения женских собраний, женотделов и собраний домохозяек. Подобное делегирование прослеживалось у 74 депутаток (34,0 %). Чаще всего в исполкоме женщины были заняты курированием вопросов просвещения, здравоохранения и коммунального хозяйства. Среди городских депутаток этими вопросами занимались 24,8, 21,4, 8,5 %, среди сельских — 5,3, 7,9, 10,5 % соответственно. Правда, максимальное количество сельских представителей предпочли ответ «на заседания ходит» — 23,7 %. Данное распределение ответов свидетельствует, что для города в условиях устроенного быта и решения коммунальных проблем традиционной является устремленность к образовательной деятельности. Противоположная ситуация наблюдается на селе.

Красноречивым фактом по результатам работы с анкетами явилось то, что 120 женщин-депутаток (из 220 респонденток) не смогли ни признать себя грамотными, ни указать свой уровень обучения. Но при этом абсолютно все респондентки «читали» газету «Красную», «Петроградскую правду», «Работницу» и «Крестьянку». Также важным наблюдением, свидетельствующим о степени грамотности опрошенных, является то, что подавляющее большинство анкет было заполнено от третьего лица и одинаковым почерком. К сожалению, это обстоятельство указывает и на условную достоверность представленных ответов, что характеризует историческую эпоху и специфику формирования органов власти молодого Российского государства.

### **Заключение**

Описанные характеристики женщин-депутаток свидетельствуют о хаосе внутри стратификационного деления в обществе и активной социальной мобильности с установлением новых социальных фильтров. Большинство опрошенных женщин-депутаток представляли собой неграмотную и низкоквалифицированную часть в профессиональной иерархии со своим специфичным нормативным поведением и ценностными установками. Но ограниченность образовательного уровня не исключала высокий социальный интеллект и социально-адаптационный потенциал, позволивший женщинам чутко заметить направление перемен и возможности, открываемые в новых социальных структурах общества. Укоренившаяся нестабильность в России по причине военных кампаний и внутренних социально-экономических и политических преобразований, предшествовавших революции 1917 г., обусловила разнонаправленную социальную мобильность, трансформации в производственной сфере, хаос в экономике, крушение ценностей, господство аномии и разгул амбициозной безграмотности, которые подталкивали женщин к поиску островков стабильности

и безопасности с целью получения работы, пропитания, удовлетворения притязаний на признание, возможности поставить детей на ноги. Работа в новых органах власти обеспечивала им удовлетворение общественных и личных интересов. Участие в управленческой деятельности позволяло вносить вклад в укрепление и необратимость революционных перемен в обществе. Помимо этого, решались и личные цели — фиксация собственного социального статуса в новой структуре власти. Авторитетный и возвышающийся над остальными социальный статус управленца реализовывал личные амбиции, обеспечивал стабильную и оплачиваемую занятость, а также персональное самоутверждение и социально-психологические компенсации.

Исторические и социальные условия, трагедии и неудачи в личной жизни, невзгоды и лишения пробуждали в женщинах сильнейшую волю к жизни, которая подталкивала их к неизвестной, подчас опасной работе, но с надеждой на благо. В зону ответственности женщин-депутаток входили вопросы, наиболее привычные для женской части населения, — здоровье, просвещение и бытовая обустроенность. Это те вопросы, которые отражают базовые проблемы общества и лежат в основе современных национальных проектов России.

Пошатнувшийся традиционный уклад жизни и нарушение главенства мужчины в семье, доминирования семейных ценностей оказали центробежное воздействие на брачно-семейные и репродуктивные установки женщин. Приобретенное раскрепощение проявилось в первую очередь в их личной жизни. В ситуации возможности самостоятельного выбора и формирования модели собственной жизни у респонденток доминировала модель одинокой женщины с одним ребенком. Это положение дел является, по сути, иллюстрацией истоков макроуровневых демографических процессов общества (переход семей к модели малодетности и формирование предпочтений одинокого статуса).

Таким образом, коллективный социальный портрет женщины, участвовавшей в первых органах государственного управления Советской России, указывает на ее политическую востребованность в государстве. Во-первых, широкое участие женщин в публичной работе соответствовало росту женского активизма в мировом сообществе и отвечало интересам широкого охвата населения идеями смены старой власти и укрепления новой. Во-вторых, делая максимальную ставку на представителей ранее угнетенного класса, новая власть получила особенно большое количество сторонников в свои ряды. В-третьих, при всем своем новаторстве депутатки являлись выразителями тех проблем, с которыми женщины сталкивались ежедневно, круг вверенных им вопросов был ограничен. В-четвертых, новые условия жизни потребовали от женщины проявления адаптационных действий с целью обеспечения выживания и успешного построения жизненного пути в новом государстве.

Важно подчеркнуть, что именно в Советской России, в СССР впервые реализовались идеи активного приобщения женщин к участию в общественно-политической жизни. Можно говорить о своеобразном протекционизме по отношению к женщинам, их участию в государственно-политических структурах. В этом аспекте наша страна на десятилетия опережала весь мир и являла собой пример решения женского вопроса не на словах, а на деле.

*Список источников*

- Бесчасная А. А.* Социальный портрет студента как компонент мониторинга качества организации образовательного процесса // *Дискурс*. 2019. Т. 5, № 5. С. 64—75.
- Борисов В. А.* Демография. М.: NOTABENE, 2001. 272 с.
- Васеха М. В.* Политика охраны материнства и младенчества 1920-х гг. и «конструирование» матерей нового типа: опыт сибирской деревни // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 2. С. 107—119.
- Выдвиженчество. Женщины в составе специалистов // *Советская интеллигенция: словарь-справочник* / под ред. Л. В. Ивановой. М.: Политиздат, 1987. 221 с.
- Горылев А. И., Кокорева Ю. В.* Участие женщин в реализации государственной власти: историко-правовой аспект // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2007. № 6. С. 208—213.
- Долдодович О. М., Карчаева Т. Г.* Политическая мобилизация женщин в 1920-х гг.: (на материалах Енисейской губернии) // *Женщина в российском обществе*. 2020. № 2. С. 129—137.
- Законодательное собрание Ленинградской области. URL: <http://www.lenoblzaks.ru/static/single/-rus-common-common2-/history> (дата обращения: 17.07.2020).
- Законодательное собрание Санкт-Петербурга. URL: <https://www.assembly.spb.ru/rubric/633200033/Deputaty-1-5-sozyvov> (дата обращения: 17.07.2020).
- Иевлев Н. В.* Деятельность государственных органов по вовлечению женщин в общественно-политическую жизнь Нижнего Поволжья в 1920—1930-х гг. // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2010. № 8. С. 69—73.
- Кривуля О. А.* Образ советской женщины в 20—30-е годы XX в. // *Донецкие чтения*, 2016. Образование, наука и вызовы современности / под общ. ред. С. В. Беспаловой. Ростов-на-Дону: Изд-во Юж. федер. ун-та, 2016. С. 97—100.
- Ленинградский губернский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет (Ленгубисполком) (1918—1927 гг.) // Библиотека исторической информации. URL: <https://libinfo.org/index/index.php?id=20130> (дата обращения: 17.07.2020).
- Октябрем мобилизованные: женщины-коммунистки в борьбе за победу социалистической революции / ред.-сост. Л. И. Стишова. М.: Политиздат, 1987. 286 с.
- Опыт КПСС в решении женского вопроса / отв. ред. Н. И. Кондакова. М.: Мысль, 1981. 269 с.
- Пасовец Ю. М.* К социальному портрету российской молодежи: общие черты и региональная специфика имущественного положения // *Социологические исследования*. 2010. № 3. С. 101—105.
- Писарева М. М.* Офисный актер: штрихи к социальному портрету // *Вестник Пермского государственного технического университета*. [Сер.:] Культура, история, философия, право. 2010. № 2. С. 20—29.
- Социальная история Санкт-Петербурга / отв. ред. О. В. Самылов. СПб.: Русский остров, 2005. 336 с.
- Сытин С. В.* Социологический портрет российского чиновничества // *Социально-гуманитарные знания*. 2010. № 2. С. 162—178.
- Федеральная служба государственной статистики — Росстат. URL: <https://www.gks.ru/folder/12781> (дата обращения: 17.07.2020).
- Фортунатов В. В.* Участие интеллигенции в развитии гражданского общества в 1917—1920 гг. // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна*. Сер. 2, Искусствоведение. Филологические науки. 2018. № 2. С. 178—184.

- Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 371 с.
- ЦГА СПб. (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга). Ф. 1000. Оп. 79. Д. 501—502.
- Чирков П. М. Решение женского вопроса в СССР, 1917—1937 гг. М.: Мысль, 1978. 255 с.

### References

- Beschasnaia, A. A. (2019) Sotsial'nyĭ portret studenta kak komponent monitoringa kachestva organizatsii obrazovatel'nogo protsessa [Social portrait of a student as a component of monitoring the quality of the organization of the educational process], *Diskurs*, vol. 5, no. 5, pp. 64—75.
- Borisov, V. A. (2001) *Demografiia* [Demographics], Moscow: NOTABENE.
- Chirkov, P. M. (1978) *Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR, 1917—1937 gg.* [The solution of the women's question in the USSR, 1917—1937], Moscow: Mysl'.
- Dolidovich, O. M., Karchaeva, T. G. (2020) Politicheskaia mobilizatsiia zhenshchin v 1920-kh gg.: (Na materialakh Eniseĭskoi gubernii) [Political mobilization of women in the 1920s: (On materials of the Yenisei province)], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2, pp. 129—137.
- Fortunatov, V. V. (2018) Uchastie intelligentsii v razvitii grazhdanskogo obshchestva v 1917—1920 gg. [Participation of the intelligentsia in the development of civil society in 1917—1920], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizaina*, seriia 2, *Iskusstvovedenie, Filologicheskie nauki*, no. 2, pp. 178—184.
- Gorylev, A. I., Kokoreva, Iu. V. (2007) Uchastie zhenshchin v realizatsii gosudarstvennoi vlasti: istoriko-pravovoi aspekt [Women's participation in the realization of state power: historical and legal aspects], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, no. 6, pp. 208—213.
- Ievlev, N. V. (2010) Deiatel'nost' gosudarstvennykh organov po vovlecheniiu zhenshchin v obshchestvenno-politicheskuiu zhizn' Nizhnego Povolzh'ia v 1920—1930-kh gg. [Activity of state structures in involving women into social and political life of Nizhniy Povolzhye in 1920—1930], *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 8, pp. 69—73.
- Khasbulatova, O. A. (2005) *Rossiiskaia gendernaia politika v XX stoletii: mify i realii* [Russian gender policy in the XX century: myths and realities], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Kondakova, N. I. (ed.) (1981) *Opyt KPSS v reshenii zhenskogo voprosa* [The experience of the CPSU in solving the women's issue], Moscow: Mysl'.
- Krivulia, O. A. (2016) Obraz sovetskoĭ zhenshchiny v 20—30-e gody XX v. [The image of the Soviet woman in the 20—30s of the XX c.], in: Bepalova, S. V. (ed.) *Donetskie chteniia, 2016. Obrazovanie, nauka i vyzovy sovremennosti*, Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Iuzhnogo federal'nogo universiteta, pp. 97—100.
- Pasovets, Iu. M. (2010) K sotsial'nomu portretu rossiĭskoi molodezhi: obshchie cherty i regional'naia spetsifika imushchestvennogo polozheniia [To the social portrait of the Russian youth: common features and regional specificity of the property status], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 101—105.
- Pisareva, M. M. (2010) Ofisnyi aktor: shtrikhi k sotsial'nomu portretu [Office actor: touches to the social portrait], *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, seriia Kul'tura, istoriia, filosofiia, pravo, no. 2, pp. 20—29.
- Samylov, O. V. (ed.) (2005) *Sotsial'naia istoriia Sankt-Peterburga* [Social history of Saint Petersburg], St. Petersburg: Russkii ostrov.

- Stishova, L. I. (ed.) (1987) *Oktiabrëm mobilizovannye: Zhenshchiny-kommunistki v bor'be za pobedu sotsialisticheskoi revoliutsii* [October mobilized: Women-communists in the struggle for the victory of the socialist revolution], Moscow: Politizdat.
- Sytin, S. V. (2010) Sotsiologicheskii portret rossiiskogo chinovnichestva [A sociological portrait of the Russian bureaucracy], *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, no. 2, pp. 162—178.
- Vasekha, M. V. (2019) Politika okhrany materinstva i mladenchestva 1920-kh gg. i "konstruirovaniie" materei novogo tipa: opyt sibirskoi derevni [The policy of motherhood and infancy protection in the 1920s and "designing" of a new type mothers: the experience of the Siberian village], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 107—119.
- Vydvizhenchestvo. Zhenshchiny v sostave spetsialistov (1987) [Promotion. Women in the composition of specialists], in: Ivanova, L. V. (ed.) *Sovetskaia intelligentsiia: Slovar'-spravochnik*, Moscow: Politizdat.

*Статья поступила в редакцию 20.11.2021; одобрена после рецензирования 22.12.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 20.11.2021; approved after reviewing 22.11.2021; accepted for publication 28.01.2022.*

#### ***Информация об авторах / Information about the authors***

**Фортунов Владимир Валентинович** — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, философии, политологии и социологии, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, г. Санкт-Петербург, Россия, elena.fortunatov@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of History, Philosophy, Political Science and Sociology, St. Petersburg State University of Railways of Emperor Alexander I, St. Petersburg, Russian Federation).

**Бесчасная Альбина Ахметовна** — доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург, Россия, aabes@inbox.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of State and Municipal Administration, North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation).

## ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

---

---

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по адресу: [winrs@bk.ru](mailto:winrs@bk.ru).

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся название статьи, имя, отчество и фамилия автора, текст, список источников). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7—2021):

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Список источников к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Список источников») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

---

---

## СОДЕРЖАНИЕ

---

---

<b>Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н.</b> Эволюция женского вопроса в российском обществе (1900—2020) .....	3
<b>Ростовская Т. К., Князькова Е. А.</b> Государственная политика в отношении молодой семьи: экспертный обзор .....	22
<b>Шведова Н. А.</b> Женское лидерство в мире: «продвижение вперед» .....	32
<b>Придатченко М. В., Шалютина Н. В.</b> Отношение к женскому лидерству в контексте профессиональной субъектности .....	48
<b>Комарова К. А.</b> Неравенство полов в Южной Корее: дискурс-анализ художественного фильма «Ким Джиён, 1982 года рождения» .....	61
<b>Казун А. П.</b> Влияние пандемии коронавируса на домашнее насилие: обзор международных исследований .....	72
<b>Капустин Н. В.</b> К портрету Аполлинарии Суловой: смещение точки зрения .....	87
<b>Сулейманова Р. Н.</b> Охрана материнства и детства в Советской России в 1920-х гг.: опыт Башкирии .....	98
<b>Фортунатов В. В., Бесчасная А. А.</b> Женщины в государственных органах управления Советской России: с чего все начиналось (Петроград, 1923 г.) .....	108
<i>Информация для авторов</i> .....	121

---

---

# CONTENTS

---

---

<b>Khasbulatova O. A., Smirnova I. N.</b> The evolution of women’s issues in Russian society (1900—2020) .....	3
<b>Rostovskaya T. K., Knyazkova E. A.</b> State policy towards a young family: expert review .....	22
<b>Shvedova N. A.</b> Women’s leadership in the world: “promoting forward” .....	32
<b>Pridatchenko M. V., Shalyutina N. V.</b> Attitudes to women’s leadership in the context of professional subjectivity .....	48
<b>Komarova K. A.</b> Inequality between women and men in South Korea: a discourse-analysis of the motion picture “Kim Ji-young: Born 1982” .....	61
<b>Kazun A. P.</b> The impact of the coronavirus pandemic on domestic violence: review of international research .....	72
<b>Kapustin N. V.</b> To the portrait of Apollinariia Suslova: changing the perception .....	87
<b>Suleimanova R. N.</b> Protection of maternity and infancy in Soviet Russia of the 1920s: regional experience .....	98
<b>Fortunatov V. V., Beschasnaia A. A.</b> Women in the government bodies of Soviet Russia: how it all began (Petrograd, 1923) .....	108
<i>Information for the authors</i> .....	121

**ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**  
**Российский научный журнал**  
**№ 1 — 2022**

Директор издательства *Л. В. Михеева*  
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*  
Технический редактор *И. С. Сибирева*  
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 31.03.2022 г. Печать плоская. Бумага писчая.  
Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 10,9. Уч.-изд. л. 8,7. Тираж 100 экз.  
Заказ № 87. Цена свободная

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»  
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39  
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru



Выходит ежеквартально с 1996 года

Распространяется по подписке и  
по предварительным заявкам ученых  
и библиотек

 **ЖЕНЩИНА**  
В РОССИЙСКОМ  
**ОБЩЕСТВЕ**